

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

7

2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal
There are 10 issues of the journal a year.
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature
10.01.03 Foreign literature
10.01.08 Literary Theory. Textology
10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies
10.02.01 Russian language
10.02.02 Languages of the Russian Federation
10.02.19 Theoretical linguistics
10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory
24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015
Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047
e-mail: iurganov@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: iurganov@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), RAS Institute of Slavic Studies / Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor-in-chief*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), Ph.D., Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

A.L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Грициер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Желниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Боулдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

Contents

In memoriam

- Aleksandr I. Filyushkin*
The world has become less. In memory of Andrei Karavashkin 12
- From the “Notebooks” of professor A.V. Karavashkin
(*Publication and comments by A.L. Yurganov*) 18

Contextual Concepts in the Cultural History of Russia

- Introduction (*A.L. Yurganov*) 31
- Dmitriy I. Antonov*
Figures and signs. On the principles of creating a “micro-narrative”
in Russian iconography 36
- Aleksei S. Gulin*
Penal servitude (Katorga) and exile in 60–70th years
of the 19th century. General criminal laws
and regulations on political exiles 55
- Mikhail P. Odesskii*
Episode from the history of the ideologeme “reaction”.
The Silver age 66
- Aleksandr B. Astashov*
The formula “government of trust” in the perceptions
of the public. From the history of political concepts
on the eve of 1917 74
- Andrey L. Yurganov*
The birth and transformation of the “general line”
of the Central Committee of the VKP(b) in the political struggle
of the second half of the 1920s and early 1930s 83
- Yana E. Kanevskaya, David M. Feldman*
Where the past goes. The history of the term “wrecking” 114
- Pavel E. Spivakovskii*
The artistic images of post-death in the poetry by Joseph Brodsky
and Olga Sedakova 141

Содержание

In memoriam

- Александр И. Филюшкин*
Мир стал меньше. Памяти Андрея Каравашкина 12
- Из «Записных книжек» профессора А.В. Каравашкина
(*Публикация и комментарии А.Л. Юрганова*) 18

Контекстуальные понятия в культурной истории России

- Введение (*А.Л. Юрганов*) 31

- Дмитрий И. Антонов*
Фигуры и знаки: о принципах построения «микрорассказа»
в русской иконографии 36

- Алексей С. Гулин*
Каторга и ссылка 60–70-х гг. XIX в.: общеуголовные законы
и правила о политических ссыльных 55

- Михаил П. Одесский*
Эпизод из истории идеологемы «реакция»:
Серебряный век 66

- Александр Б. Астахов*
Формула «правительство доверия» в представлениях
общественности: из истории политических понятий
накануне 1917 г. 74

- Андрей Л. Юрганов*
Рождение и трансформация «генеральной линии» ЦК ВКП(б)
в политической борьбе второй половины 1920-х –
начала 1930-х гг. 83

- Яна Е. Каневская, Давид М. Фельдман*
Куда уходит прошлое: история термина «вредительство» 114

- Павел Е. Спиваковский*
Образы пост-смерти в поэзии Иосифа Бродского
и Ольги Седаковой 141

In memoriam

15 января 2021 г. скоропостижно скончался

Андрей Витальевич Каравашкин

*доктор филологических наук,
профессор Историко-архивного института, заведующий кафедрой
истории русской классической литературы Института филологии
и истории РГГУ, ведущий научный сотрудник Института мировой
литературы (ИМЛИ) Российской академии наук,
выдающийся ученый-гуманитарий, медиевист-литературовед,
филолог, историк общественной мысли,
автор многих трудов по истории России*

А.В. Каравашкин родился в Москве 20 августа 1964 г. С отличием закончил МГПИ им. В.И. Ленина. В 1991 г. защитил кандидатскую диссертацию «Концепция человека и способы изображения исторических лиц в посланиях Ивана Грозного» (научный руководитель проф. Н.И. Прокофьев). С 1991 по 2004 г. работал

на кафедре литературы МПГУ, пройдя путь от старшего преподавателя до профессора. В июне 2001 г. защитил докторскую диссертацию «Русская средневековая публицистика: проблема творческой индивидуальности (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский)». В 2004–2005 гг. был проректором по научной работе Московского гуманитарного педагогического института (МГПИ). С 2005 г. – профессор РГГУ.

А.В. Каравашкин принимал участие в становлении такого нового направления российской исторической науки и медиевистической русистики, как историческая феноменология. Его обширные энциклопедические знания, культурологическая и философская начитанность воздействовали на широкую студенческую аудиторию, показывая пример, каким не только может, но и должен быть образцовый ученый-гуманитарий.

Светлая память, дорогой коллега, друг, учитель!

Мир стал меньше.
Памяти Андрея Каравашкина

Александр И. Филюшкин

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, a.filushkin@spbu.ru*

Аннотация. Статья посвящена памяти филолога и историка, профессора РГГУ Андрея Витальевича Каравашкина (1964–2021). Рассматривается его научная деятельность. Отмечаются ее главные результаты: участие в обосновании методологии исторической феноменологии, включающей в себя новаторские идеи о «беспредпосылочной герменевтике», разработка концепции «царской жертвы» и ее роль в становлении идеологии самодержавной власти в средневековой Руси. Каравашкин внес большой вклад в изучение истории и культуры Московской Руси, сочинений Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Андрея Курбского. В книге «Литературный обычай Древней Руси» им была предложена оригинальная концепция развития древнерусской литературы. Подчеркивается важность исследований А.В. Каравашкина в гуманитарной науке, синтезирующей исторические и филологические области знания.

Ключевые слова: древнерусская литература, герменевтика, историческая феноменология, Иван Грозный

Для цитирования: Филюшкин А.И. Мир стал меньше. Памяти Андрея Каравашкина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 12–17. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-12-17

The world has become less.
In memory of Andrei Karavashkin

Aleksandr I. Filyushkin

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, a.filushkin@spbu.ru*

Abstract. The paper is devoted to the memory of Andrei Vital'evich Karavashkin (1964–2021) the philologist and historian, professor of the Russian State University for the Humanities. His scientific activities are

considered. Its main results are noted: participation in the development of the methodology of historical phenomenology, that includes innovative ideas of “premiseless hermeneutics”, the concept of “royal sacrifice” and its role in the formation of the ideology of power in medieval Russia. Karavashkin made a great contribution to the study of the history and culture of Moscow Russia, the narrative of Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky.

In the book “The Literary Custom of Old Rus” he proposed an original concept for the development of Old Russian literature. The importance of A.V. Karavashkin’s research in the humanities, synthesizing the historical and philological fields of knowledge is highly assessed.

Keywords: Old Russian literature, hermeneutics, historical phenomenology, Ivan the Terrible

For citation: Filyushkin, A.I. (2021), “The world has become less. In memory of Andrei Karavashkin”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 12–17, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-12-17

В 1990-е гг. центрами притяжения московских гуманитариев выступали научные семинары, функционировавшие под покровительством академических институтов. Исследователи древнерусской литературы, историки Древней и средневековой Руси объединялись в Общественном семинарии исследователей Древней Руси, который проходил по средам в 18.00 в Институте мировой литературы РАН под руководством Анатолия Сергеевича Демина. Семинарии проходили по классическому, но весьма эффективному формату: доклад на 30–40 минут и потом – на 1,5–2 часа – долгое и обстоятельное обсуждение с «залом». Для молодых ученых это была хорошая школа, апробация результатов своего труда перед высоким научным собранием. Для маститых исследователей – прекрасная возможность обсудить свои новые идеи с заинтересованными слушателями (Тематику семинария в начале 1990-х гг. можно посмотреть в публикации: [Заседания 1992 Каравашкин 2005а]).

Именно на семинарии у А.С. Демина 8 апреля 1992 г. состоялось мое знакомство с Андреем Витальевичем Каравашкиным. Я, тогда студент-дипломник истфака Воронежского государственного университета, делал доклад: «К вопросу о реальности правительства Адашева». Меня критиковали, а после доклада подходили, обменивались координатами, приглашали в гости. Среди тех, кто вручил визитную карточку, был и Андрей. Мы нашли общую сферу интересов в области изучения переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского. Стали обмениваться письмами, а потом Андрей предложил вместе сделать герменевтический комментарий

к переписке царя и беглого князя. В научном плане этот наш с ним проект не привел к большим результатам: мы выступили на семинарии у Демина, опубликовали совместную статью [Каравашкин, Филошкин 2000]. Но он сыграл большую роль в нашем сближении и в выработке общих методологических воззрений на изучение древнерусской литературы, которые рождались в многочасовых совместных спорах и обсуждениях.

Вклад ученого всегда оценивается по истечении времени. Мне кажется, что многие положения, высказанные Андреем Каравашкиным, со временем будут становиться все более влиятельными, воздействовать на умы исследователей. Это и осмысление проблем источниковедения, в ходе которых родился концепт «беспредпосылочной герменевтики» [Каравашкин 2000а, с. 121–139; Каравашкин 2003, с. 124–133], и выработанные совместно с Андреем Львовичем Юргановым принципы исторической феноменологии [Каравашкин, Юрганов 2003; Каравашкин, Юрганов 2005], и критика центонно-парафразного метода И.Н. Данилевского. Каравашкин обосновал, что цитаты из текста могут жить своей литературной и дискурсивной жизнью, которая далеко не всегда верифицируема. По его словам,

...«генетическое досье» текста не предопределяет автоматически его понимание. Это лишь одна из процедур предварительного исследования памяти, позволяющая в лучшем случае избавиться от объективизма, от приписывания тексту примитивной функции зеркала, ‘верно’ или ‘неверно’ отражающего действительность как таковую [Каравашкин 2005а, с. 378–379]¹.

Исследования Андрея Каравашкина ценны прежде всего тем, что в них предлагалась методология, причем собственная методология, а не заимствованная из зарубежных книг. К сожалению, большая часть методологических построений отечественной историографии базируется на переосмыслении западных концепций. В данном случае плохо не то, что они западные, а то, что они заимствованы – теория и методология истории не является сильной стороной собственных изысканий российской историографии. О причинах этого можно долго рассуждать, но тем драгоценнее глубокие и качественные разработки отечественными учеными методологических вопросов источниковедения и историографии. Как любая оригинальная концепция, эти теоретические построения были встречены с критикой [Кром 2004; Исаев 2013]. Но они, вне всякого сомнения, займут свое высокое место, когда через

¹ См. также: [Каравашкин 2005b, с. 39; Каравашкин 2007, с. 374–381].

много лет будет писаться очерк истории развития отечественной историографии на рубеже XX–XXI вв.

Андреем Каравашкиным на основе древнерусских текстов были разработаны научные истолкования целого ряда феноменов русской истории. Как пример такого глубокого анализа можно привести его концепцию «царской жертвы» и разработку идеологии власти в Московской Руси [Каравашкин 2000b; Каравашкин 2006]. Она опирается на осмысление широких пластов источников, от Священного Писания, византийских политических трактатов до памятников древнерусской литературы.

Андрей являл собой редкий сегодня тип чистого, настоящего ученого, свободного от конъюнктуры эпохи. Он не изучал тексты прошлого – он жил ими. Мне посчастливилось лично наблюдать его творческую кухню, как рождались мысли: Андрей любил их проговаривать вслух, при этом беседуя в собственном воображении с многочисленными оппонентами, но обращаясь к сидящему перед ним слушателю. Он представлял, как он выскажет / напишет эту мысль, что ему возразят и что он на это ответит. Его увлекал сам процесс интеллектуального конструирования. В этом не было ни грамма фальши, вычурности. С ним было очень интересно беседовать, дискутировать, да и просто слушать его, иногда любясь ходом рождения мысли, как она возникает, оформляется, развивается, претерпевает эволюцию, – и позже читать эти идеи уже на страницах книг и статей, вышедших из-под пера Андрея.

Если говорить о главных чертах Андрея Каравашкина как ученого, то это искренность, вдумчивость и глубина. Мотивы многих людей, сопричастных науке, заниматься той или иной темой часто бывают зависимы от общественной моды, государственного или социального заказа, меркантильных или карьерных соображений и т. д. Андрей был абсолютно чужд всему этому. Он делал то, что ему интересно, и делал, как ему было интересно. У него нет поверхностных, проходных, легковесных работ, в каждой присутствует мысль и за каждой стоит огромная работа, скрытая от глаз публики, как подводный лед айсберга.

Будучи интеллектуалом большого масштаба, Андрей не ограничивался наукой как сферой деятельности. Он писал художественную прозу, активно сотрудничал с журналом «Россия XXI», где в публицистических очерках обкатывал многие свои идеи. В последние годы активно участвовал в жизни блогосферы. А еще он был любопытным, жадным до ярких впечатлений – в искусстве, литературе, музейных экспозициях, да и в простой человеческой жизни. Он был человек высокого вкуса во всем, от литературы до изысканной кухни.

Мир стал меньше и тусклее, когда ушел Андрей Каравашкин.

Литература

- Заседания 1992 – Заседания Общеславянского семинария исследователей Древней Руси: 1991–1992 гг. // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 3 / Отв. ред. А.Н. Ужанков. М., 1992. С. 474–478.
- Исаев 2013 – *Исаев Д.П.* Источниковедение культуры, или Феноменологический метод в современной российской историографии // *Клио*. 2013. № 12. С. 142–145.
- Каравашкин 2000а – *Каравашкин А.В.* Единственная реальность: о методологических спорах нашего времени // *Россия XXI*. 2000. № 6. С. 121–139.
- Каравашкин 2000б – *Каравашкин А.В.* Харизма царя: Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации // *Одиссей: Человек в истории*. 2000. М., 2000. С. 257–275.
- Каравашкин, Филюшкин 2000 – *Каравашкин А.В., Филюшкин А.И.* События и лица Священной истории в посланиях Ивана Грозного и Андрея Курбского // *Русская религиозность: Проблемы изучения*. СПб.: Фонд по изучению истории Русской Православной церкви во имя Святого Димитрия Ростовского, 2000. С. 84–92.
- Каравашкин 2003 – *Каравашкин А.В.* Необратимость источниковой реальности // *Россия XXI*. 2003. № 4. С. 124–133.
- Каравашкин, Юрганов 2003 – *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности. М.: РГГУ, 2003. 381 с.
- Каравашкин 2005а – *Каравашкин А.В.* Библейские тематические ключи: Пределы верификации // *Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института*. М., 2005. Т. 3. С. 375–381.
- Каравашкин 2005б – *Каравашкин А.В.* Междисциплинарный подход к исследованию библейских тематических ключей // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2005. № 3 (21). С. 38–39.
- Каравашкин, Юрганов 2005 – *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. 209 с.
- Каравашкин 2006 – *Каравашкин А.В.* Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории XI–XVII вв. // *Россия XXI*. 2006. № 4. С. 62–109.
- Каравашкин 2007 – *Каравашкин А.В.* Лабиринты центонно-парафразного метода // *Источниковедение культуры: Альманах / Отв. ред., сост.: А.Л. Юрганов*. М.: РГГУ, 2007. С. 374–381.
- Кром 2004 – *Кром М.М.* «Зрячий миф», или Парадоксы «исторической феноменологии» // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 4 (68). С. 309–319.

References

- Isaev, D.P. (2013), “Source study of culture, or The phenomenological method in modern Russian historiography”, *Klio*, no 12, pp. 142–145.
- Karavashkin, A.V. (2000a), “The only reality. On the methodological disputes of our time”, *Rossiya XXI*, no 6, pp. 121–139.
- Karavashkin, A.V. (2000b), “Charisma of the king. The medieval concept of power as a subject of semiotic interpretation”, *Odysseus. Man in history*, pp. 257–275.

- Karavashkin, A.V. and Filjushkin, A.I. (2000), "Events and Persons of Sacred History in the Epistles of Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky", *Russkaya religioznost': Problemy izucheniya*, Saint Petersburg, Russia, pp. 84–92.
- Karavashkin, A.V. (2003), "Irreversibility of the source reality", *Rossiia XXI*, no. 4, pp. 124–133.
- Karavashkin, A.V. and Yurganov, A.L. (2003), *Opyt istoricheskoi fenomenologii: trudnyi put' k ochevidnosti* [An Essay of Historical Phenomenology: The Hard Road to Evidence], RGGU, Moscow, Russia.
- Karavashkin, A.V. (2005a), "Bible Themed Keys. Verification Limits", *Uchenye zapiski Moskovskogo gumanitarnogo pedagogicheskogo instituta*, no. 3, pp. 375–381.
- Karavashkin, A.V. (2005b), "An Interdisciplinary Approach to Exploring the Bible Themed Keys", *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*, no. 3 (21), pp. 38–39.
- Karavashkin, A.V. and Yurganov, A.L. (2005), *Region Doksa*. [Doxa region] *Istochnikovedenie kul'tury*., RGGU, Moscow, Russia.
- Karavashkin, A.V. (2006), "Tormentor's Power. Conventional models of tyranny in Russian history of the 11th–17th centuries", *Rossiia XXI*, no. 4, pp. 62–109.
- Karavashkin, A.V. (2007), "Labyrinths of the centon-paraphrase method", Yurganov, A.L. (ed.), *Istochnikovedenie kul'tury. Al'manakh*, RGGU, Moscow, Russia, pp. 374–381.
- Krom, M.M. (2004), "The Seeing Myth", or Paradoxes of "Historical Phenomenology", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (68), pp. 309–319.
- Uzhankov, A.N. (ed.) (1992), "Meetings of the All-Moscow Seminary of Researchers of Old Rus. 1991–1992", *Germenevtika drevnerusskoi literatury*, iss. 3, Moscow, Russia, pp. 474–478.

Информация об авторе

Александр И. Филушкин, доктор исторических наук, профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; a.filushkin@spbu.ru

Information about the author

Aleksandr I. Filyushkin, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of History of Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; a.filushkin@spbu.ru

УДК 80(092)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-18-30

Из «Записных книжек»
профессора А.В. Каравашкина
(Публикация и комментарии А.Л. Юрганова)

Аннотация. Впервые публикуются фрагменты дневниковых записей профессора РГГУ, доктора филологических наук А.В. Каравашкина (1964–2021). Выдающийся исследователь древнерусской литературы, профессор Каравашкин был личностью разносторонне развитой, по-настоящему масштабным представителем гуманитарной науки, ему были близки разные области познания: филология, лингвистика, история культуры, философия. Дневниковые записи показывают незаурядную личность в своем жизненном времени. Мысли и суждения гуманитария направлены были на самые острые и глубокие вопросы жизни.

Ключевые слова: профессор А.В. Каравашкин, записные книжки, гуманитарная наука, историческая феноменология, древнерусская литература

Для цитирования: Из «Записных книжек» профессора А.В. Каравашкина (Публ. и коммент. А.Л. Юрганова) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 18–30. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-18-30

From the “Notebooks”
of professor A.V. Karavashkin
(Publication and comments by A.L. Yurganov)

Abstract. It is for the first time ever that the excerpts from the diary of A.V. Karavashkin (1964–2021), Professor, Doctor in Philology, are published. An outstanding researcher of Old Russian literature, Professor Karavashkin was an all rounded man of versatile personality, a truly major representative of the humanities, he was close to different fields of knowledge: philology, linguistics, cultural history, philosophy. Diary entries show an extraordinary personality in his time of life. Thoughts and judgments of the humanist were aimed at the most acute and deepest issues of life.

Keywords: Professor A.V. Karavashkin, notebooks, humanities, historical phenomenology, Old Russian literature.

For citation: “From the ‘Notebooks’ of professor A.V. Karavashkin (Publication and comments by A.L. Yurganov)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 18–30, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-18-30

«Записные книжки» – так назвал свои личные записи сам А.В. Каравашкин. Общий объем их невелик – около 40 машинописных страниц. Существуют ли другие записи, хотя бы в черновом виде? Вполне возможно, но они пока не найдены. Точнее сказать, какие-то записи обнаруживаются, но являются ли они частью того, что он считал своими «записными книжками», – неизвестно.

Я давно знал, что Каравашкин нерегулярно вел записи важных событий или размышлений. Кое-что он мне зачитывал по телефону. Я радовался тому, что некоторые факты научных дискуссий с нашим участием были им освещены, однако в дошедшем машинописном варианте я их не обнаружил.

Каравашкин никогда не стал бы вести дневник ежедневности, потому что его увлекала интеллектуальная значимость написанного. Он записывал не только для того, чтобы не забыть. Но прежде всего для того, чтобы обдумать написанное, – так он выстраивал диалог с самим собой. При всей своей доброжелательности в общении с людьми, он не был человеком открытым и коммуникабельным. Его поглощала интенсивная внутренняя жизнь думающего интеллектуала. Он мог часами погружаться в себя, в размышления, и не замечать времени. Однажды он задумался на несколько часов и чуть не забыл, что надо ехать в университет на занятия со студентами...

Думаю, это одна из самых глубоких причин его неприятия современной России, где вместе с авторитарным строем постепенно возник слой «примитивных людей» (как он написал в дневнике), неспособных воспринимать сложную картину мира. Ему были чужды как инфантилизм молодого поколения, так и властная вертикаль, ожидающая покорного исполнителя в лице ни о чем не думающего человека. Расхождения с действительностью были отнюдь не «стилистические», как обычно шутили в советское время, а метафизические. Его угнетала ситуация, когда на протяжении всех нулевых лет, вплоть до последних дней жизни, катастрофически обесценивалась мысль как таковая и параллельно «обнулялось» всякое содержание написанного. Не качество, а количество написанного – безотносительно к содержанию – превращалось в своеобразное крепостное право людей науки, вынужденных бороться за «добавки» к зарплате... Незадолго до смерти он говорил мне, что хочет навсегда отказаться от предлагаемых обстоятельств насилия над личностью и жить свободно.

Его лекции, статьи, книги всегда вызывали серьезный интерес у профессиональной части гуманитарной науки, но он с большим трудом принимал судьбу интеллектуала без общественной востребованности.

В данном выпуске публикуется отобранная мною часть дневниковых записей профессора Каравашкина, дающая представление об авторе, как о мыслящей личности и незаурядном ученом-гуманитарии.

Андрей Каравашкин. Гражданин СССР. Родился в 1964 году в Москве. Окончил институт в 1981 году. Занимался историей и литературоведением. Главный предмет интересов древнерусская культура и методология гуманитарного знания. С 2001 года – доктор филологических наук. Женат. Двое детей. Последнее место работы Российский государственный гуманитарный университет. Большой опыт жизни в эпоху перемен. Современник антропологической революции 1991–2008 гг. Имею собственные взгляды. К партии не принадлежу. Не выработал привычки путать конфессию и веру. Самокритичен. Склонен к рефлексии и сомнениям¹.

<...>

[Об идолопоклонстве]

Эта статья призвана опровергнуть расхожую мысль, которой утешает себя не одно поколение. Мысль эта проста и понятна. Она призвана поощрять нашу самовлюбленность, обычно уступающую место величайшему самоуничтожению. В последнее время принято все чаще говорить о нашей национальной исключительности. Об особой духовности, отличающей жителей России от остальных народов. Потребность в разнообразных формах поощрения национальной гордости стала как никогда сильной.

Страсть величаться, куражиться над другими, презирать того, кто «нечист», близка нашему национальному чувству. Это одна из крайностей, которая оборотной стороной имеет недалекость, нелюбовь к себе, непонимание себя и своих целей. От гордыни до предательства – один шаг.

Поразительным образом у некоторых моих знакомых, православных неопитов, воцерковленная жизнь начиналась не с вдумчивого смирения, но с презрения к неверующим или к тем, кто верит «не так», или к тем, кто дружит «не с теми», не живет стадной жизнью. Только у нас соборность существует как предмет интеллектуальных упражнений, а на практике подменяется партийной дисциплиной или групповыми интересами. Нулевая социальная солидарность и «мерзость запустения» в человеческих отношениях следствие того, что у нас привыкли объединяться только вокруг фетишей, вызывающих сильные эмоции. Эта страсть поклонения неизбывная черта отечественной жизни.

¹ В «Записных книжках» эта часть выделена полужирным шрифтом самим автором.

Обнаружить интенции идолопоклонства в нашей повседневности вроде бы нелегко. Но это на первый взгляд. Современное российское идолопоклонство не имеет отношения к язычеству. О нашем древнем многобожии известно чрезвычайно мало, и эти сведения настолько расплывчаты и скудны, что только некоторым фольклористам кажется, что двоеверие не изжито и остается частью нашей культурной памяти. Идолопоклонство – не в формах религиозности, но – в структуре самосознания, в способности выстраивать приоритеты, в том, что можно было бы назвать распределением моральной ответственности. Идолопоклонство одновременно с этим особая страсть, развившаяся там, где хиреет рефлексия, где пышно расцветает прелесть самовнушения. Без желания быть очарованным нельзя поддаваться ни одному из субъектов суггестии.

Неграмотное по отношению к сложившейся когда-то коммуникативной ситуации словосочетание «культ личности», запущенное вовремя оно цеховскими функционерами, несет в себе более глубокие смыслы, чем кажется на первый взгляд. Культ всезнающего и мудрого отца-руководителя был одним из многих в длинной череде российских культов. У нас гармония исторического бытия вообще не достигается без слепого обожания или доверия, равнозначного полному безразличию к обустройству жизни. Ведь «культ», устанавливаемый идолопоклонниками, и является отданием на откуп, публичным закланием совести, самоотречением, обеспечивающим нравственную, правовую, интеллектуальную и трудовую спячку. «Культ» следствие недостатка энергии и разгула экзистенциальной лени.

Современная борьба за общественное мнение, как и всегда, ведется за право пасти стадо, а не для того, чтобы кому-то было лучше. Самое унижительное для отдельного маленького человека в этой «раскрутке» лидеров и лозунгов состоит в том, что происходит она за счет все большего попиранья каких бы то ни было смыслов и внятных человеческих целей. От правовой вседозволенности общество скатилось к очередному застою. И в этом есть своя логика. Никакого подлинного освобождения в России не произошло. Освободиться от самих себя нельзя. Разве что путем коллективного самоубийства. Но духовные проблемы не решаются с помощью суицида, который равнозначен поражению и признанию собственной несостоятельности.

Поиск национальной идеи обернулся очередным культом, который признан по негласной договоренности. Это культ управленца, допущенного к распределению властных полномочий. Хватательный инстинкт чиновника удовлетворяется в условиях идеологически наиболее благоприятных. Чтобы бюрократы всех мастей могли, наконец, насладиться безнаказанностью, необходим отвле-

кающий маневр. Поэтому апелляция к дремлющим, но всегда готовым проснуться идолопоклонническим интенциям, пришлась как никогда кстати.

Разумеется, все люди моего поколения, кому сейчас хорошо за сорок, прошли через смутные 80–90-е годы. За исключением тех, кто по каким-то причинам были вне родины, все теперешние граждане СССР, успевшие получить паспорт до распада Союза, помнят советское прошлое, и это не абстрактное детское припоминание, а вполне ясное, полноценное ощущение того времени, ощущение, которое иногда не выразишь словами, но которое живет в твоей душе, как живет в каждом имеющем близкие чувства родства, истоков, семейных уз. Хотел бы я вернуться в то время? Искренне скажу. Нет! И дело не только в убогости нашего тогдашнего бытия: бедности, тесных жилищ, скудоумия и серости всегда, во все эпохи хватает. Прежде всего, нас раздражало ощущение внешней несвободы и бесперспективности всей общественной жизни. Мы как будто пришли в тупик. Многие толковали об отсутствии веры, идеалов, целей. Типичным было на кухне говорить одно, а на собрании другое. Двойные стандарты в поведении и во взглядах были различимы невооруженным взглядом. Для этого не надо было напрягать интуицию и тренировать наблюдательность.

Действительность сама перла во все щели. Жизнь вещь упрямая и грубая. Ее не спрячешь под покровом слов. Помню, меня возмущала именно предрешенность выбора: все известно заранее, уже определен не только каждый шаг, но и возможность сделать или не сделать его тоже, будто по какому-то давно спланированному расписанию, где-то значится. И это была регулятивность без цели: часы идут, а зачем, и какой срок они отмеряют, никто не знает. Механизм работал без ресурса, без смысла... Теперь-то я понимаю, какие цели и задачи можно было бы перед собой поставить, как направить эту жизнь.

Особенно болезненно переживалось посягательство на внутренний мир. И здесь каждый, насколько мог, сооружал собственную крепость. Возмущало, что кто-то за нас решил, что Бога нет, что в мире существует одно правильное учение, что нами правит одна партия, что образ мыслей возможен только один, что кто-то устанавливает один свод общественно полезных норм. А презирали мы, как и сейчас, приспособленцев, которые очень неплохо чувствовали себя и в условиях несвободы, и при ограничении прав, и при однопартийности. Никогда не забуду признание моего армейского сослуживца, который в 1987 г. говорил, что хочет стать членом КПСС только для того, чтобы «на гражданке» поехать в Чехословакию и купить там шмотки.

Новый «мейнстрим» определяют два фактора: во-первых, примитивные люди, а во-вторых, неясное ощущение будущего, которое витает в воздухе и которое надо уловить, иногда вопреки привычным стереотипам. Если примитивы и пророки совпадают в одном лице, то им и принадлежат ближайшие десятилетия. Секрет успеха примитивных людей в том, что они мыслят очень пошло и всегда очень конкретно, но к этому ясному сознанию своих целей необходимо приложить программу действия. А чтобы действовать, нужно выбрать наиболее оптимальный путь, а это знание не зависит от привычного образа будущего. Завтра может обрушиться целая общественная система. Видимых признаков катастрофы нет никаких, кроме неуловимого запаха в атмосфере; грани, молекулы этого вещества должен опознать чутливый нос, и надо быть готовым к достижению цели при любых обстоятельствах. Слово «перестройка» многие в СССР восприняли как очередную пятилетку качества и эффективности, как очередной лозунг, брошенный в толпу, состоящую из коллективов, которые на скучных мероприятиях в родном НИИ, или на заводе, или в штабе, или в сельском клубе будут обсуждать неизвестно что и неизвестно для чего (как в русской сказке, пойдти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что). И лишь для избранных в этом слове был заключен подлинный смысл перехода к новому качеству, коннотация прощания с прошлым, приглашение к настоящему прорыву из одного состояния души к другому. Но чтобы понять тогда, что за «перестройкой» (небольшой срок, отпущенный наиболее пассионарным индивидуумам, чтобы собраться с силами, психологически сосредоточиться и глотнуть воздуха) последует вовсе не пятилетка, а полет в безвоздушном пространстве, опасный прыжок в неизвестность, нужно было обладать недюжинным умом и чудовищной интуицией.

Большинство граждан СССР были наивны и по-детски беззащитными. Они примеряли к себе какую угодно роль, но только не роль жертвы, хотя память социального эксперимента должна была подняться из глубин неявного сознания. Но этого не произошло. Мне жалко этих людей. Они не были готовы к тому, что им пришлось испытать. И неготовность эта была тотальной, повсеместной и глубинной, коренной. На смену поколению, которое верило, пришло поколение идолопоклонников-формалистов, имевших опасную привычку полагаться на завтрашний день. Неспособность свободно принимать решения была всеобъемлющей, массовой.

Желание найти себе кумира часто выдается за поиск смысла жизни, за стремление к идеалу, за тоску по целеполаганию, недостаточность которых якобы толкает людей в объятия пороков, самоуничтожения и цинизма. Думаю, причины этих привычных для российской действительности эксцессов, обретающих, как всегда,

наиболее крайние формы, в том, что любая разновидность идолопоклонства никогда не уступала у нас элементарному самоуважению, способности ценить ближних, любить себя и других. В глубинах нашего бытия и нашего самоосмысления высокое заменено суррогатом слепого поклонения. Мы и в своем доме, и в церкви, и на партийном собрании, и в науке, и на государственной службе, и в суде, и среди равных, и среди начальствующих – идолопоклонники и рабы, предпочитающие форму, а не дух, плотское, а не горнее. Мы всегда готовы поделить ответственностью со своими кумирами. Мы слишком быстро проживали то, на что другим был отпущен более длительный исторический срок, и научились склонять голову перед силой, каждый раз не пытаюсь понять ее духовных истоков. На крутых виражах истории наши глаза как будто бы открывались после духовной спячки, но потом их снова отягощала болезненная дремота.

Большая труба, патриарх и «Сочи 2014»

Не случайно одним из кумиров путинской России стал спортсмен, но спортсмен особого типа, спортсмен, любящий начальство и близкий к бюрократам, чемпион-бюрократ, представитель одного из самых взяточемких видов состязаний, борьбы за власть.

Нет ничего более нелепого, чем попытка скрестить клобук, нефтегазовую трубу и языческую олимпиаду, соединив их так, чтобы одно немедленно предполагало второе и третье. Но это произошло. Дура-жизнь по-прежнему опережает воображение. Такова современная Россия.

О науке

Как посредник, обладающий особым коммуникативным призыванием, наука связывает потенциальных собеседников, которые в некоторых случаях были бы лишены возможности контакта.

Создавая термины, мы даем имена абстракциям. Термин по самой природе своей не распространяется на единичное, частное, индивидуальное. Он продукт обобщений. Термин сигнализирует о том, что за наблюдаемой реальностью ученый увидел повторяемость, типичность, правило.

Проблема науки не в терминах (они условны и заменяемы), но в том, как далеко распространяется их власть.

Есть особые качества, объединяющие писателей и ученых, способных создавать большие тексты. Это бегуны на длинные дистанции. Здесь необходим баланс между тремя составляющими:

терпением, психологическим настроем, который приходится поддерживать в ровном состоянии на протяжении значительного промежутка времени, и умением видеть целое еще до того, как здание построено. Чем больше работа, тем важнее ее конструкция, продуманная до мелочей. Для меня такие формы всегда были тягостны. Очень чувствительная нервная система. Я не работы страшусь, а тяжелого изматывающего испытания для психики. Даже физически и психологически железный человек выходит из этого состояния опустошенным.

В исторической науке до определенной степени термины неизбежны. Они, как и слова нашего языка, служат там, где разум современного человека нуждается в подпорках. Это костыли мышления. Термины – неуничтожимое зло, та цена, которую приходится платить за роскошь свиданий с прошлым.

Матрица скептицизма и релятивистской трактовки знания глубоко внедрена в современную науку. Разумеется, речь идет не об идеальном объекте, не об отвлеченной науке как таковой со всеми присущими ей конститутивными признаками, но о той науке, которая разворачивается в своем практическом измерении, науке, которая, по словам А.Ф. Лосева, реально творима живыми людьми.

Современный ученый уже не может искать истину. Эпоха, когда наука занималась этим почтенным делом, прошла. Споры идут не о том, кто ближе к истине, но о том, что такое истина.

«Мы сделали все возможное, чтобы нас не понимали» (Юрганов).

Сотрудники сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома очень любят поздравлять себя с юбилеями на страницах «Трудов отдела». Они вообще себя очень любят. Иногда даже не прочь прихвастнуть тем, какие они добрые христиане, чувствительные, одухотворенные и художественные натуры, живущие в мире со своей совестью и прилежно посещающие храмы. Любопытная бацилла нашей интеллигенции: «Христианская гордость». Болейте на здоровье!

<...>

В науке одной из самых постылых фигур является злобный и несправедливый рецензент. Чаще всего таким людям прямая дорога в кабинет психоаналитика.

В какую пучину архаизации и безрассудства тянут нас ностальгирующие критики! Им не терпится «судить и вязать», отслеживая отщепенцев, шельмуя несогласных. Добро бы только этим дело и ограничивалось. Так ведь еще христианские поучения предлагаются в качестве приправы к этому и без того острому салату. Словно кто-то уполномочил их шарить в закоулках чужой совести, подбирая то, что не позволено обсуждать среди приличных людей.

На этом можно было бы поставить точку. Остается маленький вопрос. А что же вы, господа защитники, не видите, в какую грязь сами попали и тянете других? Если убеждения позволяют так себя вести, то ваше дело. Но христианство здесь при чем? И защита Истины, какое отношение имеет к этой неумеренной «заботе» о ближнем? Можно было бы трезво посмотреть на себя и на свое окружение. Но гордость мешает.

* * *

Выучка и образование видны во всем, особенно в повседневной жизни. Тренировка мозгов полезная вещь.

Чаще всего люди боятся научной рациональности. Она им кажется обременительным излишеством.

Он так много и самозабвенно говорит о себе, что его нетрудно представить пламенным оратором на собственных похоронах.

Живые мертвецы в науке обычная вещь.

Я люблю древнерусскую литературу, но это не является достаточным основанием, чтобы испытывать такие же чувства к Пушкинскому Дому.

Статьи, доклады, конференции, достижения – «гробы поваленные» для не имеющего мыслей.

Ученые, подобно фарисеям, носят одежды гордыни, чтобы их видели люди.

При появлении главного кормчего вся академическая наука синхронно встает и тонет в овалциях. И так с каждой прибавкой к жалованию. Сила маленького Цахеса в том, что он всех может купить.

<...>

Люди избивали пророков и этой враждой разоблачали преступления против своих законов. Истинным обличителем является не пророк, но сам носитель греха. Он подобен скрижалям мерзости. Пророк Софония ярко изобразил положение врагов Израиля, но за контурами этих эсхатологических картин неизменно проступают черты духовного Вавилона (где бы он ни находился). Запустенные символ общего безумства: «И прострет Он руку Свою на север, и уничтожит Асура, и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня, и покоиться будут среди нее стада и всякого рода животные; пеликан и еж будут ночевать в резных украшениях ее; голос их будет раздаваться в окнах, разрушение обнаружится на дверных столбах, ибо не станет на них кедровой обшивки. Вот в чем будет город торжествующий, город живущий беспечно, говорящий в сердце своем: “Я, и нет иного кроме меня”. Как он стал развалиною, логовищем для зверей! Всякий, проходя мимо него, посвищит и махнет рукой» (Соф. 2, 13–15).

О литературе, литературности и литературных героях

Я всегда чувствовал себя в долгу перед художественной литературой, поскольку больше читал научную.

Пережив долгое увлечение Толстым и Достоевским, с трудом принимал притчу и вообще все формы слова, в которых глубина смысла предельно сжата, лишена изобразительной широты. У Толстого и Достоевского притча тонет в океане художественности. Кафка принципиально отличается умением преподнести притчу как притчу.

Привыкнув к «фикшен», перестанешь ценить слово. Ведь на россыпях драгоценных камней редко удивляешься красоте одного камня.

Художественность чрезмерно эксплуатирует образную сторону языка. Русские классики XIX века, как и живописцы-передвижники, не намекают в большинстве случаев, но дают гигантское полотно, со всеми деталями, со всеми нюансами. Так что для домисливания остается мало места. Это специфический художественный язык, к которому привыкнуть легко, но отойти от которого чрезвычайно трудно. У многих годы уходили, чтобы себя перевоспитать.

Человек устроен таким образом, что тот или иной условный мир, в силу неписаных правил, привычки, он начинает воспринимать как часть природного универсума. Линейную перспективу – как единственно возможный принцип организации пространства. Психологическую беллетристику и реалистические характеры – как подлинно художественный способ отображения обстоятельств. Малейшее отступление от этого закона вызывает шок, который сродни ужасу, испытанному парижской публикой 19 века, когда на лужайке художник изобразил одетых в костюмы мужчин при сорочках и галстуках, а рядом полностью обнаженную молодую женщину. Это сочли оскорблением общественного вкуса. Но в подобных отклонениях от фона и заключается существо приема и вообще всего нетривиального. Стоит броситься на сцену, чтобы спасти Дездемону от рук Отелло, как условность театра обнаружится и рухнет вся конвенция сцены. Что и эксплуатирует новейшая режиссура последних ста лет, которая борется с магией театра. Нарушение конвенции один из источников новой жизни.

Как только я погрузился в мир древнерусской литературы, прекратился мой долгий «роман» с русской классикой XIX века. Так нередко иконы отучают от новоевропейской живописи. После византийских и древнерусских мастеров невозможно переключиться на каких-нибудь голландцев и фламандцев XVII столетия с горами сырого мяса, анатомированными трупами, сиськами менад и ляжками фавнов, фактурной морщинистой кожей стариков,

иллюзионизмом формы, цветов, материалов. Пропасть эту перепрыгнуть невозможно.

Искусству все-таки лучше намекать, а не удивлять, приоткрывать завесу, а не оглушать буйством созревших образов и сюжетов. Вот почему больше люблю импрессионистов, чем реалистов.

Современная индустрия развлечений породила особую продукцию, книгу – туалетную бумагу. Конечно, и в советское время много было макулатуры на страницах «Роман-газеты», но все-таки стратегия чтения определялась не уровнем авторов, а воспитанием читателя. Даже к заведомо плохим вещам подходили с критериями очень высокими. Сейчас на смену этому отношению пришло безразличие. Полки магазинов уравнивали философскую классику, Шекспира и детективы, которые читают в метро.

С художественной литературой произошло что-то неладное. Она ушла куда-то на периферию. Сейчас быть читателем собственно художественной вещи даже немодно. Только китайцы, открывающие для себя европейскую культуру, с таким вниманием относятся к современной беллетристической продукции. Им интересны, например, имена современных российских писателей. Центр тяжести переместился в сферу гуманитарно-философской рефлексии. Здесь сейчас говорится больше важного, чем на страницах романов.

Советские люди были последними читателями русской классики. С этой аудиторией умер литературоцентризм. Критик сейчас вообще ничего не значит. Скоро мы забудем это слово. А когда-то критика заменяла в России и общественное мнение, и философию, и гуманитарную науку, и гражданский суд.

Набоков очень странный писатель. Меня не оставляет ощущение, когда читаю его вещи, что он не реализовал себя как поэт. Неважно, что он писал, стихи или прозу. Важно лишь, что в его словотворчестве есть большое желание поднять планку до уровня больших обобщений. Это ему удается редко. Он накапливал образы и словесные обороты, накапливал энергию. Но куда она уходила? Его погубила, видимо, страсть к комментированию. Он был убежден в том, что великая литература не самодостаточна без комментария, и создавал произведения, похожие на материал для дешифровки. Вот уж поистине литература «не для всех»!

Набоков это и есть литературность в чистом виде. Его вещи сродни самопрезентации. Это не одежды высокой классики, а бабочка шеголя.

Если рядом с Кремлем построить супермаркеты в псевдовизантийском стиле, то Кремль станет нереальным, чем-то вроде Диснейленда. Так происходит и с некоторыми памятниками литературы. Рядом нагородили целые вавилоны сомнительных ком-

ментариев, и памятник воспринимается в одном пространстве с подсветкой этих виртуальных ансамблей. Самый яркий пример «Слово о полку Игореве».

Москва

Вчера увидел, как разрушают Хамовнические казармы, памятник архитектуры, на который раньше никто не покушался. Москва превращается в искусанный пирог.

Манежная площадь интересный феномен. Здания разрушают, а затем на их месте возводят копии разрушенных, но с новой начинкой. Евроремонт стал признаком нашего времени.

Невозможно объяснить человеку с мозгами австралопитека, что старая коммуналка может быть примечательна не только своими тараканами. Это касается и всех градостроительных планов. Впрочем, планами это не назовешь. Типичным стало бесконтрольное варварство.

За ближайшим поворотом

Смерть – это естественная и органичная часть нашей жизни. В закономерном переходе к новым формам существования нет ничего ужасного. Главное, чтобы смерть не становилась смыслом жизни, а распад и разложение предметом восторга.

Помню старый комиссионный магазин на Фрунзенской набережной. Он еще при Брежневе был наполнен самой невероятной старинной мебелью и досоветскими редкостями (только икон, по-моему, не было), в просторном по тем временам помещении были расставлены зеркала, трюмо, какие-то невероятные буфеты и шкафы, письменные столы размером с крейсер и консоли с невиданной инкрустацией. В детстве я всегда рассказывал о посещении этого магазина, как о походе в музей. К этой старине, продававшейся уже тогда по астрономическим ценам, дедушка мой относился с нескрываемым презрением, как к недостойным предметам мещанского быта, прибежищу старорежимных клопов.

Комиссионный остался на прежнем месте, но называется теперь «Антиквариат». Теперь это самый старый магазин на Фрунзенской набережной. Он не только пережил Брежнева и Андропова, но успел стать свидетелем других «царствований», которые благополучно закончились. Многая лета тебе, комиссионный магазин!

Академик Тарле, кажется, после долгого перерыва вернулся в Париж, пришел в архив, где много лет регулярно работал, сел за свой стол, выдвинул ящик и нашел свой карандаш. По-другому в России! Не то что карандаша, а родного места через год-два не найдешь.

Про могилы забывают так же быстро, как и про людей. Только в Москве безвозвратно утрачены могилы историка В.Н. Татищева и философа Н.Ф. Федорова, который так много писал о воскрешении предков и создал культ Музея как проекта памяти.

Современный клир не отстает от варваров прошлого. В Самаре археологи помогают батюшкам освободить под новые монастырские постройки дореволюционный некрополь. Под видом раскопок вскрывают могилы и склепы, буквально за ноги вытаскивают из мест упокоения чиновников в еще не истлевших мундирах, в начищенной обуви и в наглаженных брюках. Если это археология, то я испанский летчик. Но, к сожалению, на местах это трупопопательство воспринимают как разновидность краеведения. Данные достоверны. Получены от самих «археологов».

Величайший миф античности посвящен Эдипу. В этом рассказе удивляет его глубокий философский и жизненный смысл, словно он обращен не в прошлое, а в будущее. Человек, отгадавший загадку Сфинкса и легко исполнивший одно из предназначений богов (Фивы избавлены от чудовища, которое послушно бросается в пучину), не знает своей ближайшей судьбы, нелепицы и трагедии своего завтрашнего дня. Лик Сфинкса смотрит на нас из будущего. Мы не ведаем, кто услышит нас, как поймет, как истолкует, что мы на самом деле совершаем, для чего живем. Мы говорим для тех, кого не знаем, о ком не имеем ни малейшего представления, кто вообще находится вне горизонтов нашего воображения. В этом и горькая насмешка, и сладкое утешение, поскольку даже в безнадежности «Сейчас» можно сохранять надежду «Завтра».

Из Кальдерона

(поэтический перевод А.В. Каравашкина. – А. Ю.)

Веселье юности, цветы зари любовной
Недолго восхищали свежей силой.
Ночь открывает черный зев могилы:
Начало смерти в радости греховной.

Торжественным обманчивым покровом
Окутана лукавая природа.
И гибнет все в круговращенье года,
В зиме и в омертвлении суровом.

Как прихотливы нежные цветы!
Лишь распускаются и тут же увядают.
Склеп-колыбель в бутоне красоты.
Как эти розы, люди умирают
В плену страстей и рабской суеты.
Минутами столетья убегают.

Контекстуальные понятия в культурной истории России

Введение

Что значит «контекстуальное понятие»? И почему оно непременно встроено в «культурную историю»? Эти вопросы занимали Андрея Витальевича Каравашкина, работавшего на стыках филологии и истории. Что греха таить: историки озабочены контекстом (в основном «политическим»), а филологи не видят реальности вне текста. И то и другое – крайности специализации, и только по-настоящему одаренные гуманитарии могут себе позволить не ограничиваться профессиональной спецификой, изучая реальность прошлого в междисциплинарном модусе.

Как никто другой, проф. Каравашкин был способен обобщать исследовательскую практику, находя в ней сильные и слабые стороны. К сильным он относил способность ученого видеть контекстуальное пространство, выраженное понятийной сферой современников, к слабым сторонам относил увлеченность метаязыковыми конструкциями.

Способ видеть Другого – это прежде всего реконструкция сферы смыслополагания. Казалось бы, с этим никто не спорит. Ан нет! Спорят, и еще как! В либеральной модели современной европейской науки закладывается внушаемая мысль о невозможности обойтись без мнения исследователя, когда речь идет о мнении Другого. Маленькая деталь, можно сказать даже «щель», но в нее проникает огромный по силе воздействия на окружающих монстр модернизации истории. Незаметно проникнув, он убеждает всех и вся, что только так и возможен диалог с «прошлым». Мнение исследователя вступает в диалог с мнением современника – вот необсуждаемый постулат, например, исторической антропологии, и не только. В этом диалоге остается неизменной установка, что без «предпосылок» никак не обойтись. Но тогда это трудно назвать «диалогом», ибо при встрече предпосылок исследователя и предпосылок современника мы принимаем за основу диалога *нашу* установку актуального сознания. Мы не можем открыть иную сферу объяснения с другой установкой и причинно-следственными связями, потому что для этого необходимо то, что на философском языке называется «воздержанием» от предваряющего суждения. Сторонники неявной модернизации в один голос утверждают – это немислимо! Но почему? Человек обладает свободой воли, никто

ее забрать не может, и в силу этой власти над собой каждый из нас способен слушать и постигать Другого в причинной связности его монолога, не тратя силы на предваряющее суждение. Разве не так мы пытаемся понять друг друга, когда хотим понять? Встреча двух интерпретаций, не способных уступить, – причина непонимания, а встреча двух интерпретаций, желающих полной победы одной-единственной интерпретации, – начало войны, в том числе и мировой. Природа интерпретации преодолима в горизонте, когда «понимание» – *уже не второстепенная* функция интерпретации, а самостоятельная область познания со своими если не законами, то правилами...

Вот над этим много думал А.В. Каравашкин, обобщая опыт филологов, историков, лингвистов и создавая «историческую феноменологию».

Для него было очевидно, что «история» – это только «самосознание современников» и ничего более. Все, что вокруг этого, относится к языковой мастерской исследователя. Никто еще не говорил, что резец по камню такое же произведение искусства, как высеченная из камня модель красоты. Сколько бы мы ни увлекались методами анализа, это нужно не для демонстрации методов, а для того, чтобы открыть неизвестную нам заранее реальность сознания Другого, которая нередко поражает нас удивительными хитросплетениями неузнаваемой сразу логики.

Понятийная сфера – она же человеческая. В высокой степени подвижная сфера, порой трудноуловимая. В последние годы жизни А.В. Каравашкин занимался теоретическими аспектами такой новой категории для исторической науки, как «жизненный мир». Он давал самое простое и самое емкое, как мне кажется, определение того, чем для историка является «жизненный мир» прошлого – это «осмысленная повседневность». Парадокс, на который обратил внимание еще Эдмунд Гуссерль, состоит в том, что непосредственно жизненный мир нам не дан, как не дан нам, например, русский язык целиком, хотя мы на нем говорим, пишем. Непосредственно дана только *наша повседневность* в виде наших привычных интерпретаций. Конечно, можно возразить: зачем придумывать новый термин, если есть старый – просто «повседневность»? Но в теоретическом плане такое понятие оказывается малосодержательным – оно никуда не ведет, а лишь указывает на присутствие чего-то, что можно назвать «повседневностью». Между тем многоаспектная категория «жизненный мир» помогает понять, как устроена культурная история – как в ней в разные моменты ее существования происходит изменение не только «периферии» (что не удивительно), но и «ядра» – устойчивых, иногда многовековых, представлений людей о себе, о Боге, о жизни.

«Понятия» в культурной истории – устойчивая и изменчивая среда воспринимаемого в *собственной структуре*, динамика движения разных форм осознания обиходного и событийного. История в этом роду – поле битвы меняющихся конвенций жизненного мира. Утверждать наличие вневременного в историческом понятии можно только покинув контекст жизненной ситуации. Это состояние – вне истории как подвижной среды бытования человеческих смыслов.

В настоящем номере авторы статей пытаются, каждый в меру сил и возможностей, найти свой ключ к «понятийной» истории через разнообразные коллизии в процессе реконструкции мотивов людей прошлого.

Д.И. Антонов, исследуя русские средневековые иконы, выявляет высокую вариативность общих сюжетов, которые каждый раз переосмысливаются как бы заново, сохраняя общую согласованность в употреблении знаковых символов. Свобода художника, как это ни удивительно, несколько не закреплена общими рамками искусства – напротив: иконописец допускает широкое использование «мелких деталей», которые явно не были рассчитаны на массового потребителя. Мир повседневности Средневековья не чужд стихии индивидуального творчества – обыденное и событийное созданы друг для друга, чтобы, перерождаясь в свою противоположность, удерживать жизненный мир в состоянии, когда движение и статика сосуществуют в таинственном «золотом сечении».

Статья С. Гулина призвана обратить внимание на то, что «методы правового регулирования» сибирской (политической) ссылки нельзя характеризовать набором юридических норм царской России, – в самой жизненной ситуации ссыльных эти нормы перевоплощались в то, чего не было в законах о ссылке или было, но в измененном виде.

Контекстуальное понятие может существовать как социальная идеологема. Так, предметом статьи М.П. Одесского является история слова «реакция» применительно к Серебряному веку русской культуры. Принимая слова-понятия как само собой разумеющуюся данность, можно не заметить важные особенности общественного сознания людей в конкретной ситуации. Путь «остранения» позволяет исследователю увидеть скрытые коннотации. Одесский обращает внимание на то, что С.А. Венгеров, историк и левый публицист, анализируя специфику Серебряного века, сравнивал эту эпоху с той, которая ему предшествовала, и называл ее «реакцией Победоносцева». Венгеров предложил даже свою классификацию типов социальной реакции – что делает его работу весьма значимой в понимании того, как именно воспринималась «реакция» в определенных кругах образованного российского общества. У истори-

ческого понятия нет и не может быть абстрактного содержания (по типу «реакция вообще»), оно всегда есть плод живого контекстуального осознания себя.

Статья А.Б. Асташева раскрывает понятийную трансформацию формулы власти в годы Первой мировой войны – от «правительства доверия» до «правительства, ответственного перед народом». В этом переходе – вся история отношений власти и общества с точки зрения широких демократических институций страны. Но единство народа и власти в войне требовало таких перемен в экономике, которые вели ее эволюционно в сторону регулируемого народного хозяйства, вплоть до планового производства. Эта семантическая трансформация показывает, насколько сложным и запутанным был узел социально-экономических и политических предпосылок Февральской революции.

В статье А.Л. Юрганова изучается понятие «генеральная линия» в истории партии большевиков на протяжении 20-х гг. Впервые это понятие ввел в политический лексикон Н.И. Бухарин, выступая на Четырнадцатой партийной конференции (1925). Оно означало суть политики энпа: надо бороться против двух уклонов. Против того, чтобы считать кулаков основной крестьянской силой в деревне, и против того, чтобы не замечать главную фигуру в деревне – середняка. Это понятие имело изначально дискуссионный смысл и никак не было связано с поздней семантикой единовластия Сталина. Это словосочетание использовали представители объединенной оппозиции для объяснения возможности многопартийной политической системы в СССР, и только в конце 1928 – начале 1929 г. оно стало отождествляться с мнением Центрального комитета партии и лично генерального секретаря, превращаясь постепенно в символ тоталитаризма.

В статье Я. Каневской и Д. Фельдмана исследуется термин «вредительство» в подвижном семантическом пространстве советской реальности, когда наступал переход от культа вождей к культу личности, когда на смену привычной партийной дискуссии приходило осознание того, что уклоняться теперь можно лишь вместе с «генеральной линией» партии. Эта подвижность контекстуального понятия, не имеющего своей ясно выраженной юридической нормы, – предмет исследования авторов, открывающих таким образом картину жизненного мира советских людей в динамическом процессе сталинизма.

Завершает выпуск сборника статья П. Спиваковского, в которой анализируется то, как Иосиф Бродский и Ольга Седакова изображают посмертное существование человека. В поэтическом мире нет строгих аналитических суждений, нет «результатов» исследований, нет ничего, кроме мистического проникновения

в тайны, которые открываются в медитациях. Как сказано в романе «Доктор Живаго», искусство всегда занимается двумя вещами – «оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь». В поэтическом творчестве нет ничего, что было бы выше, чем эта неразлучная пара вечно волнующих слов-понятий. По мнению Спиваковского, Бродский концентрируется на агностическом эффекте небытия (агностицизм не отрицает продолжение жизни), Седакова же, тяготеющая к христианской картине мира, говорит о «невероятном счастье» трагического (и порой страдательного) перехода к жизни вечной. В этих понятийных координатах осуществляет себя поэтический мир нашей современности.

В настоящем сборнике собраны статьи историков, филологов, культурологов. Они показывают возможности междисциплинарного взаимодействия гуманитариев. Эту традицию следует продолжать, развивать, не забывая того, как много было сделано ушедшими от нас в мир иной выдающимися учеными-гуманитариями, к числу которых, вне всякого сомнения, можно отнести и Андрея Витальевича Каравашкина.

А.Л. Юрганов

Фигуры и знаки:
о принципах построения «микрорассказа»
в русской иконографии

Дмитрий И. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, antonov-dmitriy@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются принципы построения «микрорассказа» в русской иконографии – автор анализирует функционирование в известных композициях малозаметных визуальных знаков и небольших фигур. Как показано в работе, с помощью таких элементов иконописцы не только вносили многочисленные уточнения и нюансы в изображаемые сюжеты, но и выстраивали новые мотивы и создавали отдельные «микроистории». Основное внимание в статье уделяется иконам «Чудо от иконы “Богоматерь Знамение”, или Битва новгородцев с суздальцами». Проводя анализ серии икон, сохранившихся на сегодняшний день или известных по зарисовкам, автор показывает, как по-разному – в семиотическом плане – выстраивали общие сюжеты русские мастера и какие особенности возникали в разных типах композиций. Максимальная знаковая насыщенность обнаруживается у одной иконы, написанной в 1460-е гг. и хранящейся в Новгородском музее. Ее создатель обличает агрессоров-суздальцев, пользуясь не только общими визуальными приемами, но и мелкими, трудно заметными знаками и деталями, явно не ориентированными на массового зрителя. В ряду других примеров, рассмотренных в статье, это демонстрирует высокую вариативность и пластичность визуальных текстов русской иконописи, которые редко привлекают внимание и мало обсуждаются специалистами.

Ключевые слова: иконография, семиотика, русские иконы, визуальные знаки

Для цитирования: Антонов Д.И. О принципах изображения внутреннего пространства в русской иконографии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 36–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-36-54

Figures and signs.
On the principles of creating a “micro-narrative”
in Russian iconography

Dmitriy I. Antonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, antonov-dmitriy@list.ru*

Abstract. The article considers the principles of constructing a “micro-narrative” in Russian iconography. The author analyzes the functioning of subtle visual signs and small figures in well-known compositions. As the paper shows, with their help, icon-painters not only made numerous clarifications and nuances in the depicted scenes, but also created new motifs and autonomous “micro-stories”. The paper focuses mainly on the icons “The miracle of the icon ‘Our Lady of the Sign’, or the Battle of Novgorodians with Suzdalians”. Analyzing a series of icons that have survived to this day or are known from sketches, the author shows how differently semiotically Russian masters built the common visual story and what new features appeared in various compositions. The most rich in signs icon was the one painted in the 1460-es and stored nowadays in the Novgorod Museum. Its creator denounces the aggressors-Suzdalians not only using general visual techniques, but also with the help of small, hardly noticeable signs and details that are clearly not aimed at the mass audience. Among other images considered in the article, that icon demonstrates clearly the high variability and plasticity of ‘visual texts’ of Russian iconography – the problematic that has rarely attracted attention by specialists.

Keywords: iconography, semiotics, Russian icons, visual signs

For citation: Antonov, D.I. (2021), “Figures and signs. On the principles of creating a ‘micro-narrative’ in Russian iconography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 36–54, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-36-54

Иконография и фольклор

Как отметил однажды французский историк Жером Баше, средневековое европейское искусство, в его бесконечном разнообразии, представляет «разительный контраст по сравнению со строгой стабильностью формул» искусства византийского [Баше 2005, с. 165]. Это действительно так, и неудивительно, что восточнохристианское искусство часто рассматривают именно через призму его инвариантности. Однако совершенно ясно, что стабильность визуальных схем в византийской (и византийского круга)

пост-иконоборческой иконописи не отменяло ни постоянной разработки и региональной / временной эволюции сюжетов и мотивов, ни авторской фантазии и индивидуальных приемов иконописцев.

Изменение иконографических моделей в разные периоды и в разных регионах православного мира всегда привлекало внимание историков искусства. Вариативность визуальных схем оказывалась в центре внимания, когда речь шла об очевидных изменениях, о рождении новых мотивов и схем. Однако вопрос о пластичности русской (и, шире, восточнохристианской) иконописи, о варьировании знаков, деталей и смысловых нюансов при отображении общих сюжетов часто оставался в тени. И в научной, и гораздо активнее – в научно-популярной литературе речь чаще идет о схематичности православного искусства. Более того, в последние десятилетия под влиянием философских рассуждений русских мыслителей начала XX в. (Павла Флоренского, Сергея Булгакова, Леонида Успенского и др.) многие предпочитают говорить об иконописи не просто как о традиционном искусстве, основанном на инвариантных схемах и устойчивом сюжетно-мотивном комплексе, но как о некоем строгом «иконографическом каноне», в самом деле никогда не существовавшем. Что касается отличий в творениях иконописцев и фрескистов, их чаще всего изучают с точки зрения стилистики (школы, направления, авторские приемы), но не семиотики. Между тем смысловые обертоны, возникающие при разработках общих визуальных сцен, крайне важны – они позволяют увидеть не только особенности конкретного образа, но и особенности работы иконописцев, прояснить важные принципы функционирования иконописи как специфического языка культуры.

Восточнохристианское искусство, основанное на устойчивых формулах, во многих аспектах оказывается близко к фольклорной традиции: визуальные композиции чаще всего анонимны (авторские подписи единичны), коллективны (создаются несколькими мастерами, впоследствии поновляются и/или дорабатываются новыми художниками), вариативны (каждый сюжет активно развивается в региональных традициях в разные эпохи, обогащаясь новыми фигурами и мотивами) и пластичны (изменчивы в деталях и нюансах, в том числе на уровне творений одного мастера). Они основаны на авантексте – устойчивом (хотя и постоянно обогащавшемся) наборе визуальных схем, фигур, сюжетов и мотивов. Авторские решения либо проходят цензуру коллектива и начинают воспроизводиться, закрепляясь в традиции, либо остаются уникальными высказываниями отдельных мастеров (о цензуре коллектива см. классическую работу: [Богатырев, Якобсон 1971]; о близких семиотических стратегиях в русской иконографии и фольклоре см., к примеру: [Антонов 2015; Антонов 2017a]). Это

характерно почти для любого вида традиционного искусства – устного, литературного, визуального или акционального, несмотря на все отличия, существующие между ними. В этом плане и вариативность, и пластичность визуальных текстов должны каждый раз становиться предметом семиотического исследования.

Вопрос о варьировании деталей непосредственно связан с вопросом о рецепции изображений. Чем оригинальнее и необычнее становились те или иные визуальные элементы, тем выше были шансы, что они утратят изначальный смысл в глазах зрителей, а затем и самих носителей традиции, иконописцев. Однако бессмысленный (для иконописцев) элемент не может существовать на воспроизводимых ими изображениях – он должен наполняться новыми объяснениями, перекодироваться, обрастать легендами. Усложнение форм – шаг к переосмыслению и гиперсемиотизации оригинально изображенных деталей.

Популярнейшая легенда, связанная с византийским и русским искусством, – мистические «уши» ангелов. На русских иконах у головы небесного духа либо сзади, в районе затылка, либо по бокам, в районе ушей, часто изображали две извивающиеся ленты, «тороки». В самом деле это единая лента, продетая сквозь волосы, – она проходит надо лбом и спускается вниз справа и слева. Такую перевязь для волос, охватывающую голову и украшенную драгоценными камнями, носили римские императоры; кроме того, ее изображали на голове богини Ники, которая стала прообразом ангелов в христианском искусстве. Вполне естественно, что этот знак власти перешел к небесным посланникам в иконографии.

Однако змеящиеся ленты привлекали внимание, а об украшении-перевязи знали не все. В итоге среди русских зрителей родилось популярное объяснение: извивающиеся ленты начали трактовать как дополнительные уши, которые позволяют ангелам слышать Господа. Им придумали логичное в таком контексте название – «слухи». Легенда о «слухах» кочует не первый век, в том числе среди иконописцев. Ее можно встретить в самых разных современных публикациях и альбомах по русской иконописи. Описания бывают красочными: «Даже если бы не было “торока” (“торок” – “слух”, особый завиток справа от головы, с помощью которого ангелы слышат Бога), дивный лик невозможно спутать с человеческим» [Майорова, Скоков 2007, с. 299]. Прагматика легенды понятна – она доходчиво объясняет неясную деталь. Это залог ее популярности (несмотря на абсурдность с точки зрения христианского богословия).

Таких примеров немало: если фигура или мотив переставали быть очевидными, они требовали объяснений и в результате обрастали фантастическими версиями. На протяжении веков книжные

и устные легенды активно взаимодействовали с иконографией, не только рождаясь из различных визуальных образов, но и порождая новые изобразительные мотивы (см. об этом, к примеру: [Антонов 2019, с. 217–226; Антонов 2020]).

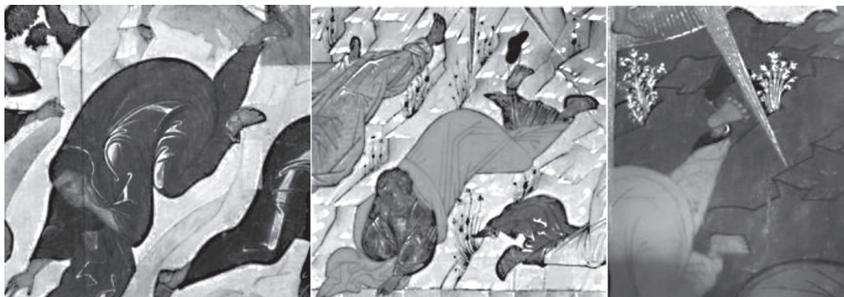
Оригинальные детали и неизвестные объяснения

Неясные для зрителей детали появлялись на разных образах. И далеко не всегда мы знаем легенды, которые они порождали или могли породить. Рассмотрим несколько любопытных случаев.

В русских композициях Вознесения Христова нередко изображали камень-следовик, который почитался как отпечаток стоп Господних. В иерусалимском храме Вознесения на Елеонской горе эта реликвия сохраняется до сегодняшнего дня. Легенда о следах Христа на камне кочевала в средневековой литературе и в европейском искусстве. Она отразилась в знаменитой «Золотой легенде» Иакова Ворагинского. Еще раньше, в начале XII в., о реликвии упоминал русский игумен Даниил: «...и в том теремци под самым врхом темь непокрытым лежит камен-ет святой, идеже стояте и нозе пречистей Владыки нашего и Господа...»¹. Кроме того, камень мог ассоциироваться со словами ветхозаветных пророчеств: «Вот, на горах – стопы благовестника, возвещающего мир» (Наум 1:15), «И сказал мне: сын человеческий! Это место престола Моего и место стопам ног Моих, где Я буду жить среди сынов Израилевых во веки» (Иез. 43:7). При этом на русских иконах и фресках камень-следовик не всегда был выписан четко и ясно – либо же детали терялись при потемнении и поновлении икон. В результате на вершине горы оказывался крупный овал разных цветов, о значении которого могли только гадать зрители, незнакомые с историей иерусалимской реликвии.

Близкий пример связан со сценами Преображения Господня. Здесь часто изображалась сандалия, слетающая с ноги одного из апостолов. Она могла быть полуснятой. Могла выглядеть как черная подошва, отлетевшая в сторону, но связанная с ногой длинными шнурками. Однако на некоторых иконах сандалия превращалась в яркий черный отпечаток, больше похожий на след в горе, чем на обувь. Форма темной подошвы/отпечатка в стороне от стопы апостола привлекает внимание, но чем оригинальнее ее форма, тем больше шансов на рождение новых, легендарных трактовок в среде зрителей.

¹ Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко; РАН. ИРЛИ. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 50.

Фрагменты икон «Преображение»

(1-я пол. XVI в., Ярославский музей-заповедник, инв. № 40943; ИК 139;
2-я пол. XVI в., Владимиро-Суздальский музей, инв. № В-6300/111;
ок. 1613 г., Псковский музей, инв. № ПКМ 1682)

Такая же упавшая сандалия могла появляться на иконах Вознесения Христова. Апостола Павла иногда изображали в динамичной позе: он смотрит вверх, указывая на Христа рукой, или подносит руку к лицу в жесте страха и изумления. С его ноги спадает обувь. Эти детали связаны с будущим обращением Савла. Как говорится в Деяниях, Христос явился ему на пути в Дамаск: «...внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9:3–5). После этого Савл ослеп, прозрел в Дамаске, исцеленный христианином Ананией, уверовал и сменил имя. Жесты, поза и слетающая обувь указывают на будущие события – падение, изумление, страх Павла, совмещая разные сюжеты и временные пласты.

Вознесение
(2-я четв. XVI в.,
Псковский музей,
инв. № 1454)

Зачастую необычные мотивы, требовавшие неких легендарных объяснений, оказывались заимствованы на Руси уже в готовом виде. Опишу два любопытных образа, которые пришли в византийские и русские композиции Входа Господня в Иерусалим из античного искусства.

Иконография этого праздника включает не только фигуры Христа на ослике и апостолов, следующих за Ним, но и горожан, встречающих Царя Славы. Они кладут под ноги осла пальмовые ветви и одежды, приветствуя Христа как правителя и триумфатора, ожидая, что Он избавит Иудею от римского владычества: «Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге» (Мф. 21:8). В руках людей и на земле русские мастера писали либо зеленые ветки, либо вербу (северный аналог пальмовых ветвей, который дал русское название праздника, «Вербное воскресенье»), либо и то и другое. Что касается одежд, их на иконах и фресках постилают дети – маленькие фигурки с рубашками в руках в нижней части композиции.

Как известно, Вход в Иерусалим не только изображали, но и разыгрывали в виде ритуального театрализованного действия – и в Византии, и в Европе. На Руси «шествие на ослиах» распространилось с XV в., сперва в Новгороде, а затем в Москве. Архиепископы новгородские, позднее московские митрополиты, а после 1589 г. патриархи ехали на лошади, ряженной ослом (иногда, возможно, и на осле – экзотическом звере в русских землях). При этом осли вели люди, воплощавшие земную власть: в Новгороде – князья-наместники, в Москве – цари. По описанию анонимного английского автора, члена посольства 1558 г., в московском шествии участвовали сотни человек, духовенство и аристократия:

...за ними шествовали царь и митрополит таким образом: выступает лошадь, покрытая до копыт белым холстом, уши у ней покровом удлинены наподобие ослиных. На этой лошади сидит митрополит, сбоку, как ездят верхом женщины... [в той же позиции, как изображается Христос в иконографии Входа в Иерусалим. – Д. А.]. Человек 30 расстилают свои платья перед лошадью, и как только она пройдет по ним, поднимают платья, забегают вперед и снова расстилают их, так что лошадь постоянно идет по одеждам².

В греческой, а затем и в русской иконографии эта евангельская сцена включила популярный мотив античного происхождения: дети снимают рубашки через голову. Мотив кочевал в средневеко-

² Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских. М.: Университетская типография, 1884. № 4. С. 17.

Фрагмент иконы «Вход в Иерусалим»
(ок. 1341 г., Новгородский музей, инв. № 3079)

вом искусстве Запада и Востока: фигуры, замершие в такой динамичной позе – подняв руки и стягивая одежду, можно встретить на множестве изображений. На Руси они изредка появлялись на иконах Входа в Иерусалим – малозаметное наследие греко-римского реализма.

Однако более интересный в этом контексте античный мотив проник в иконографию Входа в Иерусалим без всякой связки с сюжетом. В III в. до н. э., в эпоху эллинизма, была создана статуя обнаженного юноши – положив ногу на ногу, он пытается вынуть занозу из ступни. Эту скульптуру пытались увязать с несколькими легендами – к примеру, о пастухе Марции, который бежал в Рим, чтобы предупредить о нашествии врагов, а затем умер от раны в ногу. Отсюда возникло одно из названий статуи – *Fidele*, «верный». Однако вероятно, что это была лишь жанровая бытовая сцена. И статую, и сам мотив чаще называют *Spinario*, «вытаскивающий занозу».

Спинарио, мальчик,
вытаскивающий занозу
(ок. 50 г. до н. э.)

Оригинальная скульптура до нас не дошла, но сохранились ее римские копии, в том числе статуя, отлитая в бронзе в I в. до н. э. На протяжении Средневековья бронзовая скульптура стояла в Риме и была доступна для обозрения как горожанам, так и паломникам. Это породило христианские трактовки – занозу интерпретировали как грех, а мальчика как человека, стремящегося к спасению. Образ начали использовать в живописи, и в конечном счете через Византию он пришел на Русь. Под ногами ослика в сценах Входа Господня в Иерусалим иногда возникал не только ребенок, снимающий одежду, но и дети, разглядывающие ступню. При этом занозившийся мальчик может сидеть в позе скорби, приложив руку к щеке, а его товарищ – извлекать занозу.

Фрагменты икон «Вход в Иерусалим»

(кон. XV – нач. XVI в., Третьяковская галерея, инв. № 22031;
2-я пол. XVI в., Владимиро-Суздальский музей, инв. № В-6300/105)

Подобные фигуры использовались иконописцами в готовом виде. Их могли осмыслять по-новому, интерпретировать разными способами, но без текстов мы вряд ли узнаем легенды, связанные с подобными фигурами. Тем не менее эти образы нужно изучать комплексно, учитывая, что они играли свои – неочевидные, но немаловажные – роли в иконописи.

В последней части статьи мне хотелось бы поговорить о случае, когда малозаметные детали и знаки были не адаптированы, а созданы иконописцем с вполне понятной прагматикой.

Игра знаков

История иконы, о которой пойдет речь, связана с событиями XII в. В 1170 г. Новгород атаковала коалиция русских князей под командованием Мстислава Суздальского, сына Андрея

Боголюбского. По легенде, город был спасен благодаря чуду, которое сотворила икона «Знамение», написанная в том же XII в. (и сохранившаяся до сегодняшнего дня). Это сформировало культ образа – городского палладиума. В 1357 г. икону перенесли из церкви Преображения в специально построенный для нее на той же улице храм Знамения Пресвятой Богородицы. Рассказ о чуде бытовал устно, а спустя два с лишним века после битвы вошел в новгородские летописные повести и в отдельное сказание. Наконец, в первой половине XV в. сложилась новая иконография – «Чудо от иконы “Богоматерь Знамение”, или Битва новгородцев с суздальцами». Образы наглядно показывали, что произошло с войсками Мстислава Андреевича.

Довольно скоро и легенда, и изображения стали актуальными. В 1460–1470-е гг. Новгород оказался меж двух огней – великим княжеством Литовским и Русским и великим княжеством Московским. Новгородцы явно возлагали надежду на икону, однажды защитившую их от князей с «низа». Однако чудо не повторилось. После присоединения к Москве иконы «Битва новгородцев с суздальцами» продолжали существовать и создаваться уже в новой социальной и политической среде, прославляя городской образ-защитник. Сегодня известно как минимум семь таких икон, три из которых были утрачены и сохранились лишь в фотоснимках и зарисовках.

Среди этих образов есть совершенно уникальный, написанный во второй половине XV в., предположительно в 1460-х гг. Сегодня он экспонируется в Новгородском музее. Мне уже приходилось кратко описывать его в статье 2017 г. [Антонов 2017b], однако здесь я бы хотел рассмотреть его подробнее, в контексте других изображений с тем же сюжетом.

Анонимный создатель иконы, во-первых, обладал замечательной изобретательностью и тонкой живописной техникой. Во-вторых, он явно ненавидел суздальцев – и, вероятно, москвичей. Если сравнить эту икону с самой ранней из известных, созданной в первой половине XV в., из собрания Третьяковской галереи и более поздними (две сохранившиеся, из Русского музея и ГМИИ³, были написаны в XVI в.; из трех несохранившихся одна датируется концом XVI в. и две – XVII–XVIII вв.) мы увидим, как оригинально работала его мысль.

Как и на других иконах, кроме более лаконичной из ГМИИ, композиция иконы 1460-х гг. из Новгородского музея поделена горизонтально на три регистра. В каждом из них помещается два сюжета.

³ Раньше хранилась в частном собрании Т.А. Мавриной.

Чудо от иконы «Богоматерь Знамение»,
или Битва новгородцев с суздальцами
(1460-е гг., Новгородский музей, инв. № 2124;
кон. XV в., Третьяковская галерея, инв. № 14454)

В верхнем регистре справа архиепископ Илия выносит из храма Преображения икону Знамения. Далее ее крестным ходом переносят по мосту на городскую стену. При этом движение разворачивается по относительно редкой траектории, справа налево. В центральном ряду изображено встречное движение: суздальцы подъезжают к городу справа, а слева, из Новгорода, к ним выезжают переговорщики. В нижнем регистре все выстроено уже в типичной последовательности: новгородцы атакуют слева направо и прогоняют агрессоров.

Логика движений определяется ключевой сценой – победой. Чтобы направление атаки новгородцев шло в обычном, легко считываемом варианте (по принципу чтения текста), город в нижнем регистре должен находиться слева. В среднем ряду совмещаются разные действия – выезд послов и атака суздальцев. Здесь нет единой доминанты движения, поэтому город можно по-прежнему оставить в левой позиции. Но в верхнем регистре движение направлено в одну сторону – от церкви Преображения к городской стене. Где изображать укрепление, оставалось вопросом. Создатель иконы 1460-х гг. решил и в третий раз показать Новгород слева

и для этого зеркально развернул движение крестного хода. Так же поступил мастер, написавший в конце XVI в. икону из ц. Успения на Торгу, утраченную и известную только по акварельной зарисовке Ф.Г. Солнцева [Смирнова 2007, с. 141].

Создатели других образов поступали иначе. На двухчастной иконе первой половины XVI в. из ГМИИ город оказывается справа в обоих регистрах: вверху к нему несут икону, ниже к нему скачут суздальцы. Бегство агрессоров здесь не изображено вовсе. В результате логика движения «слева направо», гармоничная вверху, внизу, наоборот, переносит акцент на атаку и наступление врагов. Защищающиеся новгородцы оказываются справа, в последней временной точке. Это переносит внимание на крестный ход, на перемещение иконы (что явно хотел подчеркнуть мастер), но делает неочевидной победу новгородцев.

Неудивительно, что другие иконописцы в нижней сцене сражения предпочитали изображать город слева, чтобы акцентировать атаку и чудесную победу. Это хорошо видно на иконе из Третьяковской галереи. И в нижнем, и в среднем регистре Новгород остается слева – из него выезжают переговорщики, а затем войско навстречу суздальцам. Но в верхнем ряду положение меняется: теперь слева оказывается церковь на Ильине улице – крестный ход направляется от нее к новгородскому Софийскому собору (в определенном смысле он символизирует сам город). В результате во всех регистрах сохраняется единство движения: крестный ход движется в том же направлении, слева направо, как двигаются новгородцы и в центральной, и в нижней сцене. Это логичное решение, и оно повторялось на четырех из семи известных икон – из Третьяковской галереи, Русского музея и на двух утраченных XVII–XVIII вв. [Смирнова 2007, с. 142–143]. Создатель иконы из Новгородского музея оказался оригинален: он предпочел единство места (хранимый свыше город всегда в одной позиции, слева) единству движения – у него оно развивается в разных направлениях.

В центре среднего регистра на обеих иконах, которые мы видим выше, изображены безрезультатные переговоры. В обеих группах съехавшихся всадников на переднем плане оказываются юные воины в красных плащах (хотя они движутся позади остальных, пропуская вперед бородатых мужей). Вероятно, это новгородский князь Роман Мстиславович и суздальский князь Мстислав Андреевич, так как по летописи оба были юношами. Слева – изготовившиеся к битве новгородцы и икона на стене, справа – подошедшие войска переходят к атаке и обстреливают город.

Сражение изображено в нижнем регистре. Новгородцы выезжают из ворот. Атака суздальцев и их бегство слиты в одной, неразделенной фигуре: войско будто разваливается на две части – так, что

спереди всадники бьются, а позади уже скачут прочь. На стороне новгородцев сражаются святые, и их нимбы позволяют издалека, не вглядываясь в детали, определить, где в композиции праведники, а где – грешники. По этой модели построены обе иконы (а также и икона из Русского музея). Однако если приглядеться внимательнее, мы увидим много неожиданного.

Создатель иконы из Новгородского музея насытил всю композицию знаками, которые подчеркивали одновременно греховность суздальцев и их сокрушительный разгром. Если на иконе из Третьяковской галереи три святых скачут во главе новгородского войска, то здесь святых четыре, и расположены они друг за другом так, что их кавалькада полностью формирует передний план. По сути, из ворот выходит войско святых заступников, а обычные воины представлены только мелкими шлемами, возвышающимися на заднем плане. Кроме того, с небес суздальцев

атакует ангел – он бьет агрессоров мечом. Небесная кара обрушивается на грешников со всех сторон.

Любопытны и сами фигуры святых. На иконе из Новгородского музея появляются князья Борис, Глеб и Георгий Победоносец. Четвертым, в шлеме, может быть Димитрий Солунский, хотя его обычно не пишат в шлеме, либо Иисус Навин. Иногда предполагали (хотя убедительных доказательств тут нет), что это Александр Невский, прославившийся защитой новгородских земель от шведов и крестоносцев⁴. Учитывая, что князь родился в 1221 г., через 50 с лишним лет после самой битвы, его появление было бы явным анахронизмом.

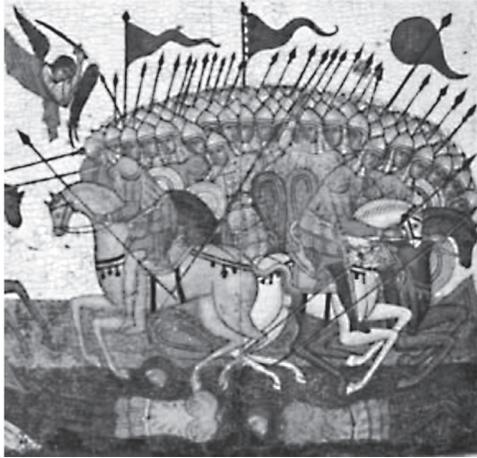
Земля, на которой разворачивается сражение, на той же иконе усеяна фигурами суздальцев. Здесь лежат два обезглавленных тела, брошенные щиты, отрубленные головы. Один из нападавших падает ниц, моля о пощаде. На иконе из Третьяковской галереи тоже есть фигуры побежденных, но они занимают очень скромное место. Здесь же краски сгущаются. Победа изображена как разгром, разрушение, пленение и расчленение врагов⁵.

Само наступающее/отступающее войско суздальцев тоже показано необычно. Оно не разделяется на две равные части, как на

⁴ Анализ разных вариантов см. в: [Абраменко 2012]. Версию об Александре см., к примеру, в: [Смирнова, Лаурина, Гордиенко 1982, с. 150–158].

⁵ Такая же красочная картина – отсеченные части тел, брошенные щиты – была развернута на утраченной иконе конца XVI в. из ц. Успения на Торгу. Суздальцев тоже посекает ангел. Однако здесь нет ни святых во главе новгородского войска, ни фигур бегущих суздальцев, ни других знаков, которые возникают на иконе из Новгородского музея. См.: [Смирнова 2007, с. 141].

иконе из Третьяковки. В центре воины смотрят друг на друга. Это усложняет динамику и, вероятно, отражает историю о чудесном ослеплении и дезориентации, которые наслала на врагов чудотворная икона (похожее, но не такое четкое решение – на образе XVI в. из Русского музея; на более поздних иконах войско показано только атакующим).

Копья суздальцев на иконе из Новгородского музея не разделяются на две симметричные части, наклоняясь вперед при атаке и назад при отступлении. Все они склоняются назад. Бегство войска наглядно продемонстрировано с помощью оружия, которое буквально «сдувает» прочь от города. Исключение – только два копия, обращенные к Новгороду. Одно из них, в руках первого всадника, лаконично указывает на атаку. А второе направлено на ангела. Этот едва заметный элемент создает мотив богоборчества – очередная инвектива в адрес ненавистных агрессоров.

Ту же логику можно проследить и в изображенных знаменах. В русской иконографии положение флага иногда служило маркером направления: узким концом стяг развернут туда, куда движется войско (причем такой принцип действует чаще при изображении атаки)⁶. Икона из Третьяковской галереи четко следует этой

⁶ См., к примеру: Лицевой летописный свод XVI в.: Факсимильное издание. Т. 9. Кн. 2: Византия (586–805 гг. от Р.Х.). М.: ОЛДП, 2013. С. 81, 242, 244 (ср. обратное движению направление флагов на с. 104 – царь Ираклий отплывает в Константинополь и на с. 252 – Юстиниан приходит к Царьграду: в обоих случаях изображается не атака, а благополучное возвращение). Впрочем, эта логика действует отнюдь не во всех

логике: в среднем регистре знамена новгородцев и суздальцев смотрят острыми концами друг на друга, показывая готовность войск к взаимному нападению, а в нижнем регистре знамена суздальцев развернуты назад, что демонстрирует их бегство. Но создатель иконы из Новгородского музея разворачивает знамена суздальцев назад даже во втором регистре. Уже подойдя к Новгороду и пуская стрелы, суздальцы обречены на поражение: как копьяз вниз, так и знамена в центре подчеркивают их (скорое) бегство.

Однако всего этого оказалось недостаточно, и изобретательный мастер использовал еще один знак, который причислил агрессоров к служителям дьявола. Приглядевшись, на двух фигурках суздальцев в центральном регистре можно заметить два крошечных хохлатых шлема – гибрид шишака и вздыбленных волос. Этот маркер, которым в русской иконографии наделяли грешных воинов, окончательно демонизирует врагов. Бесовские шлемы-хохлы венчают головы центрального воина и воина-трубача в сцене, где подбегавшие отряды пускают стрелы на Новгород. Хохлы перекликаются и с треугольной островерхой шапкой-колпаком первого из суздальских переговорщиков. В результате уже при появлении у новгородских стен суздальцы обозначены как грешники, которым вскоре предстоит бежать прочь.

Икона из Новгородского музея густо насыщена деталями и знаками. Это делает ее уникальной. Все ходы иконописца теоретически предсказуемы, но, объединенные на одном образе,

томах ЛИС: очевидно, что прием использовали индивидуально, выборочно и не все миниатюристы, поэтому каждый визуальный контекст требует анализа.

они превращают икону в занимательный и неповторимый рассказ о греховности и разгроме суздальцев.

И все же размер шлемов вызывает недоумение. Здесь логично задаться вопросом: на кого были ориентированы эти едва заметные знаки? Разглядеть диагональные штрихи на головах двух мелких фигур среди множества изображенных на иконе мог лишь человек, который рассматривал икону пристально, вплотную, желательно при ярком освещении. То же относится и к крошечному копью, направленному на ангела. Возможно, задачу облегчали поясняющие надписи, расположенные рядом («послове» и «суздальцы»): небольшой размер букв тоже требовал внимания. И все же разобрать текст и вычленить малозаметные детали – не одно и то же.

Вряд ли мы сможем оценить, сколько людей были способны увидеть, а разглядев – понять тонкую игру маркеров (обсуждение этих нюансов, если вообще имело место, вряд ли выходило за рамки беседы иконописца с заказчиком). Скорее такие детали относились к «неявной» информации, которая предназначалась не для считывания. Это не дидактическое послание (иначе знаки оказались бы яркими и крупными), а скорее самодостаточный текст иконописца. Обличив грешников с помощью хорошо заметных фигур святых и ангела, он перешел на «шепот» и демонизировал ненавистных врагов даже на миниатюрном уровне.

Создавая малозаметные либо трудные для понимания детали, мастера прежде всего стремились раскрыть с их помощью истинный смысл каждой сцены – независимо от того, сколько зрителей смогут понять такую игру нюансов. Очевидно, что чем сложнее композиция, тем меньше людей были способны разгадывать все смысловые тонкости. Но именно нюансы как нельзя лучше показывают изобретательность и ход мысли каждого мастера. Детали и знаки – это авторский рассказ с уникальным обертонами и с множеством неожиданных поворотов. Это важное и пока недооцененное исследовательское поле заслуживает самого пристального внимания.

Литература

- Абраменко 2012 – *Абраменко Н.М.* Образы святых князей Бориса и Глеба в сценах «Чудо от иконы Богоматерь Знамение» // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 3. С. 97–109.
- Антонов 2015 – *Антонов Д.И.* Оборотничество в русской иконографии, книжности и фольклоре: стратегии репрезентации // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации: Материалы междунар. конф. / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов. М.: Дело, 2015. С. 14–25.

- Антонов 2017а – Антонов Д.И. Дух в чужом теле: оборотничество в древнерусской иконографии, книжности и фольклоре // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 9 (30). С. 49–64.
- Антонов 2017b – Антонов Д.И. Иконописец и зритель: храмовая икона как текст и образ-объект // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2017. Вып. 12 / Отв. ред. О.И. Тогоева, И.Н. Данилевский. М.: Индрик, 2017. С. 242–256.
- Антонов 2019 – Антонов Д.И. Цари и самозванцы: Борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 312 с.
- Антонов 2020 – Антонов Д.И. Фольклор иконописцев и искусствоведов: легенды о старце в иконографии Рождества Христова // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 248–271.
- Баше 2005 – Баше Ж. Средневековые изображения и социальная история: новые возможности иконографии // *Одиссей: Человек в истории*. 2005. М., 2005. С. 152–190.
- Богатырев, Якобсон 1971 – Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
- Майорова, Скоков 2007 – Майорова Н.О., Скоков Г.К. Русская иконопись: Сюжеты и шедевры. М.: Белый город, 2007. 544 с.
- Смирнова 2007 – Смирнова Э.С. «Смотря на образ древних живописцев...». Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М.: Северный паломник, 2007. 384 с.
- Смирнова, Лаурина, Гордиенко 1982 – Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV в. М.: Наука, 1982. 576 с.

References

- Abramenko, N.M. (2012), “Images of the first Russian saints princes Boris and Gleb in the scene of the ‘Miracle from the icon of our Lady of the Signs’”, *Moscow University Bulletin. Issue 8. History*, no 3, pp. 97–109.
- Antonov, D.I. (2015), “Shape-shifting in Russian iconography, literature and folklore: strategies of representation”, Antonov, D.I. (ed.) *Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Shape-shifters and shape-shifting. Strategies for Description and Interpretation. Proceedings of an International Conference], Delo, Moscow, Russia, pp. 14–25.
- Antonov, D.I. (2017a), “The ghost in an illusive disguise. Shape-shifting in old Russian iconography, literature and folklore”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Literary Theory. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, no. 9 (30), pp. 49–64.
- Antonov, D.I. (2017b), “The icon-painter and the viewer. The chapel icon as a text and image-object”, Togoewa, O.I. and Danilevsky, I.N. (eds.), *Kazus: Individual’noe i unikal’noe v istorii – 2017* [CASUS: The individual and unique in history], issue 12, Indrik, Moscow, Russia, pp. 242–256.
- Antonov, D.I. (2019), *Tsari i samozvantsy: bor’ba idei v Rossii Smutnogo vremeni* [Tsars and impostors: The struggle of ideas in Russia during the Time of Troubles], RGGU, Moscow, Russia.

- Antonov, D.I. (2020), "Folklore of Icon Painters and Art Critics. Legends about the Elder in the Iconography of the Nativity of Christ", *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 1, pp. 248–271.
- Basche, J. (2005), "Medieval images and social history. New iconographic features", *Odyseus: A Man in History*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 152–190.
- Bogatyrev, P.G. and Yakobson, R.O. (1971), "Folklore as a special form of creative work", Bogatyrev, P.G. *Voprosy narodnogo tvorchestva* [Questions of folk art], Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 369–383.
- Maierova, N.O. and Skokov, G.K. (2007), *Russkaya ikonopis'. Syuzhety i shchedevry* [Russian icon-painting. Plots and masterpieces], Belyi gorod, Moscow, Russia.
- Smirnova, E.S. (2007), "*Smotrya na obraz drevnikh zhivopistsev...*". *Tema pochitaniya ikon v iskusstve Srednevekovoi Rusi* ["Looking at the image of ancient painters...". The theme of veneration of icons in the art of Medieval Russia], Severnyi palomnik, Moscow, Russia.
- Smirnova, E.S., Laurina, V.K. and Gordienko, E.A. (1982), *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. XV v.* [The Painting of Veliky Novgorod. 15th century], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; antonov-dmitriy@list.ru

Information about the author

Dmitriy I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; antonov-dmitriy@list.ru

Каторга и ссылка 60–70-х гг. XIX в.:
общеуголовные законы и правила
о политических ссыльных

Алексей С. Гулин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, asgulin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема законодательно-го регулирования политической каторги и ссылки в Сибирь на примере пореформенного периода в 60–70-х гг. XIX в. в дихотомии общеуголовных законов и правил о политических ссыльных. Автор доказывает в статье, что толкование прошлыми и настоящими историками сибирской ссылки форм и методов правового регулирования, господствующие представления и оценки исследователей относительно значения правовых норм далеки от реалий времен политической каторги и ссылки пореформенной эпохи.

Ключевые слова: политическая каторга и ссылка 60–70 гг. XIX в., общеуголовные законы, правила о политических ссыльных, Устав о ссыльных, Устав о содержании под стражей, Временное комендантское управление на Нерчинских заводах, Временное управление по надзору над политическими преступниками в Восточной Сибири, Правила по устройству быта политических ссыльных, секретное делопроизводство

Для цитирования: Гулин А.С. Каторга и ссылка 60–70-х гг. XIX в.: общеуголовные законы и правила о политических ссыльных // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 55–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-55-65

Penal servitude (Katorga)
and exile in 60–70th years of the 19th century.
General criminal laws and regulations on political exiles

Aleksei S. Gulin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, asguiln@mail.ru*

Abstract. The article considers an issue of legislative regulation of political penal servitude and exile to Siberia on the example of the post-reform period in the 60–70s of the 19th century. in the dichotomy of general criminal laws and rules about political exiles. The author proves in the article that the interpretation of the Siberian exile by the past and present historians of the forms and methods of legal regulation, the prevailing views and assessments by researchers of the legal norms value are far from the realities of the times of political penal servitude and exile in the post-reform era.

Keywords: political katorga and exile in 60–70th years of the 19th century, general criminal laws, rules on political exiles, Charter on exiles, Charter on detention, Temporary commandant administration at the Nerchinsk factories, Temporary administration for supervision over political criminals in Eastern Siberia, Rules for the arrangement of the life of political exiles, secret office work

For citation: Gulin A.S. (2021), “Penal servitude (Katorga) and exile in 60–70th years of the 19th century. General criminal laws and regulations on political exiles”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 55–65, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-55-65

Введение

Сложнейшим вопросом, на который как в российской, так и в зарубежной исторической литературе о сибирской ссылке до сих пор нет ясного представления, является вопрос – какими собственно законодательными актами регламентировался режим политической каторги и ссылки. Были ли Устав о ссыльных и Устав о содержании под стражей главными регламентирующими документами? Имели ли распоряжения высших и местных властей, правила и инструкции, издаваемые ими в отношении политических ссыльных, значение только лишь подзаконных актов, часто вступающих в противоречие с общеуголовными законами? Эти вопросы и вопросы о том, в каких пределах общеуголовное законодательство было распространено на политических и каким образом и почему политические были изъяты частично или полностью

из-под действия ряда статей Устава о ссыльных, остаются открытыми по сей день.

Как мы убедились в ходе исследования этого вопроса, политические каторга и ссылка как особый институт, вычленимый из общеуголовного порядка, определялся таковым не только тем, что являлись инструментом репрессивной политики государства против политических противников, бунтарей и инакомыслящих, но и тем, что средствами осуществления таковой репрессии выступали так называемые особые правила о политических, издаваемые высшими органами власти, имевшими силу или закона, или подзаконного акта, при институализации чрезвычайных временных учреждений по организации особого режима изоляции политических преступников для осуществления надлежащего за ними надзора и исполнения наказания над этой категорией осужденных.

Общеуголовными законами сами политическая каторга и ссылка как отдельный институт не были предусмотрены, и у правительства со времен репрессий по отношению к декабристам возникла острая необходимость вычленив их кругом особых правил, так называемыми правилами о политических.

Вместе с этим убеждением к нам пришло и убеждение в отсутствие конкретного представления об особенностях правил о политических и, как следствие, об особенностях режима политической ссылки и каторги, которая и регламентировалась этими правилами, ввиду чего в исторической литературе касательно этой тематики мы сталкиваемся с путанными или туманными отрывочными описаниями регламентов и режима сибирской политической ссылки, со смутным представлением о ее отличиях от общеуголовной [Дворянов 1971; Иванов 2016; Иванов 2017; Клер, Шостакович 1984; Мошкина 1998; Gentes 2017; Skok 1974].

Так, основным постулатом исследователя Нерчинской политической каторги второй половины XIX в. З.В. Мошкиной, который красной нитью прослеживается сквозь все ее работы, является то утверждение, что к государственным преступникам применялся административный произвол в виде инструкций, в частности запрещающий им выход на внетюремное содержание по отбытию 1–3 лет тюремного заключения после перечисления в отряд исправляющихся [Мошкина 1998; Мошкина 2010; Мошкина 2018]. Ей же принадлежит следующее утверждение:

Вместе с тем, в процессе реализации режимных правил широкое применение имели подзаконные акты, например, инструкции вышестоящих органов власти, осуществлявших надзор за политическими ссыльнокаторжными. Несмотря на то, что подзаконные акты имели более низкую юридическую силу, чем закон, они существенно

корректировали режим содержания заключенных, осужденных за государственные преступления [Мошкина 2010, с. 18].

Таким образом, автор противопоставляет между собой режимные правила, т. е. Устав о ссыльных и инструкции высших органов власти о тех же режимных правилах. При этом в работах говорится об инструкциях в общем смысле, и не совсем ясно, какие именно инструкции и каких именно высших властей исследователь имеет в виду. В цитируемой статье автор рассматривает вопрос ретроспективно с 60-х по 90-е гг. XIX в., но с 80-х гг., с вхождением на престол Александра III, меняются ряд регламентирующих актов и общий подход к политической ссылке и каторге. Относительно же 60–70-х гг. автор несомненно имел в виду распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова о неприменении в отношении государственных преступников ст. 577–578 Устава о ссыльных¹, касающейся выхода ссыльнокаторжных на внетюремное содержание в вольную команду, после побега с каторги А.А. Красовского². Именно на это, как бы вступающее в противоречие с общим законом решение Корсакова и указывал автор. Оно, действительно, кажется на первый взгляд произволом, но той же ст. 577 упомянутого Устава решение выпускать или не выпускать каторжника на внетюремное содержание принимали непосредственно тюремное начальство и главные местные органы власти, отвечающие непосредственно за надзор и исполнение наказания, при этом непременно с согласия главного начальника края, что не обязывало их к безоговорочному исполнению данной «льготы», если бы они сочли, что кандидат не заслуживает этого в силу дурного поведения или ввиду склонности к побегу (в статье указано прямо «могут», а не «обязаны»). Эта норма общеуголовного права вовсе не сводилась «к неукоснительному применению к категориям всех заключенных без исключения», как интерпретирует автор. Другое дело, что в отношении «политических», т. е. польских инсургентов, и уголовников такая практика имела место без особых ограничений.

Мы начали рассмотрение соотношения общеуголовного законодательства и правил о политических ссыльных и каторжных с этого несложного примера как с иллюстрации непонимания историками сибирской ссылки того, что в целом политическая ссылка в описываемый период регулировалась путем изъятия политических из-под действия общеуголовных законов в той мере, в какой правительством считалось удобным и необходимым посредством

¹ Свод учреждений и уставов о ссыльных // СЗРИ. Т. XIV. Ред. 1857 г.

² ГАРФ. Ф. 29. Оп. 6. Д. 29. Л. 104а–104а–об.

издаваемых им регламентов, т. е. «правил о политических». Поэтому историки, изучая архивные документы, с недоумением замечают бесконечные запросы местной администрации к высшей власти о возможности применения той или иной статьи Устава о ссылных по тому или иному случаю к той или иной категории политических ссылных. Ясного и прямого ответа в документах нет, но речь постоянно идет об изъятиях из общего порядка и об особых правилах, что и должно было бы служить исследователям путеводной звездой.

Ближе других к пониманию природы и механизма законодательного регулирования политической ссылки подошел в своих ранних работах С.В. Кодан. В своем исследовании политической ссылки первой половины XIX в. он приходит к следующему заключению:

Политическая ссылка в Сибирь как особый институт репрессии... регулировалась, как и деятельность политической полиции, нормами административного (полицейского) права, направленными на охрану «благочиния»... Разработка правовых актов о политической ссылке была изъята из системы общего законодательного процесса, а их применение было поставлено под личный контроль императора и подчиненных ему органов административно-полицейского управления страной (III отделения, Корпуса жандармов, Комитета министров и др.). Правовой статус изгнания революционеров на окраины империи коренным образом отличался не только от положения ссылных по законодательству о ссылке в Сибирь, но и нередко вступал с ним в противоречие. Однако эти коллизии разрешались в пользу многочисленных отступлений от существовавших законов для обеспечения выполнения целей, стоявших перед ссылкой в Сибирь деятелей освободительного движения 1825–1861 гг. [Кодан 1980, с. 37].

Однако С.В. Кодан настаивает именно на административном изъятии политической ссылки из-под действия общих законов, тем самым задавая тон дальнейшим исследованиям, заявляя об административном произволе со стороны высшей власти в отношении политических ссылных. Для советского историка это были даже очень похвальные и замечательные выводы, клеймящие неограниченный произвол царизма по отношению к политическим противникам. Но никакой определенной ясности утверждения С.В. Кодана не вносят. В то же время, как мы считаем, следовало бы обратить внимание на общие правоустанавливающие положения. Основные государственные законы гласят: ст. 47, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов,

учреждений и уставов, от Самодержавной Власти исходящих»; ст. 48 устанавливает, что «законы в Империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими, определяются в особенных законах, учреждениях и уставах»; ст. 53 гласит, что «законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных Высочайшего утверждения». Далее ст. 68 определялось: «Окончателное судебное решение частного дела имеет силу закона для того дела, по коему состоялось», а ст. 70 гласила: «Высочайший указ, по частному делу последовавший, или особенно на какой-либо род дел состоявшийся, по сему именно делу или роду дел отменяет действие законов общих»³.

Таким образом, для определения того, какое решение могло нести административный характер, а какое имело силу закона по частному делу или роду дел, если не распространялось на всех подданных, необходимо иметь сведения о том, были ли это решение или инструкция высочайше утверждены по докладу министров и главного начальника III отделения или по мнению Комитета министров. Отсюда, к примеру, высочайше утвержденная инструкция Нерчинскому коменданту 1826 г., данная генералу С.Р. Лепарскому, а позже, в 1864 г., вместе с прибавлениями и с наставлениями врученная еще одному Нерчинскому коменданту-генералу М.С. Шилову, имела силу закона, а не административной инструкции, т. е. подзаконного акта, и уже по этому определению выводы С.В. Кодана были неточны или не совсем верны, не говоря о последователях. О каких-либо иных высочайше утвержденных правилах, а они также имели место быть, в работе С.В. Кодана мы никаких конкретных указаний не находим или они размыты в тексте неопределенным образом.

Возвращаясь от работ С.В. Кодана ко второй половине XIX в., мы должны уточнить, что собственно свода правил о политических ссыльных как такового никогда не существовало, не было даже какого-либо перечня. Въедливый политический каторжный француз Эмиль Андреоли, осужденный по польскому восстанию 1863–1864 гг., проштудировавший Устав о ссыльных, замечал по этому поводу:

Этот закон был изменен для нас, и были введены совершенно особые дополнения. Вот причина: среди нас были политические и

³ Основные государственные законы // СЗРИ. Т. 1. Ред. 1857 г. Ст. 47, 48, 53, 68, 70.

государственные преступники, а закон не различал политических каторжников от убийц и воров [Андреоли 2011 с. 185].

Из отношения министра финансов М.Х. Рейтерна к министру внутренних дел П.А. Валуеву, датированного 16 июня 1867 г., к примеру, мы узнаем следующее:

Из означенных бумаг видно, что некоторые из политических преступников просят о дозволении им заниматься мелочною торговлею, на основании 878 ст. т. XIV уст[ава] о ссыльн[ых], по которой сосланным в Сибирь на житье, воспрещается лишь производить торговлю по купеческим свидетельствам. Как помянутая и другие статьи уст[ава] о ссыльн[ых] касаются лиц сосланных за обыкновенные уголовные преступления, относительно же политических преступников существуют особые правила, Высочайше утвержденные 6 февраля 1845 г., то возник вопрос, в какой мере может быть удовлетворена помянутая просьба⁴.

Как нами установлено, правила были разного рода – гласные и негласные, потому негласные правила тщетно искать в Своде законов или в Полном собрании законов. Они обладали статусом либо закона, либо административных правил (инструкций), исходящих от высших или от местных сибирских властей, существовали разрозненно по разным поводам, однако охватывали все важнейшие стороны политической ссылки. Правила, изданные высшими властями, не всегда толком знала местная администрация и нередко недоумевала, как и в какой степени их применять, поэтому больше упирала на понятный и привычный ей Устав о ссыльных и запрашивала время от времени, как поступить ей в том или ином случае, – согласно Уставу или будут другие распоряжения. Двойственная законодательная база значительно усложняла правоприменительную практику. Все правила о политических, изданные высшими властями со времен Николая I и декабристской ссылки, сохраняли свою юридическую силу и в 60–70-е гг. XIX в. как правила о государственных и политических преступниках, вместе с тем издавались новые, старые поправлялись и дополнялись в соответствии с обстоятельствами и духом времени.

Так, расширены и изменены были правила о собственных деньгах, присылаемых политическим, так называемых пособиях от родных. В отличие от высочайше утвержденного положения николаевских времен от ноября 1834 г., каторжным по высочайше

⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. J. Л. 247–247 об.

утвержденному всеподданнейшему докладу министра внутренних дел от 7 января 1864 г. было разрешено получать на руки из собственных денег, хранившихся у непосредственного местного начальника, по 25 руб. в месяц, но не более [Гулин 2018], и это положение сохранялось и в дальнейшем. Такое правило вступало в противоречие с общеуголовными законами, т. е. с Уставом о ссыльных, по которому выдача денег на руки каторжникам, находящимся в отряде испытуемых, вообще была запрещена, а собственные деньги, хранившиеся у начальства, согласно ст. 579 Устава о ссыльных, выдавались на руки только «в полной мере», т. е. все, после выхода на внетюремное содержание.

Из вновь введенных правил, ранее не имевших практики применения для политических в первой половине XIX в., мы находим правила о корреспонденции, отраженные в наставлениях к инструкции Нерчинскому коменданту, по которым политическим ссыльным разрешалось сообщать о себе близким родным один раз в три месяца, передавая письмо в открытом виде коменданту. До введения правил политическим каторжным было воспрещено вообще писать когда-либо и кому-либо письма, и тогда же это право оставалось под запретом для уголовников согласно Уставу о ссыльных. По тем же правилам письма должны были находиться под цензурой коменданта и местных властей. Переписка подвергалась цензуре и со стороны III отделения, через которое письма должны были быть отправляемы к родственникам⁵. Это же правило было распространено некоторое время и на политических ссыльнопоселенцев. Цензура вообще за всей перепиской и политических ссыльных, и каторжных в Восточной Сибири административным порядком была возложена на Временное управление по надзору над политическими ссыльными и по устройству их быта при генерал-губернаторе Восточной Сибири во главе с заведующим этим управлением и приданным ему переводчиком с польского языка. Эта функция была закреплена инструкцией, утвержденной Комитетом по устройству быта политических ссыльных при ГУВС. Здесь мы имеем уже дело с административными правилами о политических, т. е. подзаконными актами, однако сопряженными с законом, т. е. с высочайше установленными правилами, и одобренными министром внутренних дел и III отделением. Письма к родным разрешалось писать на русском, польском, французском и немецком языках⁶, на тех, которые могли прочесть и перевести.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. Е. Л. 15 об.–17.

⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 36. Д. 24. Л. 364 об.

Заключение

Резюмируя сказанное, вынуждены констатировать, что основной ошибкой исследователей в отношении встречаемых ими в архивных документах «правил о политических», издаваемых высшими и местными властями в виде норм и инструкций, является восприятие ими этих «правил» как норм и инструкций административного порядка. Рассматривая терминологию вне историко-юридического контекста, определяя инструкцию, независимо от ее авторства и способа введения в законное действие, как подзаконный акт, авторы вводят себя и читателя в заблуждение относительно правового статуса рассматриваемого ими положения. Из этих заблуждений и исходят кажущиеся исследователям произвол властей и правовые коллизии, связанные с правилами о политических (нормами и инструкциями).

Литература

- Андреоли 2011 – *Андреоли Э.* Из Польши в Сибирь: Дневник пленного, 1863–1867 / [пер. фр. А.С. Гулина]. Чита: Экспресс-издательство, 2011. 185 с.
- Гулин 2018 – *Гулин А.С.* Личные деньги и их источники: к вопросу о материальном положении политических ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С 47–62.
- Дворянов 1971 – *Дворянов В.Н.* В Сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки: 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука, 1971. 374 с.
- Иванов 2016 – *Иванов А.А.* Правовые особенности пребывания поляков – участников Январского восстания – в иркутской ссылке в 1863–1883 гг. // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5. DOI : 10.17150/2411-6262.2016.7(5).13.
- Иванов 2017 – *Иванов А.А.* Система полицейского надзора за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х гг.: проблемы становления // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Вып. 8 (20). Иркутск: Оттиск, 2017. С. 160–184.
- Клер, Шостакович 1984 – *Клер Л.С., Шостакович Б.С.* Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864–1874) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 10. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. С. 101–121.
- Кодан 1980 – *Кодан С.В.* Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в.: Учеб. пособие. Иркутск: ИрГУ, 1980. С. 37.
- Мошкина 1998 – *Мошкина З.В.* Нерчинская политическая каторга: вторая половина XIX в. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1998. 112 с.

- Мошкина 2010 – *Мошкина З.В.* Подзаконные акты в практике исполнения наказания на политической каторге во второй половине XIX века // История государства и права. 2010. № 11. С. 18–21.
- Мошкина 2018 – *Мошкина З.В.* Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. Т. 13. № 6. Чита: ЗаБГУ, 2018. С. 49–50.
- Gentes 2017 – *Gentes A.A.* The mass deportation of poles to Siberia, 1863–1880. Alstead, NH, 2017. 262 p.
- Skok 1974 – *Skok H.* Polacy nad Bajkałem: 1863–1883. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 335 s.

References

- Andreoli, E. (2011), *Iz Pol'shi v Sibir': Dnevnik plennogo, 1863–1867* [From Poland to Siberia. Diary of a prisoner, 1863–1867], [trans. from. French by A.S. Gulín], Ekspres-izdatel'stvo,
- Dvoryanov, V.N. (1971), *V Sibirskoi dal'nei storone... (oчерki istorii tsarskoi katorgi i ssylki. 60-e gody XVIII v. – 1917 g.)* [In the Siberian far side... (Essays on the history of the tsarist penal servitude and exile. 1860s –1917)], Nauka, Minsk, Russia.
- Gentes, A.A. (2017), *The mass deportation of poles to Siberia, 1863–1880*, Palgrave Macmillan, Alstead, NH, USA.
- Gulín, A.S. (2018), “Personal funds and its sources. On the question about the financial position of the exiled convicts at the Nerchinsk political katorga in the 60–70th years of the 19th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, no 6 (39), pp. 47–62.
- Ivanov, A.A. (2016), “Legal features of Poles – participants of January revolt sojourning in Irkutsk exile in 1863–1883”, *Baikal Research Journal*, vol. 7, no. 5, DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).13.
- Ivanov, A.A. (2017), “System of police supervision for political exiled in the territory of the Irkutsk province in the 1860–1870th. The formation issues”, *Sibirskaya ssylka*, iss. 8 (20), Ottisk, Irkutsk, Russia, pp. 160–184.
- Kler, L.S. and Shostakovich, B.S. (1984), “The second commandant administration at the Nerchinsk factories (1864–1874)”, *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)*, iss. 10, Izd-vo IGU, Irkutsk, Russia, pp. 101–121.
- Moshkina, Z.V. (1998), *Nerchinskaya politicheskaya katorga: vtoraya polovina XIX v.* [Nerchinsk political katorga. The second half of the 19th century], Izd-vo Zabaykal. gos. ped. un-ta im. N.G. Chernyshevskogo, Chita, Russia.
- Moshkina, Z.V. (2010), “By-laws in the practice of executing punishment in political penal servitude in the second half of the nineteenth century”, *Istoriya gosudarstva i prava*, no 11, pp. 18–21.
- Moshkina, Z.V. (2018), “Application of Penal Servitude Rules of Living Outside the Prison to State Criminals Sentenced to Penal Servitude in Nerchinsk in the Second Half of the 19th Century”, *Gumanitarnyi vector*, vol. 13, no 6, pp. 49–50.
- Skok, H. (1974), *Polacy nad Bajkałem:1863–1883* [Poles on Lake Baikal. 1863–1883.], Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warsaw, Poland.

Информация об авторе

Алексей С. Гулин, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; asgulin@mail.ru

Information about the author

Aleksei S. Gulin, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; asgulin@mail.ru

УДК 82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-66-73

Эпизод из истории идеологемы «реакция»: Серебряный век

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется специфика функционирования социальной идеологемы «реакция» в Серебряном веке русской культуры. Историк и левый публицист С.А. Венгеров, анализируя генезис и специфику Серебряного века, сравнил Серебряный век с эпохой, которая ему предшествовала. Эту эпоху принято называть «реакцией Победоносцева». Чтобы определить ее специфику, Венгеров предложил классификацию типов социальной реакции в России, используя для этого оригинальный понятийный инструментарий.

Ключевые слова: «реакция», идеологема, Серебряный век, С.А. Венгеров, К.П. Победоносцев

Для цитирования: Одесский М.П. Эпизод из истории идеологемы «реакция»: Серебряный век // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 66–73. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-66-73

Episode from the history of the ideologeme “reaction”. The Silver age

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the specifics of the functioning of the social ideologeme “reaction” in the Silver Age of Russian culture. When analyzing its genesis and specifics S. Vengerov, the historian and left-wing publicist, compared the Silver Age with the period that preceded it. That period is commonly called the “Pobedonostsev’s Reaction”. To determine its specifics, Vengerov proposed a classification for the types of social reaction in Russia, using the original conceptual tools.

© Одесский М.П., 2021

Keywords: “reaction”, ideologeme, Silver Age, S. Vengerov, K. Pobedonostsev

For citation: Odesskii, M.P. (2021), “Episode from the history of the ideologeme ‘reaction’. The Silver age”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 66–73, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-66-73

В современном словоупотреблении «реакция» как политический термин (в отличие от естественнонаучного) обыкновенно употребляется в единственном числе. Это, вероятно, отражает внеисторическое восприятие обозначаемой им идеологемы: «реакция» в качестве противостояния социальному прогрессу – константа, и нюансами здесь позволительно пренебречь. Однако разнообразие периодов, называемых «реакционными» (хотя бы в России), настолько очевидно, что гипотетически допустимо для их классификации употреблять множественное число: «реакции». Действительно: например, современники Серебряного века, осмысляя генезис и специфику этой противоречивой эпохи, заговорили именно о «реакциях».

* * *

Развернутое учение о «реакциях» сформулировал Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920). В 1914–1918 гг. под его редакцией было опубликовано несколько выпусков уникальной работы, озаглавленной «Русская литература XX века. 1890–1910» (том, посвященный 1906–1910 гг., не увидел света). Уникальность работы заключалась в структуре: издатель предварил изложение пространной вводной статьей «Этапы неоромантического движения», замыкалось издание библиографическими материалами (отдельное направление деятельности Венгерова), а основной текст составляли литературные портреты. Их героями стали представители различных направлений: как «реалисты» (М. Горький, В.В. Вересаев, Л.Н. Андреев), так и «модернисты» (Н.М. Минский, Д.С. Мережковский, В.Я. Брюсов), авторами – как критики и литературоведы (Е.В. Аничков, А.Г. Горнфельд, Иванов-Разумник, В.Л. Львов-Рогаческий), так и сами писатели (Андрей Белый, В.Я. Брюсов, Вячеслав Иванов). В то же время единообразие портретов достигалось сходством их композиции: данные об авторе (по большей части – автобиографии), аналитические и даже мемуарные статьи. Так, портрет Вячеслава Иванова включал его автобиографическое письмо Венгеру, очерк Н.А. Бердяева об «ивановских средах», статьи эллиниста Ф.Ф. Зелинского об античной составляющей мировоззрения Иванова и Андрея Белого о творчестве писателя.

Структура «Русской литературы XX века» проистекала из разных устремлений издателя – историка литературы и библиографа, но прежде всего должна была формально обеспечить беспристрастность: Венгеров – журналист левых убеждений, близких народничеству, – посвятил труд преимущественно модернизму, т. е. материи достаточно чуждой.

Беспристрастность была призвана концептуализировать и вводная статья, где Венгеров пытался объединить симпатичное ему восстание экспериментальной литературы против реакционного духа эпохи Александра III («победоносцевщины») с вызывающим отторжение отказом этой литературы от народнической «общественности». Одним из элементов объединяющей концепции стало учение о нескольких «реакциях».

Венгеров поставил перед собой задачу определить историческое значение «победоносцевщины», которая непосредственно предшествовала Серебряному веку. Для левого литератора само собой разумеется, что этот период характеризовался «светогасительством, ретроградством и т. д.»¹, но ведь «победоносцевщина» – явно не уникальный случай в русской истории. Согласно Венгерову, даже в хронологических рамках второй половины XIX в. следует различать три «реакции»:

Если страшна была так называемая даже самыми консервативными историками «бешеная» реакция 1848–1855 гг., то все же это была реакция только правительственная. <...> Реакция, наступившая в середине 1860-х гг., уже отчасти захватила и общество. Перепугался быстроты русского прогресса средний русский обыватель и стал прислушиваться к голосу переменившего дирекцию Каткова. В 1880-х же годах не только средний обыватель спрятался в подворотню, но и произошла печальная перемена в настроении самых высоких духом слоев русской интеллигенции (т. 1, с. 44).

Принципиальное различие трех «реакций» обусловлено степенью вовлечения в их механизм общественного мнения, т. е. прессы. Если «бешеная» реакция последних лет Николая I имела правительственный характер и ограничивалась запретительными мерами, то реакция 1860-х ознаменовалась не только запретами леворадикальных журналов «Современник» и «Русское слово», но восходящей популярностью СМИ М.Н. Каткова («Москов-

¹ Венгеров С.А. Этапы неоромантического движения // Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова: В 2 т. Т. 1. М.: Согласие, 2000. С. 43. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

ские ведомости», «Русский вестник»), «переменившего дирекцию» с либеральной на имперскую и ориентированного на «среднего русского обывателя».

В «победоносцевский» период пресса, резонирующая с правительственной реакцией, приобрела новое качество. И дело не просто в «небывалом расцвете в 80-х годах» «мелкой» и шовинистической прессы:

...несравненно более разлагающее влияние, чем «мелкая пресса», оказывала «большая» шовинистическая, рептильная пресса, потому что, по условиям времени, она оказалась во главе печати (т. 2, с. 20).

Символом «большой» рептильной прессы Венгеров считал газету А.С. Суворина «Новое время». Здесь уместно добавить, что в русской культуре век журналов принято отсчитывать с 1840-х, а газет – именно с конца столетия. По свидетельству В.В. Розанова, «до XIX века газет почти не было (было кое-что), а была только литература. К концу XIX века газеты заняли господствующее положение в печати, а литература – почти исчезла»². И закономерно, что, по наблюдениям Венгерова, «Новое время» профессиональнее и эффективнее манипулировало массовым читателем, чем газета Каткова:

«Московские ведомости» были несравненно реакционнее, но это было прямолинейное, грубое, чисто полицейское отношение к вещам, без малейшего желания привлечь на свою сторону. Пресмыкательство же «Нового времени» было глубоко тлетворно тем, что велось с тонким пониманием психологии среднего читателя. <...> ...тактика его заключалась в глумлении, в том, что оно те идеи и тех деятелей, на которых нападало, вываливало в грязь. Такого издевательства над личностями, движениями, идеями, народностями никогда еще в русской печати не было (т. 2, с. 21).

Акцентируя связь реакции «победоносцевского» типа с новой прессой, Венгеров подходит к вопросу о том, попадала ли эта связь в сферу планомерных забот правительства при Александре III и Николае II.

Вопрос непростой. Император Александр III, как вспоминал Е.М. Феоктистов, нашел нужным доказывать ему – начальнику Главного управления по делам печати! – необходимость правительственного финансирования консервативного «Гражданина»:

² *Розанов В.В.* Мысли о литературе / Сост. А.Н. Николюкин. М.: Современник, 1989. С. 341.

«...нельзя же основать хорошую консервативную газету на двугривенный; я не нахожу тут ничего необычайного; посмотрите, сколько тратит на немецкую печать Бисмарк...»³. Речь притом шла о разовой акции, к тому же адресованной издателю «Гражданина» В.П. Мещерскому – личному другу государя, а в качестве образца Александр III апеллировал к ловкому «железному канцлеру».

Сам К.П. Победоносцев в «Московском сборнике» (1896 г.) – суммирующем публицистическом кредо – высказался о печати двойственно: с одной стороны, «ныне с этой силой считаются правительства, и стало даже невозможно представить себе не только общественную, но и частную жизнь без газеты, и прекращение выхода газет, если б возможно было бы представить его себе, было бы однозначительно с прекращением всякого действия железных дорог», с другой, «нельзя не признать с чувством некоторого страха, что в ежедневной печати скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая над человечеством»⁴. На практике Победоносцев обращался к услугам лояльных журналистов, строго их контролировал, «сливал» информацию [Полунов 2017, с. 179–187], однако его теоретическая позиция – отнюдь не опыт организатора и циничного манипулятора, а признания консерватора, видящего в современной прессе инородную западную институцию и относящегося к ней с «чувством некоторого страха».

Даже министр С.Ю. Витте – популярный в обществе либерал – диалог с ведущими СМИ, состоявшийся в революционных условиях 1905 г., вспоминал прямо-таки брезгливо. Министр удивился не ожидаемой оппозиции левых (народнический журнал «Русское богатство»), но агрессивной враждебности либеральной газеты «Биржевые ведомости» и молчаливой с ней солидарности правых («Гражданин», «Новое время»): «При подобных требованиях для меня было ясно, что опереться на прессу невозможно и что пресса совершенно деморализована»⁵.

Коль скоро правительство не изъявляло готовности «опереться на прессу», логично прийти к выводу, что не правительство, а пресса инициировала союз с «победоносцевской» реакцией.

В свою очередь пресса здесь руководствовалась запросом общества, потому Венгеров различает три «реакции» и по их соци-

³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы: 1848–1896. М.: Новости, 1991. С. 238.

⁴ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени / Сост. С.А. Ростунов. М.: Русская книга, 1993. С. 131–132.

⁵ Витте С.Ю. Избранные воспоминания: 1849–1915 гг.: В 2 т. Т. 2. М.: Терра, 1997. С. 229.

альной природе. При таком подходе официальная николаевская реакция подчинялась «дворянским настроениям» и игнорировала общественное мнение; катковская реакция вступила во взаимодействие с обществом, где обрел значение разночинец, усвоивший себе «облик и психологию правящего интеллигентского класса»; наконец, «победоносцевщина» выражала воззрения и «самых высоких духом слоев русской интеллигенции» (т. 1, с. 44), и одновременно «улицы»: «...медленный, но прочный рост промышленности и народение мелкой буржуазии на первых порах создает обширный, культурный только по внешности, контингент людей, еле начинающих мыслить и читать» (т. 2, с. 20). Отсюда Венгеров выводил дифференциальный признак «победоносцевщины»: она – «самая страшная из всех русских реакций» (множественное число!), потому что «она была не только бюрократическая, но и общественная» (т. 1, с. 44).

Симптоматично, что к аналогичной диагностике одновременно пришел автор «Истории русской общественной мысли» (1906; неоднократно переиздавалась) Иванов-Разумник, который, подобно Венгерову, синтезировал народнические убеждения с заинтересованностью писателями-символистами. Для Иванова-Разумника не существует нескольких типов «реакции»: он убежден, что «в этой области восьмидесятые годы не сказали ничего нового, а только повторили основные черты эпохи официального мещанства»⁶. Зато критик подробно разработал классификацию «мещанства» (интерпретируя его как установку на отказ от индивидуальности). По Иванову-Разумнику, николаевская реакция – это «официальное мещанство» (насаждаемое сверху), а восьмидесятые – «эпоха общественного мещанства», т. е. затребованного обществом. Символ восьмидесятых – как у Венгерова – «Новое время», на страницах которого

...нашли себе приют подонки русской мысли, начавшие проповедь беспринципности и человеконенавистничества. Характерна не сама эта проповедь – где и когда ее не бывало! – а полнейший успех этой проповеди; одно это уже показало, как низко пало русское «культурное» общество⁷.

Легко убедиться, что Иванов-Разумник пользовался другим понятийным аппаратом, чем Венгеров (не «реакции», а, так сказать, «мещанства»), но тем разительнее сходство.

⁶ *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли: В 8 ч. Пг.: Революционная мысль, 1918. Ч. 6. С. 150.

⁷ Там же. С. 152.

Определение комплексного социального базиса «победоносцевской» реакции открывало путь к уточнению ее послания, которое, как доказывает Венгеров, было бы «близоруко» воспринимать исключительно как

проявление какого-то архаизма в мышлении и чувствовании. Нет, Победоносцев далеко не был так архаичен. Этот «великий инквизитор»... был, однако, в известной степени не только «архаист», но и «модернист», сын века, а его мирозерцание своего рода «fin de siècle» (т. 1, с. 43).

С историко-литературной точки зрения, актуальной для труда Венгерова, дефиниция «модернист» позволяла неожиданно перекинуть интерпретационный мостик от «победоносцевщины» к экспериментальной литературе Серебряного века (антирационализм и антилиберализм, наложившие отпечаток на Д.С. Мережковского и манифесты деполитизированного искусства, на Владимира Соловьева и поворот к метафизике и т. п.). В историософской же перспективе «модернизм» Победоносцева подразумевает типологическое сближение реакции «общественного» типа не столько с прошлыми образцами XIX в., сколько с будущими идеологическими моделями XX в., когда лидеры научились планомерно реализовывать пропагандистский потенциал СМИ.

* * *

Итак, истолковывая антиномии Серебряного века, левый литератор Венгеров сформулировал учение о «реакциях» – различных типах политической реакции. Классифицируя эти типы, он учитывал несколько параметров: 1) исторический; 2) литературно-журналистский; 3) социологический. В итоге оказалось, что «победоносцевщина» – двадцатипятилетняя реакция 1880-х – середины 1900-х – существенно отличалась от предыдущих «реакций», будучи по характеру не правительственной, но «общественной», одобряемой и поощряемой социумом. На уровне грамматики это своеобразие функционирования идеологемы «реакция» выразилось в употреблении не привычно-генерализирующего единственного числа, а экстравагантно-детализирующего множественного.

Литература

Полунов 2017 – *Полунов А.* Победоносцев: русский Торквемада. М.: Молодая гвардия, 2017.

References

Polunov, A. (2017), *Pobedonostsev: russkii Torquemada* [Pobedonostsev. Russian Torquemada], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru

Формула «правительство доверия»
в представлениях общественности:
из истории политических понятий
накануне 1917 г.

Александр Б. Асташов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abastash@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматривается вопрос о трансформации формулы власти в России в годы Первой мировой войны от «правительства доверия» до «правительства, ответственного перед народом». Эволюция этой политической стратегии анализируется в зависимости от объективных требований для всех воюющих стран к войне нового типа, требовавшей национального единства, включая самые широкие слои населения, и регулирования народного хозяйства, ограничивавшее рыночные механизмы и ведущее к переходу экономики на рельсы всеобъемлющего регулирования вплоть до планирования. В центре внимания статьи находятся особенности формирования представительства общественных и демократических элементов в составе общественных организаций всероссийских союзов земств и городов, что и обеспечило поддержку смены формулы власти в зависимости от социально-политических процессов в годы войны. Автор приходит к выводу, что в условиях России это происходило в рамках смены формулы власти: от «правительства доверия», ответственного перед «Прогрессивным блоком» Ценовой Государственной думы (1915 г.), к концепции правительства, ответственного перед блоком ценовых общественных элементов в составе «правительства доверия перед страной» (1915–1916 гг.), и далее под давлением широкого блока демократических общественных элементов города и деревни, участвовавших в организации страны для обороны и организации народного хозяйства, к формуле «правительства, ответственного перед народом» (1916 – начало 1917 г.).

Ключевые слова: правительство доверия, ответственное правительство, ценовые общественные элементы, городская демократия, всероссийские союзы земств и городов, организация страны для обороны, организация народного хозяйства

Для цитирования: Асташов А.Б. Формула «правительство доверия» в представлениях общественности: из истории политических понятий накануне 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 74–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-74-82

The formula “government of trust”
in the perceptions of the public.
From the history of political concepts
on the eve of 1917

Aleksandr B. Astashov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, abastash@yandex.ru*

Abstract. The article, based on archival materials, deals with the transformation of the power formula in Russia during World War I from the “government of trust” to the “government responsible to the people”. The evolution of that political strategy is analyzed in relation to the

objective requirements for all warring countries to a new type of war, which were the national unity, including the widest strata of the population, and the national economy regulation, limiting market mechanisms and leading to the transition of the economy to the rails of comprehensive regulation right up to planning. The article focuses on the specifics in the formation of representation for public and democratic elements in the public organizations of All-Russian unions of zemstvos (system of local administration) and cities, which provided support for the change of the formula of power depending on the socio-political processes during the war. The author comes to the conclusion that in the Russia conditions it occurred within the framework of the change of the power formula: from the “trust government”, responsible to the “Progressive bloc” of the census State Duma (1915), to the concept of the government responsible to the bloc of census public elements within the “trust government before the country” (1915–1916) and then under the pressure of a broad bloc of democratic public elements in the city and the countryside involved in the organization of the country for defense and of the national economy to the formula of “government responsible to the people” (1916 – early 1917).

Keywords: government of trust, responsible government, census public elements, city democracy, all-Russian unions of zemstvos and cities, organization of the country for defense, organization of the national economy

For citation: Astashov, A.B. (2021), “The formula ‘government of trust’ in the perceptions of the of the public. From the history of political concepts on the eve of 1917”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 74–82, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-74-82

Вопрос о выработке и значении формулы власти «правительство доверия» является одним из самых частых сюжетов в исследованиях общественно-политической борьбы дореволюционной России. Как понятие политической лингвистики оно возникло в начале XX в. в ходе мобилизации общества для реализации своих целей – во время Первой русской революции. Происходило это главным образом в стенах Государственной думы в рамках тактических шагов оппозиции, стремившейся к объединению всех политических сил, стоявших на позиции демократических преобразований. Сложность этой идейно-политической конструкции отразилась и в историографических исследованиях вплоть до последнего времени, где понятие «правительство доверия» нагружалось крайне политизированными оценками, сводившими смысл противоборства к борьбе «либерального» или «буржуазного» общества с самодержавием [Ерошкин 1979; Гайда 2016, с. 14; Куликов 2004, с. 29–32, 43–44, 46–49, 51, 394–395, 397; Власть и реформы 1996, с. 536; Россия в годы 2014, с. 428, 436, 445]. Целью данной статьи является прояснение эволюции этапов формулы «правительственного доверия». Наиболее важным аспектом этой общественно-политической борьбы является борьба демократических сил в составе «общественных организаций», и самой активной из них – Союза городов.

В России самодержавная власть не допускала влияния общества на политику, даже если использовала идеи представителей общественности для реформ. Впервые вопросы взаимоотношений власти и населения стали рассматриваться в общественно-политической лексике со времени общественно-политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. [Власть и реформы 1996, с. 372–375].

Однако на практическую почву вопрос встал только перед Первой революцией, когда сформировалось общество в виде местного самоуправления – «городская и земская Россия». Именно из его рядов в ходе «земско-городских съездов» возникли политические заявления в адрес самодержавия. С этого же времени возникла формула власти «правительства доверия», которое учитывало бы пожелания общества.

В годы Первой мировой войны общество впервые приобрело важные функции деловых структур, с которыми власти вынуждены были считаться в деле помощи армии в гуманитарной сфере. В результате изменилась и позиция самих властей к обществу и общественным организациям, которых поддерживали армия и часть бюрократии, что позволило обществу сформулировать по-новому отношения с самодержавием.

После поражения русской армии летом 1915 г., ответственность за которое в обществе возлагали на царское правительство,

оппозиция в рамках «Прогрессивного блока» в составе Государственной думы потребовала создания правительства, отвечающего общественным ожиданиям, используя две формулы: «правительство доверия» и «ответственное правительство». Первую формулу отстаивали кадеты во главе с их лидером П.Н. Милоковым. Эта формула предполагала создание правительства, назначаемого царем, но учитывавшего пожелания «Прогрессивного блока» («страны»), представлявшего большинство Государственной думы, с ограниченной программой реформ [Кризис самодержавия 1984, с. 558–559]. Понятие «правительство доверия» с его нарочито неопределенной программой позволяло сохранять единство разнородных политических сил под прикрытием работы на оборону, чего нельзя было осуществить при поддерживаемой прогрессистами формуле «правительство, ответственно перед Думой» [Милоков 2001, с. 29; Власть и реформы 1996, с. 619; Дякин 1967, с. 107–109].

В отличие от правоориентированного «Прогрессивного блока» существовал более широкий внепарламентский центр оппозиции, где выделялись всероссийские союзы земств и городов, использовавшие во время войны возможность включать в свой состав представителей из нецензовых элементов («третьего элемента»), т. е. служащих самоуправлений, а также других представителей городской демократии (профсоюзов, кооперативов, попечительств о бедных и т. п.), эсеро-меньшевистских по политической окраске¹. На концепции общественников оказывали влияние идеи «организации тыла», национального мира, «бургфридена» и т. п., широко распространившиеся в других воевавших странах [Шкундин 2002, с. 297–298, 310–311, 403–405, 419–420, 509; Май 1993, с. 15–35]. Своей тактикой союзы избрали приоритет «деловой» работы, предостерегая от партийных разногласий между обществом и властью и в самом обществе².

Центральными идеями общественников были организация страны для обороны и организация народного хозяйства. Эта стратегия предусматривала сотрудничество всех «живых сил» страны в решении задач обороны и социально-экономических проблем, вызванных войной. Под «живыми силами» понимались «организованная общественность» и демократические нецензовые элементы, участвовавшие в деле обороны, и приемлемые для общественности круги бюрократии. Предполагалось, что общественные организации (союзы и военно-промышленные комитеты), а также другие

¹ Журнал Главного комитета Всероссийского союза городов. 1914. 28 сент. № 7. С. 5–6; Материалы к вопросу о расширении деятельности экономического отдела Всероссийского союза городов. М., 1916. С. 7–28.

² Русские ведомости. 1915. 25 и 27 июня.

«организованные» слои населения, даже работая в существующих правительственных экономико-регулирующих учреждениях, сумеют более эффективно, чем власти, решить проблемы обороны и экономики. Одновременно в ходе работы на оборону происходила бы фактическая легализация «общественных» (союзы, ВПК) и общественно-демократических (рабочие группы при ВПК, профсоюзы, продовольственные комитеты, кооперативы и т. п.) сил и их приобщение к государственной деятельности. Увенчивало систему «организованного тыла» правительство, ответственное перед «страной» в лице названных общественных и демократических органов. От власти общественники ожидали «доверия» и «веры» в «общество», а от демократических организаций – сохранения «внутреннего мира» в стране³.

Однако среди общественности уже в начале 1915 г. выделились левые круги, выступавшие за «принцип совместной работы всех без исключения сил для единой цели победы». Такая консолидация левой общественности, главным образом городской демократии, происходила в рамках борьбы с дороговизной под нарастающим давлением многочисленных экономических совещаний в городах, научных обществ, торгово-промышленных кругов, потребительских обществ, кооперативов, рабочих организаций, работников земской и городской статистики⁴. Борьба с дороговизной мыслилась посредством создания общеимперского органа, который должен был взять на себя решение всех вопросов обеспечения и населения и армии продовольствием, а также транспортной и топливной проблемы. Представители городской демократии также поддерживали концепцию «организации страны» для обороны, считая необходимым привлечение к этому делу широких народных слоев, дав им необходимые права, обеспечив таким образом равные условия для всех слоев нации⁵. Демократической концепции «организации страны» соответствовала и их

³ Журнал Главного комитета Всероссийского союза городов. 1915. 5 июня. № 33. С. 5–28; Труды совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии. Москва, 11–13 июля 1915 г. М., 1915. С. 1.

⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 3. Л. 191; Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 19. С. 31; Журнал Главного комитета Всероссийского союза городов. 1915. № 25. С. 8; № 27. С. 12–13.

⁵ Свод резолюций Кавказского, Самарского и Петроградского областных съездов по дороговизне. М., 1915; Труды совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии. Москва, 11–13 июля 1915 г. М., 1915, с. 35–37, 65.

политическая программа, предусматривавшая «коренное переустройство государства», «демократизацию сверху донизу»⁶ [Аврех 1985, с. 199–203].

На дальнейшую эволюцию деятельности союзов оказала большое значение работа с конца августа особых совещаний по обороне, продовольствию, перевозкам и топливу, в которых союзы приняли самое активное участие⁷. Но союз с левыми силами в рамках Всероссийского союза городов (ВСГ), союз «со страной», неизбежно ставил перед соговорцами проблему политическую, которая выражалась в требовании создания «правительства, ответственного перед народным представительством», включавшим структуры, созданные в ходе организации страны для обороны⁸.

С октября 1916 г. в стране разразился общественно-политический и социально-экономический кризис, вызванный резким обострением продовольственного вопроса и отказом властей принять согласованную продовольственными органами программу введения твердых цен на хлеб⁹. Кампания городских дум, кооперативов против «расстройства тыла», за «принудительное отчуждение продукта» и т. п.¹⁰ сопровождалась во многих городах стихийными действиями по реквизиции товаров первой необходимости, требованием уплотнения квартирохозяев, введения плановых мероприятий на железных дорогах, карточной системы на продукты, созданием комитетов против спекулянтов и т. п. Городские думы, их продовольственные и жилищные комиссии ставили вопрос о введении явочным порядком плановой системы в народном хозяйстве, установлении правительства, учитывавшего интересы городской России¹¹.

Одновременно левые деятели ВСГ потребовали проведения в жизнь плана организации народного хозяйства, а для этого – «не уклоняться от ответственности за управление государством», взять

⁶ Труды совещания по экономическим вопросам... С. 122–123; Русские ведомости. 1915. 14, 15 июля.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12593. Оп. 1. Д. 2579. Л. 1–6; Журнал Главного комитета Всероссийского союза городов. 1915. 20 сент. № 41. С. 4–6.

⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 225. Оп. 8. Д. 44. Л. 1.

⁹ РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 2622. Л. 7, 8, 11.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 188. 1916 г. Д. 117. Л. 1–44.

¹¹ Городское дело. 1916. № 21. С. 1013–1025; № 22. С. 1065–1069; № 23. С. 436–1138; № 24. С. 1192–1194.

власть в свои руки¹². В ноябре часть служащих ВСГ приняла резолюцию «за прекращение войны и заключение мира» «без насильственных аннексий и контрибуций» и за «коренные преобразования политического строя» России¹³.

Требования в пользу правительства, ответственного «перед народом» содержались в резолюции съезда ВСГ и продовольственного съезда, разогнанных 9 декабря¹⁴. На состоявшемся вечером того же дня частном совещании членов 5-го съезда Союза городов прозвучали требования решительной борьбы за власть с правительством «рука об руку с трудящимися»¹⁵. В декабрьские дни резко активизировалась деятельность «третьего элемента» в союзах, призвавшего к «борьбе за власть» и за «ответственное перед народом правительство». Кризис союза «общественности» и власти привел к усилению левых тенденций в демократическом лагере и смене самой формулы власти.

Заключение

В годы Первой мировой войны взаимоотношения власти и общества претерпели важные изменения. В их основе были возрастание деятельности общественных структур, входивших в общественные организации в направлении все большей демократизации и расширения объема деятельности. Формула «правительство доверия», оглашенная в Государственной думе в 1915 г., означала лишь новый этап взаимоотношений власти и общества в рамках Государственной думы, объединенной в рамках «Прогрессивного блока», т. е. широкой коалиции партий, противостоявших царизму. Ему противостоял лозунг правительства, ответственного перед Думой. Но среди общественных организаций возникла формула правительства, ответственного перед страной, т. е. комплексом общественных организаций. Эта политическая формула в свою очередь превратилась в требование правительства, ответственного перед «народом», т. е. широким спектром демократических организаций. Это привело к закономерной трансформации формулы

¹² Журнал Исполнительного бюро Всероссийского союза городов. 1916. 5 окт. № 232. С. 2, 14–16.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 343зс. Т. 4. Л. 94 об., 116 об.–116а, 195–195 об.

¹⁴ Там же; РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 21. Л. 8–8 об.; Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 41–42. С. 52–60.

¹⁵ РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 2622. Л. 232–234.

правительства, ответственного перед народом, в прямое формирование этого правительства самим народом через механизмы всенародного волеизъявления.

Литература

- Аврех 1985 – *Аврех А.Я.* Распад третьиюньской системы. М.: Наука, 1985. 259 с.
- Власть и реформы 1996 – *Власть и реформы: От самодержавной к советской России* / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 802 с.
- Гайда 2016 – *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 604 с.
- Дякин 1967 – *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Л.: Наука, 1967. 362 с.
- Кризис самодержавия 1984 – *Кризис самодержавия: 1905–1917* / Отв. ред. В.С. Дякин. Л.: Наука, 1984. 663 с.
- Ерошкин 1979 – *Ерошкин Н.П.* [Рец.]: В.И. Старцев. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия») // *Вопросы истории.* 1979. № 6. С. 120–123.
- Куликов 2004 – *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: НРИИД, 2004. 472 с.
- Мау 1993 – *Мау В.* Реформы и догмы: 1914–1929. М.: Дело, 1993. 256 с.
- Милюков 2001 – *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
- Россия в годы... 2014 – *Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис* / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.
- Шкундин 2002 – *Шкундин Г.Д.* (отв. ред.) Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк. М.: Наука, 2002. 686 с.

References

- Anan'ich, B. (ed.) (1996), *Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoi Rossii* [Power and Reforms. From autocratic to Soviet Russia], Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Avrekh, A. (1985), *Raspad tret'eiyun'skoi sistemy* [The collapse of the Tret'eiyunskii (the 3^d of June) system], Nauka, Moscow, USSR.
- Dyakin, V. (1967), *Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [Russian Bourgeoisie and Tsarism during the First World War (1914–1917)], Nauka, Leningrad, USSR.
- Dyakin, V. (ed.) (1984), *Krizis samoderzhaviya. 1905–1917* [Crisis of the autocracy: 1905–1917], Nauka, Leningrad, USSR.
- Eroshkin, N. (1979), “[Book review] V.I. Startsev. The Russian Bourgeoisie and Autocracy in 1905–1917. (The Struggle Around the ‘Responsible Ministry’ and the ‘Government of Trust’)”, *Voprosy istorii*, no 6, pp. 120–123.

- Gaida, F. (2016), *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917)* [Power and the Public in Russia. Dialogue on the Path of Political Development (1910–1917)], Russii Fond sodeistviya obrazovaniyu v nauke, Moscow, Russia.
- Kulikov, S.V. (2004), *Vyurokraticheskaya elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917)* [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)], NRIID, Ryazan, Russia.
- Mau, V. (1993), *Reformy i dogmy. 1914–1929* [Reforms and Dogmas. 1914–1929], Delo, Moscow, Russia.
- Milyukov, P. (2001), *Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii* [History of the second Russian revolution], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Petrov, Yu. (ed.) (2014), *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, social'nye protsessy, politicheskii krizis* [Russia during the First World War. Economic Situation, Social Processes, Political Crisis], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Shkundin, G. (ed.) (2002), *Mirovye voiny XX veka: V 4 kn. Kn. 1: Pervaya mirovaya voina: Ist. ocherk* [World Wars of the 20th Century: In 4 books. Book 1: World War I: Hist. Essay], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр Б. Асташов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abastash@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr B. Astashov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; abastash@yandex.ru

Рождение и трансформация
«генеральной линии» ЦК ВКП(б)
в политической борьбе
второй половины 1920-х – начала 1930-х гг.

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье изучается понятие «генеральная линия» в истории партии большевиков на протяжении второй половины 20-х гг. Впервые это понятие в политический лексикон ввел Н.И. Бухарин, выступая на XIV партийной конференции (1925). Понятие фиксировало основную идею новой экономической политики: нужно бороться с двумя уклонами, против того, чтобы считать кулаков основной крестьянской силой в деревне, и против того, чтобы не замечать главную фигуру в деревне – середняка. Это понятие имело дискуссионный смысл – прежде всего. Его активно использовали представители объединенной оппозиции. И только к началу 1929 г., когда наметился переход от новой экономической политики к методам военно-административного управления сельским хозяйством, понятие «генеральная линия» партии стало выражать собой мнение Центрального комитета партии и лично генерального секретаря. В начале 1929 г. Сталин поставил вопрос так, что всякое, даже малейшее несогласие с «генеральной линией» партии в условиях обострения классово-борьбы означает «правый уклон». В дальнейшем это понятие стало символическим обозначением тоталитаризма.

Ключевые слова: И.В. Сталин, правый уклон в партии, «генеральная линия» партии, Н.И. Бухарин, новая экономическая политика, сатирический журнал «Крокодил»

Для цитирования: Юрганов А.Л. Рождение и трансформация «генеральной линии» ЦК ВКП(б) в политической борьбе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 83–113. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-83-113

The birth and transformation of the “general line”
of the Central Committee of the VKP(b)
in the political struggle
of the second half of the 1920s and early 1930s

Andrey L. Yurganov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article studies the concept of “general line” in the history of the Bolshevik Party during the second half of the 1920s. N.I. Bukharin first introduced that concept into the political lexicon, speaking at the Fourteenth Party Conference (1925). The concept fixed the basic idea of the new economic policy – that it was necessary to fight against two tendencies: against considering the kulaks as the main peasant force in the village and against ignoring the main figure in the village – the middleman. That notion had a debatable meaning – above all. It was actively used by representatives of the united opposition. It was not until the beginning of 1929, when the transition from the new economic policy to the methods of military-administrative management of agriculture was outlined, that the notion of the “general line” of the Party began to express the opinion of the Central Committee of the Party and the General Secretary personally. At the beginning of 1929, Stalin posed the question that any disagreement, even the slightest, with the “general line” of the Party in conditions of aggravation of the class struggle meant a “right-wing deviation”. Subsequently, the concept became the symbolic designation of totalitarianism.

Keywords: Stalin, rightist deviation in the party, “general line” of the party, N.I. Bukharin, new economic policy, satirical magazine “Crocodile”

For citation: Yurganov, A.L. (2021), “The birth and transformation of the ‘general line’ of the Central Committee of the VKP(b) in the political struggle of the second half of the 1920s and early 1930s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 83–113, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-83-113

Впервые словосочетание «генеральная линия» прозвучало в речи Н.И. Бухарина на XIV партийной конференции в апреле 1925 г. Ему потребовалось еще раз объяснить суть нэпа, если возникают партийные уклоны, то вправо, то влево, от центральной идеи – сохранения на долгие годы (как учил В.И. Ленин) компромисса пролетарской власти и контролируемого ею свободного рынка в промышленности и сельском хозяйстве. Идея компромисса была наиболее распространенной, и выступавший с докладом

о «кооперации» А.И. Рыков подчеркивал, что «при предоставлении условий для свободного накопления в кулацких хозяйствах увеличивается темп накопления во всем хозяйстве, быстрее возрастает общенациональный доход, увеличиваются материальные возможности в отношении реальной хозяйственной поддержки маломощных крестьянских хозяйств»¹.

Эту идею компромисса Бухарин определил как «генеральную линию» партии через характеристики двух уклонов «по крестьянскому вопросу».

Первый уклон – это когда

...товарищи считают совершенно правильным взгляд, что нужно сейчас развивать в целях оживления всего народного хозяйства в целом верхушечные слои в деревне, развязывать (т. е. дать возможность развиваться) даже кулацкое хозяйство, не говоря уже о хозяйстве зажиточного крестьянина, середняка и т. д.

Ошибка этого «кулацкого» уклона – в непонимании смысла и цели компромисса: увеличив сумму национального дохода рыночным путем, необходимо оказать помощь основной массе сельскохозяйственного населения, организовать поддержку кооперации.

Второй уклон – это когда товарищи впадают в крайность противоположную: они не видят в деревне ключевую фигуру – середняка. В их представлении сталкиваются между собой две противоположные классовые силы: кулаки и сельский пролетариат. Бухарин говорил:

Когда мы кулака обкладываем больше, чем остальных, и когда мы финансируем середняка, что мы делаем? Мы ведем в известном смысле *линию на нивелирование крестьянства* (курсив мой. – А. Ю.)².

Эта линия на «нивелирование» крестьянства получила в выступлении Бухарина название «генеральной линии». Новый термин подчеркивал значимость идеи «равновесия классовых сил» при диктатуре пролетариата:

...можно ли сказать, что наша генеральная линия, линия большевистская, линия нашей политики на целый период, заключается в сознательном форсировании классовой борьбы? Вот этого-то я как раз не думаю...³

¹ Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). М.: Гос. изд-во, 1925. С. 86.

² Там же. С. 187.

³ Там же.

«Линия на нивелирование крестьянства» в 1925 г. не имела никакого отношения к более поздней трактовке «генеральной линии» как всеобъемлющей марксистской истины, выраженной в коллективном мнении ЦК ВКП(б). Более того, в силу компромисса, который допускала партия большевиков в нэпе, содержание такой «генеральной линии» естественным образом становилась эпицентром споров и дискуссий.

Сам же термин «генеральная линия» не получил признания – его даже не упомянули в резолюции XIV конференции РКП(б). Хотя о «линии на нивелирование крестьянства» говорилось вполне в духе выступления Бухарина:

...экономические высоты уже находятся в руках пролетариата и действительно укрепляются. Элементы капитализма, которые в ближайшие годы будут неизбежно нарастать, будут преодолеваться средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства⁴.

Эту линию назвали «единственно правильной линией пролетарской политики в настоящих условиях»⁵. Но вместо слов «генеральная линия», употребленных Бухариным, прозвучали более привычные слова:

Руководство пролетариата по отношению к крестьянству после победы пролетарской революции заключается в проведении *правильной общей политической линии* (курсив мой. – А. Ю.) в каждый данный период развития пролетарской революции⁶.

На октябрьском Пленуме ЦК РКП(б) в 1925 г., незадолго до открытия XIV съезда партии, были повторены слова и мысли Бухарина о «двух уклонах», при помощи которых он характеризовал правильную линию – «генеральную», но само это слово не было упомянуто:

...проведение решений XIV партконференции встречает в отдельных случаях такого же рода возражения, какие наблюдались при переходе к нэпу в 1921 г. В связи с этим создается опасность искажения этой политики в двух направлениях: в направлении недооценки отрица-

⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1953. II: 1925–1953. С. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

тельных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа как необходимого этапа к социализму⁷.

Словосочетание, придуманное Бухариным, стали употреблять в оппозиционной среде. Оно даже оказалось датирующим признаком статьи Я. Оссовского, опубликованной в журнале «Большевик» за 1926 г. Этой публикацией⁸ намеревались показать, к чему стремится объединенная оппозиция – к созданию второй партии. Когда был написан этот текст? В журнальном примечании от автора сказано: «Настоящая статья писалась до XIV съезда и частью незадолго после него»⁹. Поскольку в статье весьма активно используется словосочетание «генеральная линия», то следует думать, что основная часть текста статьи Оссовского написана под сильным воздействием выступления Бухарина в апреле 1925 г. на XIV партийной конференции.

Главный постулат Оссовского сводился к экономическому детерминизму: раз уж в экономике нет никакого единства, то и партия большевиков не может руководить чуждым ей по духу капиталистическим укладом страны в виде частных крестьянских хозяйств.

Он обосновывал три формы «партийного строительства»: «1. Совершенно единственная и абсолютно единая партия. 2. Совершенно единственная, единая, но не абсолютно единая партия. 3. Абсолютно единая, но не единственная партия».

По мнению Оссовского, до 1925 г. преобладали две первые формы: «Официальная точка зрения считала, что партия может и должна жить при совершенном единстве и абсолютной единственности, независимо от того, что в экономике нет и намека на такого рода единство»¹⁰. В 1923 г. Л. Троцкий выступил в «защиту второй точки зрения, на горизонте появилась третья точка зрения». Оссовский утверждал, что третью точку зрения можно увидеть на горизонте «только хорошо вооруженным взглядом». Но он был уверен в том, что «эта точка зрения уже нашла своих выразителей среди части руководителей нашей партии, при чем из среды *основного ленинского ядра* (слова выделены автором статьи. – А. Ю.)».

Раз уж партия согласилась на допущение товарно-денежных отношений в экономике, то почему же не разрешить «малочисленным группам» быть политически ответственными за буржуазные

⁷ Там же. С. 61.

⁸ *Оссовский Я.* Партия к XIV съезду // Большевик. 1926. № 14. С. 59–80.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 60.

уступки под общим контролем диктатуры пролетариата? ВКП(б) могла бы сохранить свою классовую чистоту, если бы буржуазные элементы в экономике выражали другие «политические фигуры». Партия большевиков

...могла бы соблюсти полное и стальное единство своих революционных рядов, если чуждые ее программе экономические интересы были бы представлены в стране не ею же, а другой малочисленной группой. Эта малочисленная группа могла бы с успехом выполнить роль защитника капиталистических хозяйств нашей страны в пределах, допускаемых диктатурой пролетариата и революционного крестьянства, сохраняя эту диктатуру полностью и целиком для руководства остальным хозяйством страны, основные свойства которого не чужды программе ВКП¹¹.

Если не допускать политического разнообразия в сфере управления, то, по мнению Оссовского, трудно соблюсти демократические основания в единственной партии:

Только за пару недель до съездов на голову широкой партийной массы, ни в чем не информированной и считающей, что все благополучно, вдруг сыплются бесконечные так называемые дискуссионные листки, где широкой партийной массе преподносится в 2–3 дня наплодившееся и надуманное членами высших партийных инстанций месяцами и годами. Широкая партийная масса обязана в 2–3 дня решить, за «кого» она, а узнать, в чем спор, она, от установившейся у нас традиционной предсъездовской шумихи, никак не может. Она в таком случае всегда голосует за аппарат. Последнее получает убедительнейшую иллюстрацию на примере последней предсъездовской подготовки в Ленинграде и Москве – за Сталина¹².

Оссовский писал:

Партия не может одновременно быть представителем и защитником разнообразнейших форм хозяйства: частно-капиталистических, госкапиталистических и социалистических. Защиту чуждых программе ВКП экономических интересов надо передать другому. «Этот другой» предполагалось то в виде беспартийной фракции советов, то в виде «отсеченных» от партии по разным политическим и неполитическим разногласиям элементов, или же те и другие вместе, одни под руководством других. Главное только, чтобы эти «другие» были лояльны к советской власти, к завоеваниям Октябрьской революции¹³.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Там же. С. 62.

¹³ Там же. С. 63.

Вот тут и возникает вопрос о «центральной линии» – о политическом компромиссе, который так необходим в условиях нэпа. Оссовский называл эту «центральную линию» «генеральной»:

Возвращаясь к вопросу о **генеральной линии партии** в государственном руководстве, надо сказать, что хотя она в нынешних условиях может считаться в той или другой степени правильной, с точки зрения тактики авангарда рабочего класса, все-таки она не может пользоваться беспредельной поддержкой пролетариата, так как в основе этой линии в силу объективных условий лежит компромисс между интересами пролетариата и интересами частнокапиталистического хозяйства. Поскольку это так, пролетариат, исходя из своих исторических классовых интересов, не может и не должен отказаться от критики этой покоящейся на компромиссе с частнокапиталистическим хозяйством государственной линии. Подобная критика должна ставить себе целью, во-первых, дать отпор атакам со стороны вкрапленных в **генерально-руководящую линию** Советского государства частно-капиталистических элементов, постоянно стремящихся смещать центр этой линии в свою сторону, – сторону частно-капиталистического хозяйства – социализма. Такого рода критика есть здоровая пролетарская классовая критика своего же государства, являющегося пока не рабочим, а рабоче-крестьянским¹⁴.

«Генеральная линия» в таком контексте нуждается в постоянной самокритике! Ведь она основана на компромиссе «с другим классом»¹⁵.

Определять в каждом случае *это пролетарское содержание генеральной линии Советского государства может исключительно свободно развивающееся общественное мнение партии* (курсив мой. – А. Ю.). И до тех пор, когда не будет потеряно последней надежды строить и в нашей стране пролетарское хозяйство и социализм, генеральная линия партии в руководстве Советским государством у свободного общественного мнения партии и пролетариата всегда найдет необходимую поддержку. Вместе с этим только свободное общественное мнение партии может развивать и сохранить за рабочим классом его боевую способность, которая независимо от того, построим ли мы в одной нашей стране социализм или же только его будем строить, ему очень и очень нужна¹⁶.

¹⁴ Там же. С. 67.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 77.

Идеи Оссовского опровергал А. Слепков статьей в том же номере журнала с ярко обличающим названием – «Платформа оппозиционного ликвидаторства (Ответ на статью Оссовского “Партия к XIV съезду”)».

Он не упомянул словосочетание «генеральная линия». Термин фиксировал меру *дискуссионного компромисса*, который допускала советская власть при новой экономической политике с теми, кто олицетворяет собой мелкобуржуазную стихию рынка. Слепков так и писал: «Центральным пунктом платформы Оссовского является положение о невозможности единства компартии из-за непролетарского характера руководимого ею советского государства (смысл его центральной идеи таков)»¹⁷. Его возмутила уверенность Оссовского, что политический компромисс нэпа неизбежно приведет к расколу партии: «...никогда и ни один партиец, через горнило каких-либо уклонов он не прошел, не говорил о неизбежности раскола, о невозможности существования единой и единственной компартии»¹⁸.

Эту уверенность Слепков называл «бессмыслицей»:

Нужно ли доказывать, что Оссовский здесь неграмотно и плоско пропагандирует премудрости Каутского и всех теоретиков оппортунизма, считающих предпосылкой пролетарской революции полное – или почти полное – вытеснение капитализмом всех других докапиталистических экономических структур?¹⁹

Политическое обвинение, предъявленное Оссовскому, гласило: «Он поставил себе задачу – доказать непролетарский характер советского государства»²⁰. Смысл обвинения таков:

Основой основ ошибок Оссовского является его утверждение, будто руководимое партией советское государство, ведущее определенную экономическую политику в условиях сосуществования различных социально-экономических форм, – обязательно, неизбежно, «должно представлять все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей»²¹.

¹⁷ Слепков А. Платформа оппозиционного ликвидаторства (Ответ на статью Оссовского «Партия к XIV съезду») // Там же. С. 81.

¹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ Там же. С. 87.

²¹ Там же. С. 89.

Статья Оссовского была разрешена к публикации в журнале «Большевик», чтобы показать «истинное лицо» оппозиции²², которая на самом деле мечтает о создании «второй партии»:

Перед нашими глазами теперь прошли все три ступени «перспективного плана» Оссовского. Первая ступень: легализация фракций внутри партии. Вторая ступень: легализация двух политических партий. Третья ступень: легализация различных политических партий, представляющих интересы различных социально-экономических групп²³.

Слепков отмечал:

Оссовский считает, что XIV партсъезд сделал ошибку, когда, он, якобы, дал команду: огонь налево. Это же думают и вожди объединенной оппозиции. Но зачем так извращать факты? Партия и представляющий ее XIV партсъезд не говорили, что новая оппозиция есть «левый» уклон. Она утверждала и утверждает теперь с еще большим правом, что левая фраза оппозиции прикрывает правую политическую программу²⁴.

Итак, в среде партийных работников концепт «генеральная линия» ассоциировался с таким компромиссом, который требовал не всегда желаемой дискуссии, – ведь никто в партии большевиков точно не знал, до какой степени может продолжаться компромисс нэпа, который неизвестно когда и чем закончится. Согласно Ленину, времени впереди много... но сколько? Не считать! И потому «генеральная линия» в подобном контексте – с избытком дискуссионная «линия».

Это совсем не та линия, в которую можно поверить как в единственно правильную «линию» партии.

Бухарин своей речью на XIV партконференции породил кампанию разоблачения, но не двух уклонов, как он указывал в случае употребления понятия «генеральная линия», а множества «уклонов», которыми пытались определить уже не «генеральную линию» (критикующую два уклона), а «правильную линию»: ее нередко рассматривали расширительно как высший уровень обобщения *безотносительно* к компромиссу новой экономической политики в области сельского хозяйства.

На XIV Московской губернской партийной конференции, состоявшейся с 5 по 13 декабря 1925 г., накануне партийного съезда,

²² Там же. С. 101.

²³ Там же. С. 99.

²⁴ Там же. С. 102.

был поднят вопрос о недопустимости широкого толкования «уклонов» в условиях внутрипартийной демократии. А.И. Рыков, в частности, говорил:

...некоторые тт. во всяком обсуждении какого-либо вопроса находят обязательно «уклон»... Объясните мне, что будет обозначать внутрипартийная демократия, если члены партии не смогут спорить друг с другом, не смогут обсуждать вопросов?²⁵

Он привел пример, который демонстрирует большую потребность в партийных кругах опереться на рациональное мнение, чтобы «сохранить за партией 100 % верность ленинизму»:

...видно из заявления тов. Саркиса, одного из виднейших работников Ленинградской организации. На Ленинградской губконференции он сказал: «Вы знаете, что я один из тех товарищей, которые любят читать и немножко пописывать. Я постарался собрать все виды отдельных уклонов и колебаний, и получил следующий перечень: 1) критика Ленина в вопросе о госкапитализме в одном из основных вопросов нашей политики и практики; 2) вопрос о кулаке; 3) возрождение народнических идей и старой доброй общины; 4) вопрос о перспективе социалистического строительства в одной стране при затяжке международной революции и при стабилизации капитала в западной Европе; 5) «правительство всех» и отношение правительства ко всему населению, независимо от их классового происхождения (тов. Сольц). 6) Отдельные вопросы, вопрос о нашем отношении к вербовке из рабочих новых большевиков, вопрос о производственных совещаниях, о рабселькоровском движении и т. д. и т. п. И плюс к этому я два раза должен повторить уклон Ларина». В этой цитате, кроме «и т. д. и т. п.» перечислено 9 уклонов. А сколько кроется за этим «и т. д. и т. п.»? Вероятно, и сам Саркис не смог или не успел подсчитать. Вот такое злоупотребление словом «уклон» я считаю опасным озорством. К сожалению, это делает не рядовой член партии, а один из руководителей Ленинградской организации, который такими методами хочет сохранить за партией 100 % верность ленинизму. Я боюсь, что если дать волю таким товарищам, как т. Саркис, то многие члены партии не только не будут говорить или писать, но будут бояться и самостоятельно мыслить (бурные аплодисменты)²⁶.

«Правильная» линия не предусматривала логику безусловного подчинения. Мнение большинства может не совпадать с мнением

²⁵ Новая обстановка и задачи партии. Доклады и речи на XIV Московской губпартконференции. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. С. 69.

²⁶ Там же. С. 70.

меньшинства. Какая линия «правильная»? Вопрос дискуссионный, ибо в истории партии бывали случаи, когда мнение большинства оказывалось ошибочным.

На XIV съезде партии Г. Сокольников, сторонник «новой оппозиции», спрашивал о том, что волновало и Оссовского: как совместить внутрипартийную демократию с принятием правильных решений? Генеральный секретарь ЦК партии Сталин создал твердое большинство, которое диктует свое мнение всей партии. Но правильное решение возникает при свободе мнений, а не в условиях диктата одной группы, пусть и получившей поддержку большинства:

...та оценка борьбы в нашей партийной верхушке, которую я позволяю себе дать, высказывая на съезде свое убеждение, состоит в том, что по отношению к меньшинству Политбюро, по отношению к Каменеву и Зиновьеву, велась линия, которую я считал неправильной, – линия, которая имела своим естественным завершением отсечение Каменева и Зиновьева. (Шум. Голоса: «Факты!») Товарищи, если вам нужно, я приведу вам факты. (Голоса: «Пожалуйста, факты, факты, факты!») Товарищи, позвольте вам назвать один факт, который лично для меня имел решающее значение. Для меня этот факт состоял в том, что очень скоро после XIII съезда партии, *без всяких поводов к этому со стороны Каменева и Зиновьева* (курсив мой. – А. Ю.), тов. Сталин напечатал сделанный им на курсах секретарей укомов доклад, в котором он выступил впервые – этого у нас никогда не бывало – против Каменева и Зиновьева в печати²⁷.

Г. Зиновьев объяснил на съезде, как распалось политическое «ядро» в промежутке между XII и XIII съездами партии. Сталин воспользовался административной властью над партийной бюрократией, чтобы выстроить свою «правильную линию». Зиновьев говорил:

Нападение на меня было по вопросу о диктатуре пролетариата, – формулировка, которая была одобрена XII съездом партии и которую Сталин критиковал в этой речи у секретарей укомов, сказавши, что, «кажется», XII съезд ее принял. Сталин сделал самое решительное выступление против «ядра» через газеты, оно и разложило это ядро. (Голос: «Когда это было?») Это было после XIII съезда партии, месяц спустя, не могу точно сказать, но очень скоро после XIII съезда. Это было сказано в статье и в речи, напечатанной во всех газетах, а затем

²⁷ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во, 1926. С. 333.

издано отдельной брошюрой. У нас тогда собралось несколько руководящих товарищей, человек 15–17 большевиков-ленинцев, которые обсуждали создавшееся положение. Они признали *неправильности* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) выступления тов. Сталина и *принципиальную его* ошибку по вопросу о диктатуре пролетариата²⁸.

Заметим попутно: на XIII съезде партии Зиновьев читал политической отчет ЦК партии – это значит, что он считался неформальным лидером партии (после Ленина). Сталин добился того, чтобы XIV съезд проходил в Москве, а не в Ленинграде, как было ранее условлено, и сам прочитал политический отчет ЦК, что для всех партийных работников означало только одно: лидером партии становится Сталин и теперь он ведет партию по «правильной линии».

Возвращаясь к речи Сокольниковца на съезде, обратим внимание на то, как он объяснял принятие решений после распада «ядра»:

...поскольку генеральный секретарь партии, с одной стороны, является членом Политбюро, а с другой стороны, руководителем Секретариата, то совершенно независимо от личности тов. Сталина, создается такое положение, когда любое расхождение в Политбюро, возникающее по любому политическому вопросу, получает свое отражение на организационной работе, потому что в действительности один из членов Политбюро, являясь генеральным секретарем, т. е. руководя всей организационной работой, оказывается в таком положении, что любое его разногласие по любому вопросу в Политбюро может получить немедленно то или иное выражение по линии организационных мероприятий²⁹.

Выход, по мнению Сокольниковца, только один – свобода мнений в Политбюро при принятии правильных решений, чтобы «было исключено образование твердо сплоченных групп в Политбюро»³⁰.

Тему «уклонов» на XIV съезде партии подхватил и Сталин. Формально он не уходил далеко от бухаринской трактовки. Но он внес в эту официальную теорию такие изменения, которые потом проросли в принципиально новое объяснение «генеральной линии» – в устах генерального секретаря партии. Инновация Сталина была принята с восторгом большинством депутатов на съезде – они неустанно цитировали его «поправки» к бухаринскому тезису о двух уклонах.

²⁸ Там же. С. 454.

²⁹ Там же. С. 335.

³⁰ Там же. С. 336.

Постановление ЦК (принятое в октябре 1925 г.) о двух уклонах рассматривалось «новой оппозицией», в частности Л. Каменевым, как правильное, если утверждать их «**равноценность**». Так думал и автор концепции – Бухарин. Сталин же **изменил оптику** «измерения зла» и сказал о том, что нужно бороться прежде всего с *тем уклоном*, который в настоящий момент представляет собой *большую опасность* для партии. Иными словами – открывать надо не «равный огонь», а по усмотрению партии и там, где этот огонь необходим в силу большей проявляемой слабости. А.И. Рыков спорил с Каменевым при помощи этих мыслей Сталина и утверждал следующее:

...тов. Сталин был совершенно прав, говоря, что нужно главный огонь в настоящее время открыть по тем, *которые этого не понимают* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.), а таких еще достаточно много... Он (Каменев. – А. Ю.) привел постановление ЦК о двух уклонах, *утверждая их равноценность*. А что он доказывал? Доказывал ли он, что оба уклона одинаково опасны? Наоборот, он пытался доказать съезду, что тот уклон, который недооценивает середняка, никому ничем не грозит, в противоположность уклону, недооценивающему опасностей нэпа. Если сделать практический вывод из его речи, то нужно открыть вовсе не равный огонь по обоим уклонам, а весь огонь сосредоточить на одном уклоне, уклоне тов. Богусhevского, указание же на второй уклон за ненадобностью из всех резолюций исключить³¹.

За «равенство» уклонов выступил и Г. Зиновьев. Он сравнил постановление ЦК о двух уклонах и речь Сталина на съезде, чтобы заявить во всеуслышание, что генеральный секретарь неверно интерпретировал постановление! Ведь в нем сказано: «Решительная борьба с обоими уклонами для предотвращения срыва политики партии в деревне и правильного проведения в жизнь решений XIV партийной конференции». В политическом отчете ЦК партии на съезде, как отметил Зиновьев, Сталин извратил смысл постановления ЦК, сказав: «Я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном». Это был уклон «раздувания роли кулака».

Зиновьев почувствовал, что Сталин задумал какую-то политическую каверзу:

...в этом вопросе тов. Сталиным прибавлено новое и выражено оно *архи-полюемически* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.). Я думаю, что все события, чем дальше они развиваются, тем больше показывают,

³¹ Там же. С. 409.

что *сосредоточивать огонь на тех, которые указывают на опасность кулака в данный момент*, это значило бы делать серьезнейшую политическую ошибку³².

Ему было важно подчеркнуть, что Сталин сделал политическую ошибку. Но Сталин не только сознательно обострил ситуацию противостояния с «новой оппозицией», имея власть над большинством в партии, он предложил ввести в тему «двух уклонов» *начало неопределенности* – вопреки слишком уж механической постановке вопроса в постановлении ЦК. Какой уклон больше, а какой меньше – решает «партия»! Решает «диалектически»: в ту сторону, которая наиболее угодна «партии», то есть лично товарищу Сталину и его группировке. Это отождествление «партии» и решений большинства в ЦК под контролем генерального секретаря стало козырной картой Сталина в игре против «теоретиков» новой оппозиции.

В своем заключительном слове В.М. Молотов весьма своеобразно высказался о попытке Г. Зиновьева взять реванш за политическое поражение:

Есть *кусочки линии* (курсив мой. – А. Ю.), есть уклоны от нашей правильной линии... Содоклад и выступления оппозиции, которые были здесь, во всяком случае, *особой цельной линией* (курсив мой. – А. Ю.) не выявили³³.

Допущение, что линия партии может иметь «кусочки» правильные и неправильные, показывает, что идея о «правильной линии» еще не получила законченный вид. Она не стала необсуждаемой истиной партии. Сталинская неопределенность в обсуждении двух уклонов показала, что «правильность» только тогда станет безусловной, превратившись в конце концов в линию «генеральную», когда право распоряжения этой неопределенностью окончательно станет личным правом Сталина, генерального секретаря ЦК ВКП(б).

В своем заключительном слове Сталин отметил, что «тов. Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими. Он *не понимает диалектики* (курсив мой. – А. Ю.) развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода»³⁴.

³² Там же. С. 436.

³³ Там же. С. 470–471.

³⁴ Там же. С. 495.

Ключевое слово «диалектика» в устах Сталина – личное оружие, при помощи которого определенно-механистические, но *в равной мере* неверные уклоны от «генеральной линии» (по выражению Бухарина) генсек намеревался превратить в уклоны неопределенно-диалектические, которыми можно манипулировать – через *неравную меру*, но по усмотрению Сталина.

В процессе овладения «правильной линией» была своя предыстория – и Сталин всячески подчеркивал, что он якобы всегда был противником «политики отсечения». Зиновьев и Каменев требовали вывести из Центрального комитета Троцкого, а он не согласился: «...сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – что же у нас останется в партии? (Аплодисменты)»³⁵. Но и тут «работала» сталинская диалектика: «Мы против отсечения. Мы против политики отсечения. Это не значит, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться на голову. Нет, уж извините. Поклонов в отношении вождей не будет...»³⁶.

На протяжении трех-четырех последующих лет политической борьбы мы видим, что в спорах, дебатах – самых острых – упоминается только «правильная» или «неправильная» линия. **Новое рождение** концепта «генеральная линия» напрямую связано с полной победой Сталина *над всеми* своими оппонентами в партии, которые так или иначе мешали ему прийти к полновластию.

На двух самых дискуссионных пленумах ЦК партии, относящихся к августу и октябрю 1927 г., не было речи ни о какой «генеральной линии» – битва шла за «правильность» в координатах внутрипартийной демократии между сталинской группировкой и объединенной оппозицией (Г. Зиновьев, Л. Троцкий, Л. Каменев).

В июле–августе 1927 г. прошел Пленум ЦК ВКП(б), на котором развернулась неслыханная ранее баталия на тему о «правильности» партийной линии. Речь шла о наличии «двух линий» неправильных и «третьей линии» – правильной. Как заметил сторонник Сталина, член ЦК и зав. отделом ЦК ВКП(б) К.Я. Бауман,

...первая линия, которая поддерживается в нем меньшевистским либеральным течением, – это фактическое отрицание каких бы то ни было перспектив международной пролетарской революции... <...> Вторая линия, мне кажется, это линия т. Троцкого, которая заключается в таком понимании международной пролетарской революции, где главным пронизывающим его моментом является представление о международной пролетарской революции, как своего рода единовременном историческом акте, в этом смысле наша Октябрьская революция

³⁵ Там же. С. 501.

³⁶ Там же. С. 508.

рассматривается только как пролог, долженствующий немедленно повлечь за собою международную пролетарскую революцию... <...> И, наконец, третья линия – это линия нашей партии, линия ленинская, которая рассматривает международную пролетарскую революцию как целую эпоху, как эпоху войн и пролетарских революций³⁷.

В каждой из «неправильных» линий содержится свое истинное смысловое зерно, но акценты расставлены неверно.

Именно отождествление личности партийца и правильной партийной линии стало основной проблемой обсуждения на августовском Пленуме ЦК (1927 г.). Обострил этот вопрос Лев Каменев:

Эта клевета имела под собой в речи т. Молотова известную логическую обоснованность. Он рассуждает просто: оппозиция критикует меня, Молотова, мою политику, мою линию; *но я, Молотов, представляю партию, я – партия; следовательно, критикует не мои ошибки, а критикует партию* (курсив мой. – А. Ю.). Оппозиция критикует Молотова бешено, резко, значит, она бешено, резко критикует партию. Значит – вы уже против партии обратились к бешеной критике, вы стали на путь левых эсеров³⁸.

Формула протеста оппозиции, выраженная словами Каменева, такая: «...мы не смешиваем Молотова с партией, мы не смешиваем Бухарина с марксизмом и не верим в непогрешимость Сталина»³⁹.

Лев Троцкий, говоря о сталинской группировке, захватившей власть, предлагал партии «вести большевистскую линию, а не сталинскую»⁴⁰. «Большевистская линия» направлена против «центризма», который выражается в том, что Сталин ищет везде сомнительную «середину»: фактически не поддерживая бедняка, поощряет кулака в сельском хозяйстве, фактически не поддерживает рабочих Англии, поощряет тред-юнионизм, фактически не поддерживает революцию в Китае, поощряет уступки Чан Кай-ши. На слова Троцкого о настоящей «большевистской линии» Н.А. Скрыпник ответил, согласно стенограмме: «Вы испробованы, и партия признала, что вы не годитесь»⁴¹. Он также выразил сущность соединения «правильной линии»

³⁷ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г.: Документы и материалы: В 2 кн. Кн. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 160.

³⁸ Там же. С. 184.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 246.

⁴¹ Там же.

со всей партией: «Здесь должно быть прочное единство, дисциплина и единство мысли»⁴².

Выступая на Пленуме, Сталин продолжил *свою игру* в «уклоны». Он утверждал, что при «взлете революции» обязательно «должны появиться в компартиях правый и левый уклон, из коих первый не хочет расстаться с прошлым, а второй не хочет считаться с настоящим». Свою теоретическую инновацию он утверждал так, как будто в этом нет ничего нового: «Они (оппозиция. – А. Ю.) забыли, что без уклонов не бывает революции». Сталин упомянул факт, который никто и никогда в подобном модусе не рассматривал:

А что было у нас в Октябре 1917 г., разве не было тогда в нашей партии правого и левого уклона? Неужели т.т. Каменев и Зиновьев забыли об этом? Помните ли вы, товарищи, историю меньшевистских ошибок Каменева и Зиновьева в Октябре?
ГОЛОСА. Помним⁴³.

Между всем известной «ошибкой» и «без уклонов не бывает революции» – дистанция огромного размера. Это была сталинская дистанция разбега для того, чтобы в конечном счете подавить своих врагов на родной почве – на почве «революции».

Если с «левым уклоном» дело обстояло хотя бы правдоподобно, то найти настоящий «правый уклон» в партии было непросто – и Сталин его выдумал: группа Смирнова–Сапронова, не менее «левая», чем «объединенная оппозиция», была объявлена «правым уклоном». Для чего это делалось? Таким был ответ Сталина Троцкому, который критиковал генсека за «центризм». Какой «центризм», если правые и левые – неизбежные спутники *всякой* революции? Сталин ловко приписал свои мысли Ленину:

Эти чудачки, оказывается, забыли, что, ведя борьбу с обоими уклонами, мы осуществляем лишь заветы Ленина, безусловно настаивавшего на решительной борьбе как против «левого доктринерства», так и против «правого оппортунизма»⁴⁴.

Левых и правых Ленин действительно ругал нещадно, но никакой «теории уклонов» – как *неизбежного спутника* революции – у Ленина не было.

Смысл споров на августовском Пленуме ЦК сосредоточился на вопросе со стороны объединенной оппозиции: является ли

⁴² Там же. С. 248.

⁴³ Там же. С. 261.

⁴⁴ Там же. С. 287.

«сталинская фракция» выразителем мнения всей партии? Проверить это можно в свободных дискуссиях, которые никто в партии не отменял. Но Сталин обрушился с критикой на таких оппозиционеров как сторонников «буржуазной демократии».

Завязалась острейшая борьба.

Рассмотрим общее мнение объединенной оппозиции в высказываниях главных ее представителей. Они соединились в желании показать *ошибки* партийного ядра, фракции Сталина, и таким образом доказать всей партии, что сталинская группировка не имеет права быть руководящей.

Г. Зиновьев указал на следующий набор ошибок: неверная оценка китайской революции, английского рабочего движения; неправильное толкование «диктатуры пролетариата»; Сталин «напутал немало как теоретически, так и практически» в национальном вопросе.

Л. Троцкий нашел, что Сталин, ко всему прочему, еще и «троцкист»! Ибо он развивал в одной из своих работ (1924 г.) совершенно «троцкистский» взгляд на невозможность построения социализма в отдельной стране. Ошибки руководства ЦК в китайской революции – результат отстранения оппозиции от руководства. Это был явный намек на интеллектуальную несостоятельность сталинской группы. Что же нужно? Необходимо развернуть внутрипартийную демократию, ибо только она способна уберечь партию от повторения ошибок. Троцкий подтвердил, что у «нас нет механики парламентаризма», но «есть механика партии».

Что это значит? Он риторически вопрошал:

Может или не может партия исправить то, что было сделано в промежутки времени между съездами? Может или не может партия на съезде решить, что в интересах нашей обороны, нашего хозяйства, в интересах китайской революции и всего Коминтерна руководство партии должно быть организовано на тех началах, какие Ленин изложил в своем завещании? Может или не может? Я считаю, что может. Думаю, что вся оппозиция считает, что может. Здесь нет и тени намека не только на так называемое повстанчество...⁴⁵.

Если выполнять распоряжения Ленина – надо снимать Сталина с поста генерального секретаря партии.

Лев Каменев тоже говорил о «неправильных теоретических и политических» предпосылках. Он возразил Сталину, который

⁴⁵ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г.: Документы и материалы: В 2 кн. Кн. 2. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 139.

приписал оппозиции троцкизм: «Неверно и смешно это». Ответ на это обвинение короткий: «Мы требуем не смешивать кулака с крестьянином»⁴⁶.

Ни Маркс, ни Ленин не утверждали возможность построения социализма в одной стране – это тоже ошибка Сталина.

Но самое важное Каменев сказал о «неправильной линии» партии – и о допущении самой мысли, что такое возможно.

...мы, оппозиция, действительно считаем, что линия партии, которая проводилась за последние 2 года после XIV съезда, что эта линия большинства неправильна. Имеем ли мы право, как коммунисты, как члены партии, если мы считаем, что линия ЦК неправильна, сказать об этом своему ЦК, во-первых, и всей партии, во-вторых. *Во всей истории партии этого права никто никогда не отрицал* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.). А если нам мешают сказать это партии, имеем ли мы право добиваться того, чтобы наше мнение было доведено до сведения партии? Имеем. *Никто, никогда – мы не первый год в партии, знаем ее историю, жили в ней, вели борьбу, надеемся еще много поработать в ней, – никто никогда не указывал, никто никогда не учил, и мы сами никогда не учили ни одного рабочего, что член партии не имеет права быть в разногласиях с большинством, доводить это свое разногласие до сведения своей организации, в данном случае ЦК.*

Томский. Но здесь есть маленькое «но».

Голос. А решениям партии подчиняетесь?

Каменев. Решениям партии подчиняться должны и подчиняемся⁴⁷.

Итак, истинность «линии» не связана с большинством – таков общий мыслительный ход оппозиции. Никто не забыл, что Ленин оказывался прав, будучи в меньшинстве. Но ясно и другое: партия победила, и победившая партия взяла власть в руки. Одно дело – бороться с самодержавием и другое дело – быть властью в стране. Поэтому, как «правильность» не есть прямое следствие коллективного решения, так и несогласие с большинством, после принятия коллективного решения, – не есть правильная позиция, ибо решение (пусть даже неправильное) принято.

Вот такая головоломка стала предметом острейшего спора. Однако никто из спорящих категорически не хотел признавать чуждые ценности «буржуазного парламентаризма», включающие в себя многопартийность как разумное следствие в выходе из кризиса однопартийного состояния.

⁴⁶ Там же. С. 153.

⁴⁷ Там же. С. 155.

Л. Каменев видел «механику» партии еще радикальнее, чем Троцкий. Он допускал, что «партия имеет право указывать ошибки Центрального Комитета, поправлять свой Центральный Комитет, даже смещать его. И ни о чем больше, ни о каком свержении власти речи быть не может»⁴⁸. На этой дороге он видел и «пропасть»: если такой ЦК, без ясной классовой позиции, начинает «квалифицировать оппозицию» как социал-демократов, враждебных большевикам, как «условных оборонцев», «пораженцев», «дезорганизаторов тыла», «агентов Чемберлена» и даже «контрреволюционеров», то пропасть неизбежна, – это та «щель» (словечко Ленина), в которую проникает «третья сила» – абсолютно классово чуждая, например, в лице сменовеховца Н. Устрялова, который уже успел похвалить Сталина и Бухарина за правильную политику. Каменев определил смысл «пропасти» так: «распад и развал Советской власти»⁴⁹. Паразитально, что логика Каменева не была чужда членам сталинской группы, с одним лишь отличием: они говорили почти то же самое, начиная с того, что фракция Сталина – и есть сама партия, и если оппозиция будет разрушать партию, то неизбежно придет «третья сила», которая окажется контрреволюцией в стране.

Вопрос упирался в определение самого очевидного и вместе с тем самого непонятого – **а что есть «партия»?**

Еще один представитель объединенной оппозиции, Х. Раковский, говорил о том, как партия и «правильность» связаны друг с другом: не дисциплина *сама по себе*, в бюрократическом толковании, является сущностью единства, – а «правильная революционная теория» дает настоящее единство, которое кристаллизуется в ходе принципиальных дискуссий. Он заметил, что С. Орджоникидзе «говорил вчера о необходимости критики, но, к сожалению, он ее себе представляет в виде критики мелких недочетов большого механизма»⁵⁰. Значит, с точки зрения оппозиции партия едина в ходе критики себя и в выработке на этой основе правильных решений и партия едина с точки зрения Сталина и его товарищей при соблюдении формальной дисциплины.

Нельзя сказать, что ясности прибавилось по ходу обсуждения вопроса о прерогативах «партии». Раковский говорил: «...партия и Пленум обязаны, в особенности в тяжелые моменты войны, проверять партийное руководство и указывать ему на его ошибки»⁵¹. Недопустима «политика зажима», которая оправдывала бы себя «необходимостью партийной дисциплины». Неясной оставалась та

⁴⁸ Там же. С. 156.

⁴⁹ Там же. С. 157.

⁵⁰ Там же. С. 186.

⁵¹ Там же. С. 187.

мера, которая отделяла – что есть содержательное единство в ходе дискуссий (если вдруг не пришли к согласию) и что есть формальное единство (если потребовалось зафиксировать содержательное мнение большинства).

Сталинская группа отвечала на эти вопросы по-своему. Интересным и откровенным оказалось выступление А. Рыкова. Он спросил: «Допустим, вы правы, я – не прав. Кто будет решать?» Один из лидеров объединенной оппозиции, Бакаев, крикнул с места: «Партия». Рыков согласился: «Решает партия, решает съезд, конференция, Пленум». Но если принято решение, то кто те люди, которые не захотят подчиниться общему решению? Они – штрейкбрехеры⁵². Рыков допустил еще раз ситуацию, когда «вы правы», – а «я и другие не правы». Он допустил, что не прав с точки зрения «правильной теоретической линии». «Как же быть?» – спросил Рыков. Ответ такой: «Партия решила. Партия имеет право, если угодно, и ошибиться. Тут уж никуда не денешься, а должен поступать так и делать то, что решила партия. Если же каждый из нас будет считать для себя обязательным только те решения, с которыми он лично согласен, тогда партии не будет»⁵³.

Тезис Троцкого, что следует сменить большевистское руководство, как это было сделано в исторические времена Клемансо, французского премьер-министра, вызвал общее неприятие большинства на Пленуме. Рыков говорил, в частности:

Вся оппозиция на Пленуме упорно защищает тезис т. Троцкого о Клемансо. Клемансо перед всей страной заявил, что без смены правительства нельзя защитить Францию, и упорно и открыто боролся за смену тогдашнего французского правительства. Оппозиция заявляет, что она это же самое пытается сделать в СССР *по отношению к правительству, поставленному пролетарской партией* (курсив мой. – А. Ю.)⁵⁴.

Н.И. Бухарин, как теоретик сталинской группы, выступил с критикой ошибок объединенной оппозиции. Ни о какой смене политического вектора и речи не может быть, если Троцкий и вся оппозиция выражают в своих взглядах меньшевистскую оценку крестьянства. Смысл ее таков: «...в силу отсталости нашей страны мы неизбежно должны перерождаться в крестьянско-кулацкую, а потом в просто буржуазную партию»⁵⁵.

⁵² Там же. С. 190.

⁵³ Там же. С. 192.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 199.

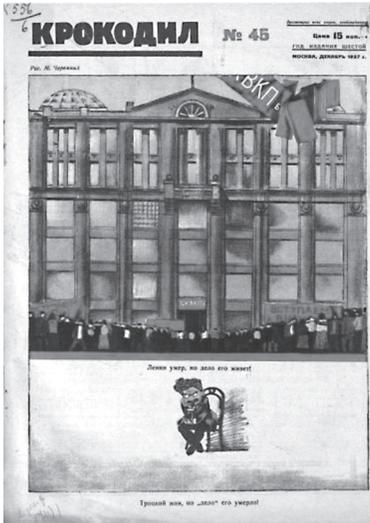

Рис. 1. «Крокодил». 1927. № 45

Рис. 2. «Крокодил». 1927. № 43

Во взглядах всей оппозиции Бухарин увидел прежний меньшевизм: «А т. Троцкий с печальным мужеством трагического одиночки все время “в той же позиции на камне сидит” и твердит, где бы то ни было – на съезде, на конференции, на Пленуме – твердит одно и то же, твердит эту старую ерундистку, которую Ленин окрестил как меньшевистскую оценку крестьянства. (Смех.)»⁵⁶.

Понятно, что слова Бухарина имели отношение к сравнению Троцкого с героем Козьмы Прутковы – бароном фон Гринвальдусом:

Барон фон Гринвальдус.
Сей доблестный рыцарь.
Все в той же позиции
На камне сидит.

Именно Бухарин давал советской прессе указания, как освещать события внутриполитической борьбы. Образ одинокого Троцкого был представлен в сатирическом журнале «Крокодил», выходявшем огромным тиражом. На рисунке показано, правда, что Троцкий сидит не на камне, а на стуле, но во всем остальном декабрьский номер журнала за 1927 г. вполне соответствовал высказыванию Бухарина на Пленуме ЦК ВКП(б) в августе 1927 г.

«Линия» объединенной оппозиции получила свое определение как «меньшевистская», и в декабрьских номерах журнала «Крокодил» за 1927 г. этот мотив получил максимально широкое применение в сатирических изображениях.

⁵⁶ Там же. С. 201.

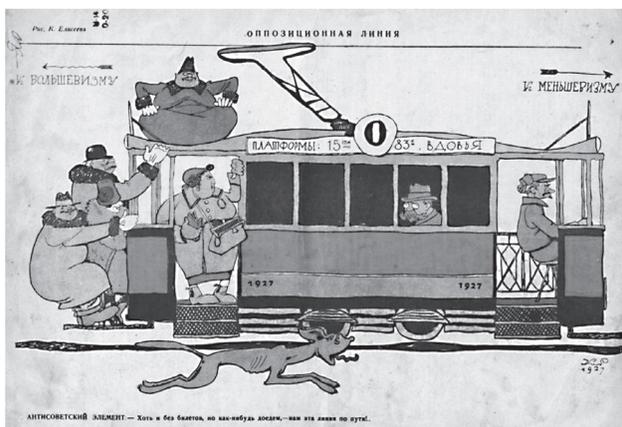

Рис. 3. «Крокодил». 1927. № 42

Именно «меньшевизм» – это другая дорога: «оппозиционная линия».

На следующей картинке кроме Троцкого изображены Г. Зиновьев, Л. Каменев, И. Смилга. Троцкий спрашивает рабочего: «Эй, товарищ! Где тут Октябрьская дорога?» Рабочий отвечает: «Заехали, нечего сказать! Октябрьская дорога совсем в другой стороне!»

В массовое сознание вбивалась мысль, что «оппозиция» не имеет никакого отношения к коммунистам.

Рис. 4. «Крокодил». 1927. № 41

Рис. 5. «Крокодил». 1927. № 41

На этой картинке подпись под рисунком такая:

Меньшевик (меньшевику):

– Что ты делаешь?! Неужели ты забыл заветы социал-демократии?! К чему тебе портреты коммунистов?! Рядом с Каутским!!! Меньшевик: – Каких коммунистов?! Ты с ума сошел! – это же оппозиция!!!

Своим выступлением на августовском Пленуме ЦК ВКП(б) Бухарин выразил общее опасение большинства – оппозиция фактически приступила к формированию другой партии, о возможности которой предупреждал Оссовский в журнале «Большевик». Бухарин говорил:

Они прямо ставят вопрос о двух партиях (вспомните выступление т. Каменева), и вместе с тем т. Троцкий приходит сюда и бросает это чудовищное обвинение в расколе нам. Да разве мы все отлично не знаем, что у вас есть организация, разве мы отлично не знаем, что эмбрион новой партии – правда, маленькой, жалкой – у вас есть. Вы отлично сознаете это и ведете гнусную игру с ЦК⁵⁷.

⁵⁷ Там же. С. 204.

Однако сама оппозиция прямо не говорила, что необходима другая партия. Намек Каменева остался намеком – скорее запугиванием, чем реальным желанием. Гораздо более правдоподобно выглядит реплика Петерса, когда говорил Орджоникидзе:

Орджоникидзе. Все ваши выступления здесь в ответ на наши предложения были только обострением. Куда же вы хотите идти?

Петерс. Он (Зиновьев. – А. Ю.) знает куда, он хочет быть генеральным секретарем⁵⁸.

Почти то же самое сказал Рудзутак: «...вы спите и во сне видите, как бы свалить ЦК и управлять партией – это ваша программа вашей практической деятельности»⁵⁹.

Сталин в своем выступлении хитро отводил критику от себя: «Нельзя отделять ЦК от партии. Нельзя. Это глупо». Отождествляя себя с «партией», он весьма остро напал на оппозицию за попытку развести мнение группы Сталина и общее мнение партии. При этом он специально подчеркивал, что Оссовский – враг партии, а Троцкий его защищает:

Тов. Троцкий выходит и заявляет: я не могу отказаться от поддержки этой антипартийной группы, потому что вы ее неправильно исключили. Послезавтра ЦК исключает Оссовского, потому что он враг партии, это вам известно хорошо. Тов. Троцкий заявляет нам, что исключение это неправильно и он не может отказаться от поддержки Оссовского. Но ежели партия, ежели Коминтерн, обсудив подробно вопрос о таких-то лицах, в том числе и от Рут Фишер и о Маслове, ежели эти высокие учреждения пролетариата решают вопрос о том, что таких людей надо исключить, а Троцкий, несмотря на это, не отказывается поддерживать исключенных и впредь – что же тут получается? Где у нас партия, Коминтерн? Есть ли они у нас? Выходит, что для Троцкого не существует ни партии, ни Коминтерна – существует лишь личное мнение Троцкого. Ну а что, если не только Троцкий, но и другие члены партии захотят поступать так же, как Троцкий? Ясно, что это партизанщина, это атаманщина поведет лишь к уничтожению партийности. Не будет больше партии. Но будут личные мнения отдельных атаманов⁶⁰.

Резюме такое: «Мы имеем тут дело с людьми, потерявшими чувство партийности»⁶¹. Сила сталинской позиции заключалась

⁵⁸ Там же. С. 223.

⁵⁹ Там же. С. 258.

⁶⁰ Там же. С. 264.

⁶¹ Там же. С. 265.

в осторожности – он резко критиковал своих противников и одновременно делал вид, что отступает перед оппозицией – дает ей шанс исправиться. Тот, кто ругал Сталина за кротость, – а такие были – придавал позиции Сталина бóльшую убедительность, утверждая в широких партийных кругах мысль, что генеральный секретарь жертвует своим личным мнением ради сохранения единства всей партии. Обращаясь к оппозиции, С. Орджоникидзе говорил на Пленуме ЦК ВКП(б) в августе 1927 г.: «...вам предложили ту резолюцию, которую назвали гнилым компромиссом. Я не буду защищать этой резолюции сейчас. Лучше защитить ее, чем защитил ее т. Сталин, я не в силах»⁶².

Единственный человек, который умел угадывать тайные ходы Сталина, Троцкий, постоянно сопротивлялся отождествлению мнения «партии» с мнением группы Сталина – и говорил так, что большинство членов ЦК сразу выражало шумное недовольство, которое фиксировала стенограмма:

Ибо если т. Сталин здесь высказался в том смысле, что большинство не имеет оснований верить на слово, вслепую, оппозиции, у которой может быть камень за пазухой, то ведь не он один имеет право делать такое заявление. (Шум.) Ведь факт борьбы оставляет наследие в партии на продолжительный период, и это наследие ликвидировать можно только при добром желании обеих сторон⁶³.

«Гнилой» компромисс заключался в том, что оппозиция заявляла о своем временном подчинении решениям Объединенного Пленума ЦК и ЦКК, а сталинская группа готовилась нанести окончательное поражение всему «троцкизму». Но вот вопрос: как это оформить, чтобы в центре спора была сама «партия», а не мнения двух сторон конфликта? Кто-то крикнул во время выступления Троцкого: «Есть партия, двух сторон нет». Троцкий мгновенно ответил:

Это не «договор», речь идет о добром желании двух сторон. (Шум.) Совершенно правильно, есть партия. Но если бы не было оппозиции, как факта, не как «договаривающейся стороны», то не было и всех тех вопросов, о которых мы говорим, и не нужно было бы ставить вопрос об оппозиции. Оппозиция не договаривается, а отвечает на поставленные ей вопросы и высказывает свои взгляды. Только в этих пределах я и говорю о большинстве и меньшинстве⁶⁴.

⁶² Там же. С. 274.

⁶³ Там же. С. 270.

⁶⁴ Там же. С. 271.

Не унимался только Рыков, желая спрямить логику политического противостояния:

Я спрашиваю оппозицию: идет она навстречу партии в лице ее руководящего органа? В толковании голосования, как это ясно из последней речи т. Троцкого, произошла недопустимая путаница. Как может любой из нас или все мы вместе писать заявления о внутренних делах оппозиции и от ее имени? Если бы у нас была возможность принять участие в их внутренних делах, давно бы не было никакого троцкизма, ни о какой троцкистской фракции не было бы и речи... Поэтому заявление т. Троцкого о том, что они подчиняются решениям Объединенного Пленума, нужно отвергнуть...⁶⁵

Но и после октябрьского Пленума ЦК ВКП(б) в 1927 г., когда была подавлена «объединенная оппозиция», не могло быть и речи об усвоении понятия «генеральная линия», ибо без разгрома «правой оппозиции» нет и не может быть единственной линии – линии генерального секретаря партии. Сталин и в 1929 г. продолжал ту же самую успешную тактику борьбы с уклонами, настаивая на своей тождественности мнению всей партии. От ее лица он и громил «правых».

В самом начале 1929 г. Сталин выступил на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б), где объявил о существовании «особой группы Бухарина в составе Бухарина, Томского, Рыкова» [Такер 2006, с. 341–348; Апальков 2017]. «На голубом глазу» – по-сталински: об этом «ничего не было известно партии». Особая платформа правых противостоит партии:

Она требует, во-первых, – вопреки существующей политике партии – снижения темпа развития нашей индустрии, уверяя, что нынешний темп развития индустрии является «гибельным». Она требует, во-вторых, – тоже вопреки партии – свертывания строительства совхозов и колхозов, утверждая, что колхозы и совхозы не играют и не могут играть серьезной роли в развитии нашего сельского хозяйства. Она требует, в-третьих, – тоже вопреки политике партии – установления полной свободы частной торговли и отказа от регулирующей роли государства...⁶⁶

Однако словосочетание «генеральная линия» произнесено не было.

⁶⁵ Там же. С. 271–272.

⁶⁶ *Сталин И.В.* Соч. М.: Гос. изд. полит. лит., 1949. Т. 11: 1928 – март 1929. С. 318.

Оно прозвучало – и весьма внушительно – в апреле 1929 г., когда Сталин начал большой поход против «правых». Термин «генеральная линия» отныне стал принадлежать генеральному секретарю партии, наполняясь совершенно новым смыслом.

Этот новый смысл сводился теперь не к идее компромисса в духе теории Бухарина, защищавшего новую экономическую политику, а к идее «оппортунизма» – и прежде всего «правых». Что же такое «оппортунизм» в новом понимании «генеральной линии»? Сталин ухватился за одно высказывание Рыкова и в своей привычной манере стал внушать то, что ему «ясно» и должно быть ясно всем: обычно под такой трактовкой скрывались настоящие опыты массового гипноза через внушение установочных положений, не требующих доказательств.

По словам Сталина, А.И. Рыков сказал, что «генеральная линия у нас одна, и если у нас имеются некоторые “незначительные” разногласия, то это потому, что существуют “оттенки” в понимании генеральной линии»⁶⁷.

Оттенки! Вот что категорически недопустимо теперь в новом понимании *непредсказуемо* истинной «генеральной линии» партии. Не столько против Рыкова выступил Сталин, сколько против всякого мнения, отличного от мнения Сталина.

Суггестия установки «если генеральная линия одна» работала безотказно.

Сталин говорил:

В самом деле, если линия у нас одна и существуют между нами лишь оттенки, то почему Бухарин бегал по вчерашним троцкистам, во главе с Каменевым, пытаясь устроить с ними фракционный блок против ЦК и его Политбюро? Если линия одна, почему Бухарин конспирировал со вчерашними троцкистами против ЦК и почему его поддерживали в этом деле Рыков и Томский? Если генеральная линия одна, то как можно допустить, чтобы одна часть Политбюро, придерживающаяся одной общей генеральной линии, строила подкопы против другой части Политбюро, придерживающейся той же самой генеральной линии? Разве можно допускать такую политику перелётов при наличии одной общей генеральной линии? Если линия одна, откуда взялась декларация Бухарина от 30 января, направленная целиком и полностью против ЦК и его генеральной линии? Если линия одна, откуда взялась декларация тройки (Бухарина, Рыкова, Томского) от 9 февраля, в которой нагло и грубо-клеветнически обвиняют партию: а) в политике военно-феодалной эксплуатации

⁶⁷ Там же. Т. 12: апрель 1929 – июнь 1930. С. 3.

крестьянства, б) в политике насаждения бюрократизма, в) в политике разложения Коминтерна?⁶⁸

Сталин не утверждал, а внушал, повторяя раз за разом одни и те же словесные формулы. Такое политическое шаманство отличало его от всех прочих вождей, не научившихся по-настоящему манипулировать сознанием партийцев.

Он говорил:

Где же тогда общая генеральная линия? *Если линия одна*, а линия партии состоит, по мнению группы Бухарина, в том, что проводить политику военно-феодалной эксплуатации крестьянства, то неужели Бухарин, Рыков и Томский хотят заодно с нами проводить эту гибельную политику, а не бороться с ней? Это ведь чепуха какая-то. *Если линия одна*, а линия партии состоит, по мнению бухаринской оппозиции, в том, чтобы насаждать бюрократизм, то неужели Рыков, Бухарин и Томский хотят вместе с нами насаждать бюрократизм в партии, а не бороться с ним? Это ведь бессмыслица какая-то. *Если линия одна*, а линия партии состоит, по мнению бухаринской оппозиции, в том, чтобы разлагать Коминтерн, то неужели Рыков, Бухарин и Томский хотят вместе с нами разлагать Коминтерн, а не бороться с политикой разложения Коминтерна? Как можно верить в этот абсурд? Нет, товарищи, с заявлением Рыкова о наличии у нас одной общей линии что-то неладно⁶⁹.

Наконец, самое важное – никто не может даже воздержаться при голосовании в Политбюро, если генеральная линия одна! Вот – вершина сталинской «диалектики»:

Если линия одна, откуда получится такой факт, что тройка из Политбюро, Рыков, Бухарин и Томский, в своем голосовании в Политбюро сочла возможным **воздержаться** при принятии основных тезисов о пятилетке и о крестьянском вопросе? Разве это бывает, что генеральная линия была одна у людей, а по основным вопросам хозяйственной политики одна часть товарищей воздерживалась от голосования? Нет, товарищи, таких чудес не бывает на свете⁷⁰.

Теперь, если у кого-то из руководителей партии обнаруживаются «оттенки» во взглядах, то *следует идти на компромисс*

⁶⁸ Там же. С. 3–4.

⁶⁹ Там же. С. 5.

⁷⁰ Там же. С. 6.

с генеральной линией партии – или, попросту говоря, безоговорочно ей подчиняться. Сталин так и сказал:

...если линия одна и у нас имеются лишь оттенки, почему товарищи из бухаринской оппозиции, Бухарин, Рыков и Томский, не согласились принять компромисс Политбюро, предложенный им 7 февраля этого года? Разве это не факт, что этот компромисс давал группе Бухарина вполне приемлемый выход из тупика, в который она сама себя загнала?⁷¹

Концепцию «оттенков», высказанную Рыковым, Сталин назвал «политикой оппортунизма»:

Политика оппортунизма в том именно и состоит, чтобы замазать разногласия, затушевать действительное положение внутри партии, замаскировать свою собственную позицию и лишить партию возможности добиться полной ясности⁷².

С этого момента началась массовая кампания по борьбе с «оппортунизмом» не только в партии, но и во всех сферах жизни советского общества. Неопределенность этого понятия была выгодна окружению Сталина, ибо ставилась цель вполне определенная – запугать всякого человека, не только Бухарина, Рыкова и Томского.

Так формировался сталинизм – стратегия и тактика устрашения, построенная на основе идеологических манипуляций с запрещением иметь даже оттенки мнений, не совпадающих с «генеральной линией» партии, с мнением лично Сталина.

Литература

- Апальков 2017 – *Апальков Д.И.* Внутриполитическая борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
 Такер 2006 – *Такер Р.* Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2006. 359 с.

References

- Apal'kov, D.I. (2017), *Vnutripoliticheskaya bor'ba v RKP(b) – VKP(b) (1920 – nachalo 1930)*, [Internal political struggle in the RCP (b) – VKP (b) (1920s – early 1930s)], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
 Tucker, R. (2006), *Stalin. Istoria i lichnost'* [Stalin. History and personality], Ves' mir, Moscow, Russia.

⁷¹ Там же. С. 6.

⁷² Там же. С. 8.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; iurganov@yandex.ru

УДК 343:81

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-114-140

Куда уходит прошлое:
история термина «вредительство»

Яна Е. Каневская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, miss.kanewskaya@yandex.ru,*

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается история термина «вредительство». Исследование позволяет описать и анализировать политические события, с которыми он соотносится. Авторам удастся проследить функции термина «вредительство» в разное историческое время, а также установить связь между функциями термина и политическими задачами советского руководства.

Ключевые слова: термин «вредительство», термин «вредитель», идеология, политическая терминология

Для цитирования: Каневская Я.Е., Фельдман Д.М. Куда уходит прошлое: история термина «вредительство» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 114–140. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-114-140

Where the past goes.
The history of the term “wrecking”

Yana E. Kanevskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, miss.kanewskaya@yandex.ru*

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article considers the history of the term “wrecking.” The study allows describing and analyzing political events which the chosen terms correlate with. The authors manage to trace the functions of the term

© Каневская Я.Е., Фельдман Д.М., 2021

“wrecking” at different historical times, as well as to establish a connection between the function of the term and the political tasks of the leadership.

Keywords: term “wrecking”, term “wrecker”, ideologem, political terminology

For citation: Kanevskaya, Ya.E. and Feldman, D.M. (2021), “Where the past goes. The history of the term ‘wrecking’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 114–140, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-114-140

Мнимость и официальность

Как известно, в советской и постсоветской историографии термин «вредительство» окрашен негативно. Однако прагматика его употребления разная.

В советской историографии термин «вредительство» – своего рода символ коварства, предательства. Он подразумевал целенаправленное, свойственное врагам именно внутренним, готовым любыми средствами нанести ущерб промышленности, транспорту и прочим институтам социалистического государства¹.

Иные коннотации – в постсоветской историографии. С необходимостью подразумевается обвинение во «вредительстве» было заведомо ложным, фальсифицированным. Что и эмблематизирует ныне официальная юридическая оценка так называемых вредительских судебных процессов [Кислицын 1993].

Первым считается «Шахтинское дело». В мае–июле 1928 г. группу инженеров и техников предприятий Донецкого угольного бассейна судили как организаторов и участников преступного сообщества, провоцировавшего аварии на предприятиях с целью возвращения шахт досоветским владельцам – после ликвидации советского режима. Подсудимых именовали «вредителями», а деятельность, что им была инкриминирована, получила вышеупомянутую терминологическую характеристику, популяризованную благодаря газетным отчетам о судебных заседаниях [Кислицын 1993].

Не менее важным стал второй показательный судебный процесс – «Дело Промпартии». В ноябре–декабре 1930 г. судили группу инженеров, которым инкриминировалось создание и участие

¹ См., напр.: История Всесоюзной коммунистической партии (большеви́ков). Краткий курс. М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. 352 с.; Трифонов И.Я. Очерки истории классово́й борьбы в СССР в годы НЭПа. М.: Госполитиздат, 1960. С. 152–161.

в преступных сообществах, пытавшихся дезорганизовать промышленность и транспорт для подготовки интервенции с последующей ликвидацией советского режима. Инкриминированную подсудимым деятельность тоже характеризовали как «вредительство», а их самих именовали «вредителями»².

Московские судебные процессы стали, разумеется, образцовыми. Аналогичные были организованы по всей стране, отчеты печатались газетами, так что терминологическая характеристика деятельности, инкриминированной подсудимым, оказалась – буквально – у всех на слуху [Евдошенко 2013, с. 331–389].

Однако примечательно, что у нее тогда не было юридического статуса. Не содержал термина «вредительство» действовавший Уголовный кодекс РСФСР – в редакции 1926 г. Его статьи воспроизводились и аналогичными документами республиканского уровня³.

Подсудимые были признаны виновными в совершении преступлений, что предусматривалось пунктом 7 статьи 58 УК РСФСР. В ее формулировке указаны и методы, и цели: «Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта...».

Квалификация инкриминируемых действий зависела от целеполагания обвиняемых. Оно устанавливалось в ходе следствия.

В том же пункте 7 статьи 58 оговорено, какими соображениями надлежало руководствоваться суду в случае, когда было выяснено, что подсудимый не ставил вышеупомянутые цели «подрыва и разрушения». Предусматривалась ответственность за действия, «выразившиеся в сознательном неисполнении возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежном их исполнении или осложнении той же деятельности излишней канцелярской волокитой и т. д. (саботаж)».

Абстрагированная характеристика тоже приводилась в пункте 7 статьи 58. Она была краткой: «экономическая контрреволюция».

Термин «вредительство» – явно эмоциональная характеристика. Она не понадобилась юристам, подготовившим УК РСФСР в редакции 1926 г.

² Процесс членов ЦК контрреволюционной организации «Промышленная партия» // Известия. 1930. 1 дек.

³ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие УК РСФСР редакции 1926 г.» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL.: <http://www.libussr.ru/infdoc2.htm> (дата обращения 26 июля 2021).

Изначально такая характеристика использовалась сотрудниками Объединенного государственного политического управления, готовившими следственные материалы для показательных московских процессов, и была уже включена в партийный тезаурус. Своего рода «обкатка» завершилась в апреле 1928 г. на пленуме Центрального комитета партии, где речь шла, кроме прочего, о ряде «фактов экономического вредительства»⁴.

Принципиальную важность терминологической новации неоднократно подчеркивал И.В. Сталин. Так, в апреле 1929 г., выступая на июльском пленуме ЦК партии, он заявил: «Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма»⁵.

В итоге эмоциональная терминологическая характеристика обрела и юридический статус. Так, Центральный исполнительный комитет СССР принял 14 марта 1933 г. постановление «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты»⁶.

Характеризовалась политическая ситуация в связи с уже завершившимися и продолжавшимися судебными процессами. Так, отмечено:

За последнее время обнаружены факты участия в контрреволюционной вредительской деятельности некоторых государственных служащих, особенно обязанных по своему положению и предоставленным им правам проявлять к рабоче-крестьянскому государству честное и добросовестное отношение.

Далее характеризовались ранее принятые решения. Указано, что еще 15 ноября 1923 г. постановлением ЦИК СССР было делегировано Объединенному государственному политическому управлению право рассмотрения на судебных коллегиях «дел по диверсиям, поджогам, взрывам, порче машинных установок государственных предприятий и по прочим видам вредительства...».

⁴ Заседания объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 6–11 апреля 1928 г. // Правда. 1928. 18 апр.

⁵ *Сталин И.В.* О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 14.

⁶ Постановление ВЦИК от 14 марта 1933 г. «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3873.htm (дата обращения 26 июля 2021).

Вышеупомянутые судебные коллегии ОГПУ были, по сути, внесудебными инстанциями. Там рассмотрение следственных дел шло ускоренно, при игнорировании предусмотренных даже советским законодательством норм судопроизводства, например права обвиняемого на защиту. Приговоры – вплоть до расстрела.

В 1933 г. ЦИК СССР вообще снял ограничения. ОГПУ предписывалось относиться с особой строгостью к служащим государственных предприятий и учреждений, если подсудимые были признаны уличенными в совершении преступлений, относящихся к различным «видам вредительства».

Значит, расстрел – уже не исключительная санкция в подобных случаях. Примечательна же в данном случае ссылка на Постановление ЦИК Союза ССР от 15 ноября 1923 г. Она заведомо ложная, потому что упоминаний о «вредительстве» нет в этом документе – Положении об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах⁷.

В этом документе характеризовалась новая институция, которой были подчинены ранее созданные – региональные. Так, отмечено, что «в целях объединения революционных усилий республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом, учреждается при Совете народных комиссаров Союза ССР. Объединенное государственное политическое управление (сокращенно ОГПУ)».

Можно сказать, задним числом в этот документ вчитан термин «вредительство». Осенью 1923 г. он еще не использовался, официальным был другой – «экономическая контрреволюция».

Действующим тогда был УК РСФСР в редакции 1922 г. Его статьи содержали описания некоторых преступлений, охватываемых понятием «экономическая контрреволюция».

Относительно конкретизирована, к примеру, формулировка статьи 63. Предусматривалась ответственность за участие «в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений или предприятий, или использующей таковые в тех же целях...».

Еще более жестко формулировалась статья 65. Преступные деяния там перечислены:

Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорож-

⁷ Положение об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38145#Y8NMMMeSIY5XmVtnE> (дата обращения 26 июля 2021).

ных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений...

Термин «вредительство» не был востребован. Показательно, что нет и статьи о нем в трехтомной Энциклопедии государства и права, наиболее авторитетном тогда справочном издании, а также учебном пособии. Публикацию Издательство Коммунистической академии начало в 1924 г. и завершило через пять лет. Главный редактор – П.И. Стучка, председатель Верховного суда РСФСР⁸.

Уместно подчеркнуть: советская правовая система менялась тогда очень быстро, чем и обуславливались частые изменения в области юридической терминологии. За ними бдительно следили редакторы и составители Энциклопедии государства и права, внося в каждый том обязательные и порою весьма пространные добавления, относившиеся к очередным новациям [Фельдман 2015, с. 110].

В начале 1928 г. завершилась подготовка к публикации третьего – последнего – тома Энциклопедии государства и права. Но термин «вредительство» не упомянут ни в одной из многочисленных статей. Значит, составители и редакторы еще не видели надобности в нем.

Однако вскоре надобность возникла. Проблема оказалась настолько важной, что в 1933 г. законодателям пришлось – на уровне документации ЦИК СССР – имитировать традиционность употребления термина «вредительство». Создавать иллюзию, будто он считался общепринятым и на десять лет раньше.

Подобного рода манипуляции с юридическими терминами уже давно использовались советскими идеологами. Они постоянно интерпретировали терминологические новации как следование традициям. В 1933 г. лишь применен испытанный прием.

Еще через двадцать лет пропагандистские кампании, проводившиеся в связи с так называемыми вредительскими процессами, стали повседневностью сталинской эпохи. Соответственно вышеупомянутые терминологические новации воспринимались уже в качестве нормы. Их псевдоисторию, т. е. пропагандистский вариант осмысления истории, отражали справочные издания. Например, изданный летом 1953 г. Юридический словарь⁹.

⁸ Энциклопедия государства и права / Под ред. П.И. Стучки. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925. Т. 1.

⁹ Далее цит. по: Юридический словарь. М.: Гос. изд-во юр. лит., 1953. С. 90–91.

Там дано подробное описание термина. Постулировалось, что «вредительство» –

...подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях, путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций...

Далее приведена ссылка на пункт 7 статьи 58 УК РСФСР в редакции 1926 г. Затем излагалась псевдоистория термина. «Вредительство», если верить статье в Большой советской энциклопедии,

...является одной из опаснейших форм классового сопротивления врагов народа. После окончания гражданской войны и перехода Советского государства на мирную работу по восстановлению народного хозяйства классовые враги с целью реставрации капитализма в нашей стране перешли к скрытым формам борьбы с Советской властью.

Традиционно определена цель «вредительства» – вернуть досоветское прошлое, т. е. ликвидировать советский режим. Если верить статье, «вредители» постоянно «меняли формы и методы своей деятельности в связи с изменениями политической и хозяйственной обстановки в нашей стране».

Речь шла также о финансировании «вредителей». Причем не только бывших, но и сущих, и будущих: «Рост сил демократии и социализма ведет не к ослаблению, а к усилению сопротивления старого капиталистического мира. Коммунистическая партия учит никогда не забывать, что, пока существует капиталистическое окружение, сохраняется опасность В[редительства], организуемого разведками буржуазных государств».

Есть в статье и собственно юридические сведения. Так, отмечено, что различаются

...два вида В[редительства]: 1) подрыв государственной промышленности, транспорта и т. д., совершенный путем соответствующего использования государственных и общественных учреждений и предприятий или путем противодействия их нормальной деятельности; 2) использование государственных и общественных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершенные в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций.

Правда, внесено немаловажное уточнение, относящееся к деятельности «вредителей». Указано, что они могут действовать «в любой отрасли социалистического строительства, а не только в области социалистической экономики (напр[имер], В[редительство] на идеологическом фронте и др.)».

Вывод сам собою подразумевался: смертная казнь «вредителей» все еще уместна. Более того, приведена ссылка на соответствующее постановление ЦИК СССР, где указано, «что по делам о В[редительстве] обвинительное заключение вручается обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде и приговор кассационному обжалованию не подлежит».

Следовало отсюда, что обвиняемый заведомо лишен возможности защищаться. Обвинительное заключение было и приговором «вредителю», причем окончательным.

Итоговая правка в материалы Юридического словаря внесена уже после официального извещения о смерти Сталина 5 марта 1953 г., но принципиальных изменений, конечно, не было и в июле, когда типография получила для печати все материалы, неоднократно проверенные редакторами и цензорами. Этим изданием вполне отражена терминологическая специфика эпохи – сталинской.

Варианты реноваций

На официальном уровне отношение к умершему лидеру не менялось в течение почти трех лет. Как известно, многие современники были убеждены, что сталинский авторитет по-прежнему незыблем и таковым останется.

Однако изменения уже готовились, в том числе и терминологические. Подготовка велась медленно, исподволь, потому что планируемые терминологические новации с необходимостью подразумевали не только новые идеологические установки, но и отказ от некоторых прежних [Фельдман 2015, с. 15].

Как известно, итоги подвел в феврале 1956 г. Н.С. Хрущев – на закрытом заседании XX съезда КПСС. Можно сказать, был сенсационным доклад «О культе личности и его последствиях».

Как преступника характеризовал Сталина его преемник в должности первого секретаря Президиума ЦК партии. Но хрущевский доклад был тогда признан секретным, и лишь тридцать три года спустя он полностью опубликован в СССР¹⁰.

¹⁰ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

Зато Хрущев уже в марте 1956 г. добился, чтобы сенсационный текст был оглашен на открытых партийных собраниях едва ли не всех учреждений и предприятий страны. Для этого из ЦК КПСС экземпляры доклада были разосланы в соответствующие региональные организации, там руководителям следовало назначить так называемых читчиков, а после оглашения – вернуть полученные материалы отправителю [Фельдман 2015, с. 15].

Само заглавие доклада обозначало новую периодизацию советской истории. Указывались три периода.

Первый был соотнесен с деятельностью основателя советского государства – В.И. Ленина. Что и подразумевало своего рода мифологизацию, полное соответствие базовым идеологическим установкам.

Второй период, названный «культом личности», был соотнесен с деятельностью Сталина. Ему и приписывалось отступление от некогда установленных Лениным норм, что, согласно докладу первого секретаря президиума ЦК КПСС, обусловило аресты, осуждение и гибель множества ни в чем не повинных граждан. Указанные последствия Хрущев терминологически характеризовал как «репрессии».

Третий период был соотнесен с деятельностью Хрущева и его окружения. Она характеризовалась как возвращение к нормам, установленным Лениным, исправление ошибок, допущенных Сталиным. Терминологическое определение – «коллективное руководство».

Хрущевым указаны и хронологические границы негативно характеризуемой деятельности предшественника: от декабря 1934 г. до смерти Сталина. Разумеется, полемика с такой интерпретацией была в СССР исключена.

Неважно в данном случае, почему для обозначения первой хронологической границы периода «культ личности» Хрущев выбрал именно декабрь 1934 г. Важно, что термин «вредительство» стал обиходным на шестнадцать лет раньше.

Значит, политическая оценка «Дела Промпартии», а также «Шахтинского» пересмотру не подлежала. Вот и не стали оба процесса своего рода символами беззакония. Согласно хрущевскому докладу, не было на исходе 1920-х гг. «культ личности».

Характерно, что после XX съезда партии была отнесена к одиозным символам беззакония вся статья 58 УК РСФСР в редакции 1926 г. Началась подготовка новых законодательных документов.

Одним из конкретных итогов стал новый УК РСФСР – в редакции 1960 г. Там уже нет термина «контрреволюция»,

а также произведенных от него. Содержание одиозной «пятьдесят восьмой» распределено по другим статьям¹¹.

Например, пунктом 9 статьи 58 сталинского УК РСФСР предусматривалась ответственность за деяния, в обиходе характеризующие термином «диверсия». Перечислены были некоторые из них:

Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений...

В хрущевском УК РСФСР эта норма права отражена статьей 68 – «Диверсия». Формулировка несколько изменена:

Разрушение или повреждение взрывом, поджогом или иным способом предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества, совершение массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизодов с целью ослабления Советского государства...

Изменения, а также дополнения непринципиальные. Самое интересное – замена одиозных «контрреволюционных целей» на «ослабление Советского государства».

Как в сталинскую эпоху, так и после нее квалификация деяния зависела от целеполагания субъекта, определялось же оно произволом следствия. Даже «массовые отравления» – не диверсия, если совершившим их лицом не ставилась цель «ослабления Советского государства». Ну а если таковая, по решению следователя, была поставлена, так любые действия можно счесть диверсионными.

Содержание же пункта 7 одиозной «пятьдесят восьмой» отражено статьей 69 хрущевского УК – «Вредительство». Формулировка тоже несколько изменена, сообразно новым пропагандистским установкам:

Действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено путем

¹¹ Закон от 27 октября 1960 г. «Об утверждении уголовного кодекса РСФСР» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения 26 июля 2021).

использования государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций либо путем противодействия их нормальной работе...

На уровне правоприменения не было нужды в такой статье хрущевского УК. Все, что в ней оговорено, соотносилось с термином «диверсия», понятие же «экономическая контрреволюция» утратило актуальность.

Термин «вредительство» появился в хрущевском УК, можно сказать, по инерции. Своего рода строительным материалом нового законодательства стало прежнее, вот и пункт 7 одиозной «пятьдесят восьмой статьи» был переформулирован.

Юристы, которым было предписано обозначать принципиальные отличия прежних норм права от новых, с такой задачей справились лишь отчасти. Потому что их профессиональный терминологический инструментарий формировался в сталинскую эпоху, а другим они не владели.

УК РСФСР в редакции 1960 г. все же считался значительно смягченным. Таков был официально признанный результат. Неофициально же – вне средств массовой информации – период деятельности Хрущева в должности первого секретаря Президиума ЦК партии многие соотечественники характеризовали термином «оттепель»¹².

Правда, вне СССР популярной стала другая терминологическая характеристика. Для ее создания был модифицирован использовавшийся применительно к западногерманским и австрийским реформам термин «денацификация» [Кун 2017, с. 161–176].

Характеризовал он негативную оценку идеологии нацистской Германии, почему и воспринимался как эмоционально окрашенный. Этим и был удобен. На его основе создан прогнозировавший соответствующие ассоциации функциональный аналог – «десталинизация»¹³.

Как известно, осенью 1964 г. должность первого секретаря Президиума ЦК партии занял Л.И. Брежнев. С его приходом, согласно мнению ряда историков, начался период, характеризующийся термином «ресталинизация»¹⁴.

¹² См., напр.: *Алексеева Л., Голдберг П.* Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006. 429 с.

¹³ См., напр.: *Гейфтер М.* Десталинизация // Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 394–401.

¹⁴ См., напр.: *Абрамович И.Л.* Воспоминания и взгляды. М.: Крук-Престиж, 2004. Т. 1. С. 276.

Спорна уместность подобного рода характеристик. Бесспорно же, что хрущевская политика дискредитации Сталина прекращена Брежневым. Это исключило вероятность переоценки так называемых вредительских процессов рубежа 1920–1930-х гг.

Зато терминологические новации хрущевской эпохи были учтены безоговорочно. Согласно третьему, уже брежневскому изданию Большой советской энциклопедии, «вредительство» –

...особо опасное государственное преступление, состоящее в действии или бездействии, направленном к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства СССР, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если такое действие или бездействие совершено путём использования государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций либо путём противодействия их нормальной работе¹⁵.

Отличие от формулировок сталинской эпохи, как отмечалось выше, – отсутствие упоминаний о контрреволюционном целеполагании. Зато введен функциональный аналог:

Обязательным условием привлечения к ответственности за В[редительство] является наличие в действиях виновного специальной цели – ослабления Советского государства...

Далее приведена ссылка на действовавший тогда УК РСФСР в редакции 1960 г. Характеристика термина «вредительство» отсюда и заимствована, точнее, пересказана близко к тексту. Контекст же был прежний – сталинский. По мнению ряда историков, лишь в 1985 г., когда ЦК КПСС возглавил М.С. Горбачев, начался очередной этап «десталинизации».

Горбачев и заявил, что стране требуется окончательно преодолеть «культ личности». Соответственно 28 сентября 1987 г. была создана комиссия Политбюро ЦК партии, которой надлежало изучить документы сталинской эпохи, относившиеся к действиям, официально именуемым «репрессиями».

Новый документ терминологически воспроизводил прежние, инициированные хрущевским докладом на XX съезде КПСС. Именно там впервые соотнесены негативно окрашенные термины

¹⁵ Здесь и далее цит. по: *Курляндский В.И.* Вредительство // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 5. С. 429.

«культ личности» и «репрессии». Оба, конечно же, не были новыми даже к 1956 г., их новизна тогда заключалась в характере политической интерпретации [Фельдман 2015, с. 9].

Хронологические границы следственных и судебных материалов, подлежащих новому рассмотрению, Горбачевым несколько расширены – по сравнению с теми, что определил Хрущев. Речь шла уже о «периоде 1930–1940-х и начала 50-х гг.».

В новые хронологические границы уже могло бы попасть «Дело Промпартии», а «Шахтинское» – еще нет. Однако начало было положено.

Далее ситуация менялась стремительно. Горбачев, избранный президентом СССР, издал указ, где хронологические рамки переоценки следственных и судебных дел сталинской эпохи вновь расширены: на этот раз шла речь и о 1920-х гг.¹⁶

Но к моменту публикации указа почти все цензурные ограничения были отменены, и советские издательские организации уже перепечатывали изданные за границей сочинения А.И. Солженицына, затем дошла очередь до книг и статей А.Г. Авторханова. Оба автора исследовали материалы так называемых вредительских процессов рубежа 1920–1930-х гг.

Публицистическая компонента, разумеется, доминирует в этих исследованиях. Впрочем, авторы и не скрывали это. Наоборот, подчеркивали, что полемизируют с официальной советской историографией.

Только после распада СССР пришло время для вполне академических исследований. Была в них и публицистическая компонента, правда, уже не доминирующая.

Результаты прогнозировались. УК Российской Федерации, принятый в июне 1996 г., не содержал термина «вредительство»¹⁷.

Он и раньше не был нужен – за отсутствием функциональности. Его, как выше отмечено, дублировала в хрущевском УК статья 68 – «Диверсия».

В постсоветском УК это статья 281. Определение термина «диверсия» несколько изменено, однако изменения непринципиальны: «Совершение взрыва, поджога или иных дей-

¹⁶ Указ от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_17017.htm (дата обращения 26 июля 2021).

¹⁷ Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/ (дата обращения 26 июля 2021).

ствий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации...».

Понятно, что к 1996 г. стараниями историков и публицистов термин «вредительство» стал одиозным символом беззакония. Как на сорок лет раньше – вся печально знаменитая «пятьдесят восьмая статья».

Тезаурус произвола

Историки и ныне спорят о прагматике так называемых вредительских процессов рубежа 1920–1930-х гг. Безоговорочно отвергается лишь аргументация советских пропагандистов. Объект научного анализа – факторы, обусловившие сталинское решение инициировать масштабные следственно-судебные фальсификации, начиная от «Шахтинского дела».

Рассмотрены были действительно важные факторы: с осени 1927 г. уже шла негласная, но интенсивная подготовка к так называемому свертыванию нэпа, постепенно ликвидировались созданные иностранными предпринимателями концессии, что обусловило заметный регресс экономики, бюджет же требовался большой, нежели прежний, соответственно доходы рабочих падали, участились аварии на предприятиях, аналогично и стачки, а в сельской местности росло недовольство населения увеличивавшимися нормами хлебазаготовок при уменьшившейся тогда урожайности; наконец, усложнилась внешнеполитическая ситуация. Все это, по мнению ряда историков, побудило Сталина интерпретировать негативные последствия внутренней политики как результаты «вредительства» – организованной извне враждебной деятельности «буржуазной интеллигенции».

Обоснованные тщательным анализом многочисленных источников суждения историков вполне убедительны. Однако не следует из них, что термин «вредительство» понадобился для подготовки и проведения хотя бы «Шахтинского дела».

Можно отметить, что правоприменителям вполне хватало уже существовавшего инструментария. Новации тут не меняли ничего.

Терминологически произвол не ограничивался с момента возникновения Советского государства. Наоборот, все прежние законодательные установления были отменены еще на исходе 1917 г.¹⁸

¹⁸ Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL.: <http://www.consultant.ru/cons/>

Какие-либо ограничения не предусматривались и «Руководящими началами по уголовному праву РСФСР». Этот документ введен в действие постановлением Народного комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г.¹⁹

Возможность максимально широкой интерпретации была предусмотрена заранее. Статья 5 гласила: «Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом».

Налицо в данном случае терминологическая новация. Согласно международной традиции, преступление определялось как нарушение закона – кодифицированной нормы права, запрещавшей или предписывавшей вполне определенные действия в конкретных обстоятельствах. К примеру, запрещалось тайное хищение чужого имущества, т. е. кража, а предписывалась уплата налогов. Про упомянутый «порядок общественных отношений» речи не было – критерий, мягко говоря, абстрактный.

Базовое советское определение, казалось бы, конкретизировалось в статье 6. Она гласила:

Преступление как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками).

Уместно подчеркнуть вновь: слова «закон» вообще нет в первом советском определении термина «преступление». Это случай уникальный – тогда.

Случайности тут не было. Если досоветские законы отменены, правоприменителям надлежало руководствоваться правительственными декретами и «революционным правосознанием».

Но связь с традицией все же обозначена. Так, «преступление» характеризуется как «действие или бездействие», это и подразумевает обязательность того либо другого в конкретных обстоятельствах. Ну а термин «закон» постольку из определения исключен, поскольку именно правоприменителям были даны полномочия решать, что и когда обязательно.

Цитируемое постановление, вводившее в действие «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», визировал Стучка.

[cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4029#DwU2NeSQkUnAzlfj1](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4029#DwU2NeSQkUnAzlfj1) (дата обращения 26 июля 2021).

¹⁹ Постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#ygz2NeSYyibZg0er> (дата обращения 26 июля 2021).

В ту пору – замнаркома юстиции. Он, кстати, получил диплом юридического факультета Санкт-Петербургского университета в 1888 г.

Дипломированный правовед Стучка был и среди участников подготовки УК РСФСР в редакции 1922 г. Документ этот, как предписывала традиция, разделен на Общую и Особенную части.

Общая часть содержала теоретические положения. Включая и определения базовых понятий советского уголовного права. Особенная часть – описание санкций.

Уместно отметить, что определения базовых юридических терминов, которые в 1919 г. формулировал Стучка, использовались с непринципиальными изменениями. Например, статья 6 гласила:

Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

Смысл такой характеристики, как «общественно опасное», был опять неочевиден. Пояснение дано в статье 7:

Опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку.

Яснее, однако, не стало. Сказанное в статье 7 относится к «лицу», т. е. субъекту «деятельности», тогда как само «общественно опасное действие или бездействие» не характеризуется.

Осталось также без объяснений, что надлежит признавать «вредным для общества». Аналогично – какого рода «деятельность» можно признать «свидетельствующей об угрозе общественному правопорядку».

Это продуманная невнятность. Прагматика – максимально расширить область интерпретаций, чтобы не стеснять инициативы правоприменителей.

Особенная часть начиналась статьей 57. Она гласила:

Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма

коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами.

Составители УК не пояснили, как следует понимать оборот «действия в направлении помощи». Значит, произвол советских правоприменителей был ограничен лишь соображениями политической целесообразности – в каждом из конкретных случаев привлечения к ответственности.

Нигилистическое отношение к базовым понятиям уголовного права отразила и новая редакция основополагающего для правоприменителей документа, принятого в 1926 г. Он тоже был разделен на Общую и Особенную части. Статья 1 гласила:

Уголовное законодательство РСФСР имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно-опасных действий (преступлений)...

Термин «преступление» и здесь определен посредством риторической уловки – ссылкой на критерий, описанный с продуманной невяжностью. Статья 6 гласила: «Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».

Составители опять не включили понятие «закон» в определение термина «преступление». Это уже традиция. Логические огрехи не принимались во внимание: главное – целесообразность, а не логика.

Особенная часть начиналась статьей 58. Ее пункт 1 – общая характеристика так называемых контрреволюционных преступлений. С непринципиальными стилистическими изменениями она повторяла ту, что была предложена предыдущей редакцией УК РСФСР.

В остальных пунктах детализированы характеристики преступных деяний. Квалификация их в качестве контрреволюционных обуславливалась установлением соответствующей цели в каждом случае.

Впрочем, безграничное определение контрреволюционного целеполагания, предложенное в пункте 1 той же статьи, позволяло отнести к преступлениям все, что таковыми сочли бы правоприменители. От их произвола обвиняемый не был защищен.

Казалось бы, при таком юридическом инструментарии не было к 1928 г. надобности в термине «вредительство». Но тогда он и введен в оборот.

Функции новаций

Термин «вредительство» не фиксировали досоветские справочные издания. Причины очевидны: не использовался он в устной речи и письменных источниках.

Издавна фиксировалось существительное «вред». Оно было образовано от церковнославянского «веред» – «нарыв, язва».

Статью об этом понятии содержит изданная в 1789 г. первая часть Словаря Академии российской. Там и дано определение: «Повреждение, порча, урон, убыток; все, что целость чего нарушает...»²⁰.

Пояснено и прилагательное «вредительный». О нем сказано: «Могущий, способный вредить; склонный к вреждению...»²¹.

Есть и существительное «вредитель». Значение – тот, кто «вред, зло, беду кому или чему причиняет, наносит...»²².

Понятно, что политических коннотаций тогда не было. Характеристика общая, абстрактная.

Составленный В.И. Далем Толковый словарь живого великорусского языка, издававшийся в 1863–1866 гг., содержит более подробные сведения о словоупотреблении. Так, сказано:

Вредительный, вредный, вредоносный или вредотворный, вредящий, наносящий вред, могущий чему вредить. Вредительность, вредность, вредоносность, вредотворность, сила, свойство, качество, мочь вредного, сила делать, чинить вред²³.

Пояснено Далем и слово «вредитель». Значение – «вредоносный человек»²⁴.

Характерно, что в конце XIX в. слово «вредитель» – характеристика насекомых и прочих существ, чья жизнедеятельность наносит ущерб человеку, сельскому хозяйству и лесоводству. Термин, общеходный в научной литературе.

Пространную статью о такого рода «вредителях» содержит опубликованный в начале 1929 г. тринадцатый том первого издания Большой советской энциклопедии. Но там не упоминаются случаи нанесения ущерба советской промышленности²⁵.

²⁰ Словарь Академии Российской. Часть 1. От А до Г. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1789. С. 916.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд. общества любителей российской словесности, 1863. С. 230.

²⁴ Там же.

²⁵ Большая советская энциклопедия / Под ред. О.Ю. Шмидта. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 419–438.

Отсутствие таких упоминаний объяснимо. Редактура тома завершилась в начале 1928 г., а тогда составители и редакторы еще не получили сведения о готовящихся судебных процессах.

В январе 1929 г. завершена редактура второго тома первого издания Малой советской энциклопедии. Есть и там статья «Вредители», где характеризуются

различные животные (насекомые, клещи, черви, моллюски, млекопитающие-грызуны и хищники, птицы и т. д.), причиняющие вред сельскому или лесному хозяйству и их продуктам²⁶.

Но в этом же томе помещена статья «Вредительство». Она предельно краткая: маркированным термином характеризуются

...действия, направленные на подрыв хозяйственного благополучия Советских республик, один из способов, к которому прибегает экономическая контрреволюция. См. *Контрреволюционные преступления*²⁷.

Статья о понятии «контрреволюционные преступления», на которую дана ссылка, помещена в четвертом томе Малой советской энциклопедии. Его редактура завершена в сентябре 1929 г.

Но риторической уловкой было предложение обратиться к этой статье за дополнительными сведениями о термине «вредительство». Их там нет, да и сам он даже не упомянут. Приведена лишь характеристика понятия «экономическая контрреволюция»:

...контреволюц[ионный] подрыв пром[ышленности], транспорта, торговли, ден[ежного] обращения или кредитной системы, кооперации, использование гос[ударственных] учреждений в интересах б[ывших] собственников или капиталистич[еских] организаций²⁸.

Риторическая уловка оказалась необходимой, когда «вредительство» стало постоянной темой пропагандистских кампаний, игнорировать которые не могла редакция. Но поскольку так и не появились официальные документы с характеристикой юридических функций термина, постольку и пришлось ограничиться предельно кратким его пояснением и ссылкой на другую статью, где подробностей тоже не было. Прием вполне обычный тогда.

Другой вопрос – зачем же Сталину понадобилось дополнить нефункциональным термином советский юридический тезаурус, в аспекте произвола вполне функциональный. Причины выявля-

²⁶ Малая советская энциклопедия / Под ред. Н.Л. Мещерякова. М.: Советская энциклопедия, 1929. Т. 2. С. 302–304.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

ются при анализе специфического контекста внутривнутрипартийной борьбы.

Генеральный секретарь ЦК партии решал не только задачу пропагандистской интерпретации надвигавшегося экономического кризиса. Не менее, даже гораздо более важной была другая – устранение политических конкурентов, актуальных и потенциальных. На исходе 1927 г. оставалось совсем немного до окончательной победы.

Как известно, 14 ноября 1927 г. исключен из партии Л.Д. Троцкий, именовавший себя вождем левой оппозиции. Он был сослан; аналогично и тысячи его сторонников, не отрекшихся от лидера, тоже лишились партбилетов и отправились в ссылки.

Характеризующий оппозиционеров термин выбрал сам Троцкий. Подразумевалось традиционное противопоставление «левых» в качестве радикалов, истинных революционеров – консервативным «правым».

Этим и воспользовался Сталин, контролировавший уже все средства массовой информации. Троцкому был инкриминирован неуместный в условиях мира радикализм, стремление к войне ради «мировой революции».

Генсека же и его союзников пропагандисты характеризовали именно как сторонников мирного развития страны. Нэп – своего рода символ отказа от уже неуместного радикализма, ассоциируемого с «левой оппозицией» и ее дискредитируемым лидером.

Союзниками генсека в борьбе с главным его конкурентом стали Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. Но к 1927 г. оба тоже дискредитированы и отстранены от власти как примкнувшие к оппозиционерам.

На этом немаловажном этапе внутривнутрипартийной конкуренции союзником генсека стал Н.И. Бухарин. Он и считался «идеологом нэпа».

Продолжение такой политики, декретированной в 1921 г., диктовалось соображениями экономической целесообразности, а политической – исключалось. Сама идея финансовой независимости от советского правительства хотя бы части населения, предпринимателей ли, крестьян ли, противоречила ленинско-сталинской доктрине социализма.

Одолев своих недавних союзников и отправив Троцкого в ссылку, генсек объявил Бухарина лидером оппортунистов, мешающих построению социалистического общества. Им всем инкриминировалось отстаивание прежней экономической политики, которую сталинские пропагандисты характеризовали как изжившую себя, полезную лишь так называемому капиталистическому окружению страны. Что и эмблематизировал термин «правая оппозиция».

Ударом по авторитету Бухарина стало «Шахтинское дело». Согласно утверждениям пропагандистов, создание преступного сообщества оказалось возможным из-за влияния «правой оппозиции», все еще противящейся «свертыванию нэпа».

На пленуме ЦК партии в июле 1928 г. Сталин объявил, что по мере построения социализма не уменьшается, а растет сопротивление врагов советского режима. Коль так, борьба с ними будет все более ожесточенной²⁹.

Выступая на пленуме ЦК партии в апреле 1929 г., Сталин утверждал, что борьба отнюдь не завершена. Ссылаясь опять на эталонный судебный процесс: «“Шахтинцы” сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены»³⁰.

Бухарин и его сторонники вновь были объявлены пособниками «вредителей». Соответственно из партии надлежало «изгнать правых уклонистов»³¹.

К своему пятидесятилетию в декабре 1929 г. Сталин одолел и Бухарина. Тот, лишенный всех прежних должностей, публично заявил о своих ошибках.

В итоге термин «вредители», метафорически соотнесенный с фигурантами «Шахтинского дела» и аналогичных процессов, экстраполирован был на «правую оппозицию». Затем «вредительство» инкриминировали всем, кого характеризовали как «уклонистов» любого толка.

На уровне пропаганды это вполне целесообразно. Ссылки на обязательность так называемой партийной демократии можно было считать утратившими актуальность, если постулировалось, что «уклонисты» постольку опасны, поскольку они – «вредители».

Такую интерпретацию фиксировал и цитированный выше «Юридический словарь», что был подготовлен к печати незадолго до смерти Сталина. Постулировалось: «Беспринципной и безыдейной бандой вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, действующих по найму буржуазных разведок, являлась троцкистско-бухаринская банда».

С учетом раннесталинских дефиниций, термин монструозный. «Банда» – «лево-правая».

Но в данном случае неважно, что по ходу сталинской интриги Троцкий и Бухарин оказались противниками. Им полагалось быть

²⁹ Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в июле 1928 г. // Сталин И.В. Собр. соч. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. С. 708–785.

³⁰ Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Собр. соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 14.

³¹ Там же. С. 2–36.

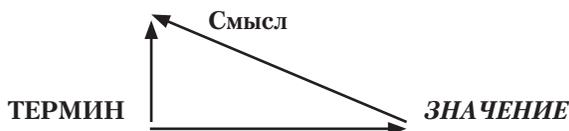
союзниками на уровне псевдоисторического осмысления внутрипартийной конкуренции. Сначала пропагандисты объединили по критерию оппозиционности «левых» и «правых», а следующий шаг – объединение в качестве «вредителей».

Фундамент новостроек

Вне зависимости от функций каждого из показательных судебных процессов термины «вредители» и «вредительство» использовались до конца сталинской эпохи. Они напоминали об уже достигнутых целях – разгроме прежних оппонентов лидера партии. Актуальность подобного рода пропагандистских установок не подвергалась сомнениям.

При анализе же истории словоупотребления целесообразно применение несколько модифицированной методики Г. Фреге.

Так рассматриваются *значение* и *смысл* термина (см. рис. 1) [Фреге 2000, с. 230–247].

Значение – совокупность объектов, охватываемых термином. Смысл же соответственно – их дифференциальные признаки, выявление которых и позволяет определить прагматику словоупотребления в каждом случае.

Рис. 1

Так в досоветскую эпоху (см. рис. 2).

Рис. 2

После судебных процессов 1928–1930 гг. (см. рис. 3).

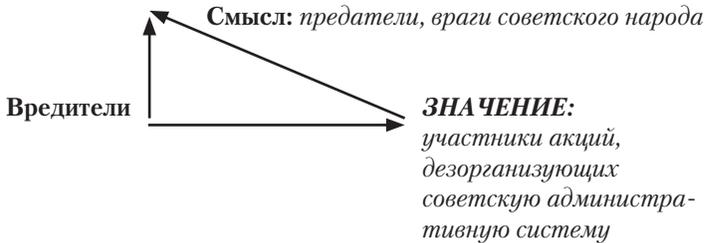

Рис. 3

Значение же и смысл термина «вредительство» неизменны (см. рис. 4).

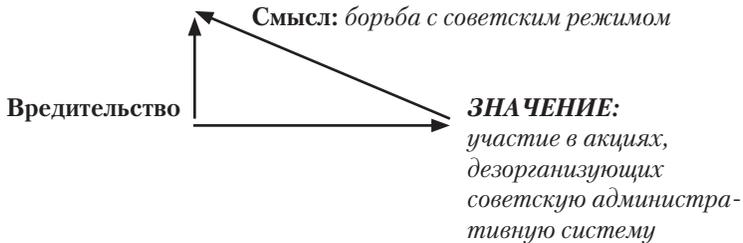

Рис. 4

Стоит вновь подчеркнуть: в сталинскую эпоху термины «вредители» и «вредительство» лишь формально получили юридический статус. Обычно их не использовали в судебных решениях, там – ссылка на пункт 7 статьи 58.

Впрочем, для описания *смысла* каждого из рассматриваемых терминов можно применить и дефиниции сталинской эпохи. Тогда «вредительство» – одно из «контрреволюционных преступлений», а «вредители» – соответственно «контрреволюционеры».

Но, как отмечено выше, из УК РСФСР в редакции 1960 г. были исключены все термины, относящиеся к понятию «контрреволюция». Они предсказуемо ассоциировались с одиозной «пятьдесят восьмой статьей».

Базовый термин хрущевского уголовного законодательства определен в статье 7. Она гласила:

Преступлением признается предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую

собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса.

В новом определении тоже нет слова «закон». Советская традиция.

Но в хрущевскую эпоху уже неуместным оказалось демонстративное игнорирование международной юридической традиции. Вот почему соотнесение с термином «закон» было все же обозначено указанием на Особенную часть УК, где содержались определения конкретных преступлений.

Как отмечено выше, основоположники советского права использовали ссылку на «общественную опасность», чтобы изъять слово «закон» из определения термина «преступления». Составители же УК хрущевской эпохи, ссылаясь на Особенную часть, привели еще и ссылки на «общественную опасность». Тут и курьез возник.

Из нового определения с необходимостью следовало: преступны деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК, а те, что законодательством не предусматривались, – не преступления. Коль так, заведомо алогичным было все сказанное в статье 7 про «общественную опасность» и посягательства на чьи-либо права и/или «социалистический правопорядок».

Можно сказать, фундаментом новостроек, а также строительным материалом хрущевского законодательства было сталинское. Действовала своего рода инерция, ставшая непреодолимой.

Но если основоположники советского права, будучи юристами досоветской выучки, определяли базовые термины с продуманной невнятностью, оставляя простор для произвола, то их преемники в хрущевскую эпоху постольку формулировали невнятно, поскольку не умели иначе. Соответствующими речевыми навыками не владели.

Юристы хрущевской эпохи, создавая новые формулировки базовых понятий, лишь переформулировали прежние. В силу привычки уже не замечали утратившие функциональность уловки предшественников. Именно такие факторы и обусловили специфику нового УК РСФСР в редакции 1960 г., хоть там и обозначалась принципиальная дистанцированность от прежнего, сталинского.

Примечательно, что юристы постсоветской эпохи тоже пытались дистанцироваться от прежнего – советского – законодательства. Но отнюдь не лучше получилось, чем у предшественников: уровень речевой техники оказался еще ниже.

Характерный пример – статья 14 УК РФ в ныне утратившей силу редакции 1996 г. Формулировка курьезная: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»³².

Курьезность задана в первую очередь оборотом «виновно совершенное». Согласно международной юридической традиции, следствием, как предварительным, так и судебным, рассматривается вопрос о виновности нарушившего закон **лица**, а не **процедуры** некоего «совершения».

Вполне очевидна причина курьеза. Определение базового понятия нового уголовного законодательства составители заимствовали из предыдущего, хрущевского, а новации ради попытались в той же формулировке объяснить, кого можно или нельзя признать виновным.

Разумеется, проще было бы определить термин «преступление», используя слово «закон». Однако мешала все та же инерция. Потому в новый УК вошла характеристика «общественно-опасное», да и «преступлением» именовались по-прежнему «действие или бездействие».

Неудачными оказались буквально все терминологические новации. Таково и в ныне действующем УК РФ определение термина «диверсия», можно сказать, поглотившее уже одиозное понятие «вредительство». Статья 281 гласит:

Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации...³³

Здесь опять заметно влияние советской традиции: правовая квалификация вышеперечисленных деяний зависит от целеполагания лица, которому они инкриминированы. Отсюда следует: если правоприменители решили, что не ставились «цели подрыва», то не было и диверсии.

³² Статья 14 УК РФ. Понятие преступления [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43b57d6c014e99070854acf76d1627ac9a184239/ (дата обращения 26 июля 2021).

³³ Федеральный закон «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/ (дата обращения 26 июля 2021).

Парадокс обусловлен невняtnостью определения термина. Формулировка все та же, сталинская, хоть и очередной раз модифицированная – применительно к пропагандистским установкам постсоветской эпохи.

Сталинское юридическое прошлое не ушло. Оно вновь настоящее.

Литература

- Евдошенко 2013 – *Евдошенко Ю.В.* Дело нефтяников-«вредителей» 1929–1931 гг. и судьбы нобелевских служащих в СССР. К вопросу о генезисе «экономической контрреволюции» // *Экономическая история. Ежегодник.* 2013. С. 331–389.
- Кислицын 1993 – *Кислицын С.А.* Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов-н/Д.: Логос, 1993.
- Кун 2017 – *Кун Г.* Возвращение из преисподней. Денацификация послевоенной Германии // *Историк и художник.* 2017. № 2. С. 161–176.
- Фельдман 2015 – *Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2015.
- Фреге 2000 – *Фреге Г.* О смысле и значении // *Логика и логическая семантика.* М., 2000. С. 230–247.

References

- Evdoshenko, Yu.V. (2013) “The case of oilmen-‘saboteurs’ of the years 1929–1931 and the fate of Nobel employees in the USSR. Revisited of the genesis of the ‘economic counter-revolution’”, *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* [Economic history. Yearbook], Moscow, Russia, pp. 331–389.
- Kislitsin, S.A. (1993), *Shakhtinskoe delo. Nachalo stalinskikh repressii protiv nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii v SSSR* [The Shakhty Trial. The beginning of Stalin’s repressions against the scientific and technical intelligentsia in the USSR], Logos, Rostov/Don, Russia.
- Kun, G. (2017), “Return from the underworld. Denazification of post-war Germany”, *Istoriik i khudozhnik*, no 2, pp. 161–176.
- Feldman, D.M. (2015), *Terminologiya vlasti. Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kulturnom kontekste* [Terminology of power. Soviet political terms in a historical and cultural context], FORUM: NEOLIT, Moscow, Russia.
- Frege, G. (2000), “About the sense and meaning”, *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics], Moscow, Russia, pp. 230–247.

Информация об авторах

Яна Е. Каневская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, miss.kanewsckaya@yandex.ru

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, dmfeld@inbox.ru

Information about the authors

Yana E. Kanevskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; miss.kanewsckaya@yandex.ru

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dmfeld@inbox.ru

Образы пост-смерти в поэзии Иосифа Бродского и Ольги Седаковой

Павел Е. Спиваковский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, p.e.spivakovsky@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется, как Иосиф Бродский и Ольга Седакова изображают посмертное существование человека. Для Бродского характерна агностическая система мировосприятия, тяготеющая к позитивистской. Поэт концентрируется на изображении гомерического ужаса от самого факта смерти и ее неизбежности. Ольга Седакова тяготеет к христианской картине мира, учитывающей опыт катастроф XX в., литературы «после Освенцима». И в отличие от традиционалистского изображения рая Седакова видит в нем не только «невероятное счастье», но и опыт трагизма и сострадания, что приводит ее к весьма нетрадиционной форме идиллии.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, Ольга Седакова, смерть, трагизм, идиллия

Для цитирования: Спиваковский П.Е. Образы пост-смерти в поэзии Иосифа Бродского и Ольги Седаковой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 141–165. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-141-165

The artistic images of post-death in the poetry by Joseph Brodsky and Olga Sedakova

Pavel E. Spivakovskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, p.e.spivakovsky@gmail.com*

Abstract. The article analyzes how Joseph Brodsky and Olga Sedakova depict the posthumous existence of a human. Brodsky holds an agnostic view on the world, tending to a positivism. The poet concentrates on depicting the Homeric horror of the very fact of death and its inevitability. Olga Sedakova tends to the Christian view of the world, taking into account the experience

of the catastrophes of the 20th century, literature after Auschwitz. Unlike the traditionalist image of Paradise, Sedakova sees in it not only 'incredible happiness', but also an experience of tragedy and compassion, which leads her to a very unconventional form of idyll.

Keywords: Joseph Brodsky, Olga Sedakova, death, tragical, idyll

For citation: Spivakovskii, P.E. (2021), The artistic images of post-death in the poetry by Joseph Brodsky and Olga Sedakova, *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 141–165, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-141-165

В 1986 г.¹ Иосиф Бродский написал одно из лучших своих стихотворений на чрезвычайно важную для него тему. Называется это стихотворение по первой строке: «Только пепел знает, что значит сгореть дотла...»².

Обыденное «сгореть дотла» (ср.: «сгореть на работе» и т. п.) здесь предельно овеществляется: перед нами не просто пепел; очевидно, что это пепел, оставшийся от человеческого тела, подвергнутого кремации. Лирический субъект говорит, хочет нам что-то сообщить, «близоруко взглянув вперед». Эта демонстративная близорукость, на метафорическом уровне предполагающая малоадекватность и неосведомленность, лишь подчеркивает значимость произносимого. Слова «не все уносимо ветром, не все метла, / широко забирая по двору, подберет» отсылают русскоязычного читателя к пушкинскому «Нет, весь я не умру», а через это и к веренице пародических переложений и подражаний, инициированных одой Горация "Ehægi monumentum". При этом мощь и размах движений «метлы времени» и их широта подчеркиваются и при помощи безударного икта в четвертом стихе. Мы почти физически ощущаем это фатально неотвратимое движение, деактуализирующее прошлое и вытесняющее его из памяти человечества. Но то, что от «нас» все-таки останется, выглядит жалким и неприятным.

Мы останемся смятым окурком, плевком, в тени
под скамьей, куда угол проникнуть лучу не даст.
И слежимся в обнимку с грязью, считая дни,
в перегной, в осадок, в культурный пласт.

¹ По словам Л.В. Лосева, «автор говорил Веронике Шильц, что стихотворение написано не в 1986-м, а в июле 1987 г., однако дату ни в каких изданиях не исправлял» (Лосев Л.В. Примечания // Бродский И.А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2011. Т. 2. С. 427).

² Бродский И.А. Соч.: В 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 3. С. 305.

Речь идет о посмертной судьбе наших гниющих тел, распадающихся на «первоэлементы». По прошествии очень большого периода времени появится археолог, внезапно обнаруживающий нашу погибшую и всеми забытую цивилизацию. Этот сюжетный элемент заставляет вспомнить стихотворение В.Я. Брюсова «В дни заустенный» (1899). Это «открытие прогремит / на весь мир, как зарытая в землю страсть, / как обратная версия пирамид». Сокровища культуры, которые откроет исследователь, грандиозны, но чисто человеческая, физиологическая реакция археолога на то, что остается от «нас», чудовищна: «“Пададь!” выдохнет он, обхватив живот, / но окажется дальше от нас, чем земля от птиц». Как известно, птицы символизируют в поэзии Бродского поэтов. Автор стихотворения подчеркивает принципиальную непереходимость границы между живыми и мертвыми. Живой (даже если он поэт) в принципе не может понять мертвого, подобно тому как сгоревшего дотла человека сможет «понять» лишь мертвый пепел. Живой археолог «окажется дальше от нас, чем земля от птиц, / потому что пададь – свобода от клеток, свобода от / целого: апофеоз частиц». Предпоследняя строка этого написанного дольником стихотворения содержит шесть иктов вместо обычных пяти (иногда появляются четыре), что, наряду с резко звучащим анжамбманом³, подчеркивает жестокость и бесчеловечность этой посмертной «свободы» от всего живого: горько-ироническое описание «апофеоза» частиц знаменует разложение некогда живой плоти, грязное, ядовитое и пугающее. Бродский самым пристальным образом вглядывается в эту картину, она очень важна для поэта. Перед нами зияние абсолютного ужаса, многократно и тщательно обдуманное, экзистенциально безысходное и тупиковое. В этом плане Иосиф Бродский напоминает Дмитрия Шостаковича, который в своей 14-й симфонии, посвященной теме смерти, говорит о ней как об абсолютном ужасе и абсолютной безысходности. Показательный эпизод во время репетиции этого произведения летом 1969 г. Кшиштоф Мейер описывает так:

Репетиция уже должна была начаться, когда на сцену неожиданно вышел композитор. Словно бы охваченный сильным ужасом, вызванным всеми сопутствующими обстоятельствами, и крайне взволнованный, он, вопреки своему обыкновению, обратился к слушателям. Он сказал, в частности, что его новая симфония представляет собой полемику с другими композиторами, которые тоже изображали

³ Сам Бродский в своем разборе стихотворения М.И. Цветаевой «Новогоднее» особо подчеркивал значимость анжамбманов и переменных анакрус в поэзии.

смерть в своей музыке. Вспомнил о «Борисе Годунове» Мусоргского, об «Отелло» и «Аиде» Верди, о «Смерти и просветлении» Рихарда Штрауса – о произведениях, в которых после смерти наступает успокоение, утешение, новая жизнь. Для него же смерть – это конец всего, после нее уже ничего нет⁴.

Для композиторов, о которых говорил Шостакович, естественной была религиозная картина мира, в то время как для автора 14-й симфонии и для Иосифа Бродского смерть есть нечто абсолютное, окончательное и неизгладимо ужасное.

А. Лосев⁵ отмечал, что до Бродского «еще никто так не описывал человека – как вещь»⁶, причем момент зачатия и момент превращения тела в могильный прах объединяет их визуальная недоступность. Об этом прямо говорится в стихотворении «Пятая годовщина (4 июня 1977)»: «Начала и концы там жизнь от взора прячет. / Покойник там незрим, как тот, кто только зачат»⁷. Поэтому знаменитый «конец перспективы», оказывающийся под юбкой у «красавицы» в стихотворении «Конец прекрасной эпохи» (1969)⁸, есть точка на грани бытия и небытия: тело единственной клетки первоначального зародыша уподобляется визуальному «уменьшению» размеров тела при его пространственном удалении от наблюдателя. «Вообще: чем дальше, тем беспредметнее» («Вечер. Развалины геометрии...», 1987)⁹. Удаление тела «развеществляет» его. Перед нами феномен перцептивного «умирания» тела, «умирания» на уровне визуального артефакта. «Растворяющаяся» на горизонте точка есть смерть в действии, смерть как «потеря» тела. По словам М.Ю. и Ю.М. Лотманов, для Бродского «вытеснение вещей...

⁴ *Мейер К.* Шостакович: Жизнь. Творчество. Время. СПб.: DSCN: Композитор, 1998. С. 422–423.

⁵ Один из псевдонимов Льва Владимировича Лифшица, более известного как Лев Лосев. Друзья звали его Леша, отсюда и возник странный псевдоним «Алексей Лосев». О том, что его вполне могут спутать с великим философом (и до сих пор пугают), Лев Лифшиц тогда не думал. Позже Алексей Лосев превратится в Льва Лосева. См.: *Генис А.А., Волков С.М.* Диалог на Бродвее // Радио Свобода. 2017. 12 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28543029.html> (дата обращения 20 июля 2021).

⁶ *Лосев А.* Ниоткуда с любовью...: Заметки о стихах Иосифа Бродского // *Континент*. Париж, 1977. № 14. С. 316. Здесь и далее все графические выделения принадлежат авторам цитируемых текстов.

⁷ *Бродский И.А.* Соч.: В 7 т. 2001. Т. 3. С. 147.

⁸ Там же. Т. 2. С. 311–312.

⁹ Там же. Т. 4. С. 20.

есть смерть. <...> Смерть – это тоже эквивалент пустоты, п р о - с т р а н с т в а , и з к о т о р о г о у ш л и...¹⁰ Пожалуй, ни один из русских поэтов, кроме гениального, но полузабытого Семена Боброва, не был столь поглощен мыслями о небытии – Смерти»¹¹, – замечают авторы статьи.

Не случайно в балладе «Холмы» (1962) два друга внезапно погибают от рук убийц, и, по словам М.Ю. и Ю.М. Лотманов, «мы так и не узнаем ничего ни о них, ни о причинах убийства. Их функция... – у х о д, после которого остается – в данном случае не метафорическая – дыра»¹²:

Убийцы тащили их в рощу
(по рукам их струилась кровь)
и бросили в пруд заросший.
И там они встретились вновь.
<...>
чернела в зеленой ряске,
как дверь в темноту, дыра¹³.

Но если уход героев стихотворения несомненен, то их посмертная «встреча» в аукториальной перспективе крайне сомнительна. Кто именно здесь встретился? Или, точнее, *что именно* встретилось? Отчасти эта ситуация «посмертной встречи» напоминает стихотворение М.Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...», являющееся вольным переводом стихотворения Г. Гейне «*Sie liebten, sich beide...*» (причем в интересующих нас последних строках стихотворения Лермонтов весьма далек от первоисточника): «И смерть пришла: наступило за гробом свиданье... / Но в мире новом друг друга они не узнали»¹⁴. И у Лермонтова и у Бродского – встреча после смерти (в одном случае потенциальных возлюбленных, в другом – друзей), но в обоих случаях встреча фактически равнозначна *невстрече*. И если у Лермонтова встречаются утратившие все земные черты души (отсюда и неузнавание),

¹⁰ Или, как пишет о Бродском Лев Лосев, «любое помещение для него характеризуется отсутствием тех, кто находился там прежде» (*Лосев Л.В. Щит Персея: Лит. биограф. Иосифа Бродского // Бродский И.А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 103*).

¹¹ *Лотман М.Ю., Лотман Ю.М. Между вещью и пустотой: (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Уrania») // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. С. 305.*

¹² Там же. С. 304.

¹³ *Бродский И.А. Соч.: В 7 т. Т. 1. С. 215.*

¹⁴ *Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. Л.: Наука, 1979. С. 481.*

то у Бродского «встречаются» лишь мертвые тела. Автор «Холмов» неоднократно повторял, что не слишком-то верит «в существование того света и вечной жизни» [Волков 1998, с. 256], неудивительно поэтому, что сцена «встречи» двух мертвецов приобретает горько-ироническую окраску.

По Бродскому,

сумма страданий дает абсурд;
 пусть же абсурд обладает телом!
 И да маячит его сосуд
 чем-то черным на чем-то белом.

(«Письмо генералу Z.», 1968)¹⁵

Абсурдность посмертной встречи двух тел, двух «сумм страданий», онтологически бессмысленна. По словам Бродского, с течением времени от человека остается все меньше и меньше: «Сначала человек, потом вещь, т. е. сведение человека к вещи, к такому иероглифу; да? А потом к цифрам, а потом уж просто к языку» [Бродский 2012, с. 43]. Экзистенциальный абсурд выражается, в частности, через уподобление тела в пространстве – черному тексту на белой бумаге. Поэтому и дыра в зеленой ряске пруда, прованная двумя трупами, *чернеет*, «как дверь в темноту»¹⁶. Здесь вполне реальное физическое явление осмысливается как квазипиритуальное. В эссе «Об одном стихотворении» (1981) Бродский использует такое понятие, как «лингвистическая реальность “того света”»¹⁷, иначе говоря, по его мнению, «тот свет» не обладает бытийным статусом вне языка, речи. Поэтому, отрицая существование нематериального, поэт настойчиво утверждает его эстетическую ценность. Так, например, говоря о своем стихотворении «Закричат и захлопочут петухи...» (1962), посвященном Ахматовой, Бродский отмечал: «Начало у стихотворения беспомощное... А конец хороший. Более или менее подлинная метафизика» [Волков 1998, с. 250]. То есть именно метафизика оказывается едва ли не главным критерием оценки художественного качества.

В частности, именно поэтому квазирелигиозные стихи Бродского («Сретенье», рождественский цикл и многое другое) не имеют для их автора серьезного бытийного статуса. Для сравнения показателен в этом плане чеховский рассказ «Студент» (1894), где описывается человек, которым движет светлая и глубокая вера, несмотря на то что автор совершенно не разделяет воззрений

¹⁵ Бродский И.А. Соч.: В 7 т. Т. 2. С. 223.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 215.

¹⁷ Там же. Т. 5. С. 183–184.

своего героя, а в письме С.П. Дягилеву от 12 июля 1903 г. пишет: «...я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего»¹⁸. Однако, как отмечает Витторио Страда, «вакуум, связанный с отсутствием веры», не заполнялся у Чехова «антиверой, так что и здесь он не поработчен никакой “нормой”»¹⁹, поэтому, не имея веры, Чехов не был враждебен религиозному началу, относился к нему с большим интересом и с удовольствием описывал людей глубоко религиозных. Чехов, как и Бродский, был агностиком, склонявшимся к позитивизму²⁰. Оба писателя тяготеют к психологической системе *сослагательного христианства*, строящейся на принципе «что было бы, если бы я верил во все это». Однако, когда заходила речь о действительных убеждениях, Бродский жестко и беспощадно рушил любые «религиозные иллюзии».

В стихотворении «Похороны Бобо» (1972) говорится:

Идет четверг. Я верю в пустоту.
В ней как в Аду, но более херово.
И новый Дант склоняется к листу
И на пустое место ставит слово²¹.

Здесь на место «отсутствующего в реальности» мистического начала ставится слово (может быть, даже слово «логос»), и существование, таким образом, обретает символическую видимость смысла, несмотря на то что *сredo* лирического героя не оставляет ни малейшей надежды. Поэтому и лирический герой баллады «Холмы», видя трупы, брошенные в пруд, восклицает:

Кто их оттуда поднимет,
достанет со дна пруда?
Смерть, как вода, над ними,
в желудках у них вода.
Смерть уже в каждом слове,
в стебле, обвившем жердь.
Смерть в зализанной крови,
в каждой корове смерть²².

¹⁸ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1982. С. 234.

¹⁹ Страда В. Антон Чехов // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М.: Прогресс: Литера, 1995. С. 61.

²⁰ Подробнее об этом см.: Долженков П.Н. Чехов и позитивизм. 2-е изд. М.: Скорпион, 2003. 218 с.

²¹ Бродский И.А. Соч.: В 7 т. Т. 3. С. 35.

²² Там же. Т. 1. С. 216.

Смерть на наших глазах разрастается, она во всем: в каждом слове, в каждом предмете, она всеильна и неотменима. Это поэтический гимн безвозвратности, куда более безнадежный, чем гимн чуме в устах пушкинского Вальсингама, где есть хоть какая-то, пусть и сомнительная, надежда («Бессмертья, может быть, залог»)²³.

Катастрофичность картины усугубляется тем, что молоко коров, лизавших кровь убитых, само становится средоточием смерти и крови и сокрытая в нем кровь незримо пронизывает все вокруг²⁴. Показательна паронимическая близость слов «крови» и «корове», подчеркиваемая внутренней рифмой. Человеческая кровь проникает в коров, делается их частью. Подобным образом одно слово «проникает» в другое, коннотативно «просвечивает» сквозь него. Все становится красным: вагоны, железнодорожные пути, даже будущее – дети.

Перед нами антиевхаристия. Всеобщее – через молоко – «приращение» смертью (весьма характерно использование в этой ситуации церковнославянизма «млеко») создает особый, красный мир, мир смерти и крови:

В красном, красном вагоне,
С красных, красных путей,
В красном, красном бидоне –
Красных поить детей²⁵.

Красный цвет здесь связан не с советским миром, но с кровавой символикой, означающей беспомощность человечества перед феноменом смерти: казалось бы, заурядное убийство приобретает черты архетипические.

Одновременно с этим смерть осмысливается и как прозрачная преграда: «Смерть – это стекла в бане, / в церкви, в домах – подряд!»²⁶ Здесь стекла даны на всех уровнях бытия: на нижнем – баня (жизнь тела), на верхнем – церковь (жизнь духа) и на среднем

²³ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 (19) т. Т. 7. М.: Воскресение, 1995. С. 180.

²⁴ Впрочем, речь идет именно о просачивании в окружающий мир частичек разлагающегося человеческого тела (молекул), а не об абстрактном всеприсутствии умершего, которое обнаруживает у Бродского великолепный исследователь его творчества Денис Ахапкин (см.: *Ахапкин Д.Н.* Стихотворения In metamorphosis в художественной системе И. Бродского // *Культура: соблазны понимания: Материалы научно-теоретического семинара: 24–27 марта 1999 г. Ч. 2.* Петрозаводск, 1999. С. 128).

²⁵ *Бродский И.А.* Соч.: В 7 т. Т. 1. С. 217.

²⁶ Там же.

(смешение того и другого). Причем все три уровня, по Бродскому, обречены смерти. Особая значимость для поэта именно зрительных образов проявляется здесь в том, что обреченность смерти выражается при помощи концентрации внимания читателя на визуальной проницаемости символически значимых объектов. И далее: «Смерть – это все, что с нами, – / ибо они – не узрят»²⁷. То есть все, что с нами происходит, вся наша жизнь есть смерть, потому что для них (мертвых) она невидима. Здесь неверие поэта в существование «того света» определяет само понятие «смерть». Это полное уничтожение души и тела, полная слепота небытия.

Но через несколько строк возникает другая версия событий, другой голос. Это голос умерших, их слово:

Мы больше на холм не выйдем.
В наших домах огни.
Это не мы их не видим –
нас не видят они²⁸.

С этой точки зрения мертвые видят живых, видят огни в своих домах (теперь бывших своих), однако сами невидимы. Если следовать этой имманентно гипотетической спиритуальной версии, смерти души нет, а посмертная встреча героев все-таки осуществилась. Все это выявлено через зрение, через частичную зрительную взаимопроницаемость двух миров, физического и метафизического. Петр Вайль подчеркивает исключительную значимость для поэтики Бродского именно зрительных образов²⁹. Именно визуальное начало, именно зрение становится для поэта критерием «существования/несуществования».

По мнению Соломона Волкова, «мышление Иосифа Бродского – принципиально диалогично (по Бахтину). Это заметно и в стихах Бродского, и в его прозе, и в драматургии»³⁰. А.М. Ранчин, возражая С.М. Волкову, отметил, что «противоположные суждения у Бродского не диалогичны, а антиномичны, и принадлежат одному (и единственному в его мире) сознанию – автора или “лирического героя”»³¹.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: *Вайль П.Л.* Слушая Бродского: Сольный вечер для русской публики: Эссе // Независимая газ. 1992. 4 июня. С. 7.

³⁰ *Бродский И.А., Волков С.М.* Вспоминая Ахматову: диалоги. М.: Независимая газ., 1992. С. 4–5.

³¹ *Ранчин А.М.* Философская традиция Иосифа Бродского // Лит. обозрение. 1993. № 3/4. С. 10.

И действительно, в данном случае вторая точка зрения, казалось бы, исключает первую, однако реальность «того света» для Бродского – явление «чисто лингвистическое», то есть спиритуальный мир воспринимается им как сугубо поэтическая категория. В сущности Бродский отстаивает тот «либеральный дуализм», о котором писал в свое время А.Ф. Лосев: «...реальная жизнь – сама по себе, а миф – сам по себе. Я никогда не был ни либералом, ни дуалистом, и никто не может упрекать меня в этих ересях» [Лосев 2001, с. 34], – добавлял религиозный философ. Как видим, Бродский к такого рода «ересям» был явно склонен. Интересны в этом плане слова французской славистки Анни Эпельбуэн:

Я не считаю, что он был верующим человеком. Про иудаизм он не говорил, не проявлял особого интереса к этой религии. В какое-то время он интересовался в молодости индуизмом, но это было временно. Христианство его занимало все время как основа европейской культуры, а не как вера. <...> И для него было очень важно владеть основами культуры, которая в течение столетий шла по образам и сюжетам христианства. <...> Смерть он видел везде и всегда – и в искусстве, и в обыденной жизни, она сливалась с самой жизнью и даже не мешала жить веселой интересной жизнью. Нравственная роль поэзии в обществе занимала его всегда, была компасом его жизни [Полухина 2006, с. 269].

Лирический герой баллады «Холмы» заморожен ужасным зрелищем смерти, он хочет «заключить» его, психологически преодолеть, но все цветы, которые ложатся на гроб, налиты свинцовой тяжестью:

Розы, герань, гиацинты,
пионы, сирень, ирис –
на страшный их гроб из цинка –
розы, герань, нарцисс,
лилии, словно из басмы,
запах их прян и дик,
левкой, орхидеи, астры,
розы и сноп гвоздик³².

Это, казалось бы, простое перечисление цветов есть акт метафизического отчаяния, выражение бессилия лирического героя перед лицом смерти. По словам Г.Ф. Комарова, в творчестве Бродского «отчаяние существования преодолевается самой структурой поэ-

³² Бродский И.А. Соч.: В 7 т. Т. 1. С. 217.

тической речи»³³. Едва ли это так. Отчаяние по сути не преодолевается, потому что преодолеть его невозможно. Просто его причину (гроб с телами убитых) необходимо скрыть, и прежде всего от себя. Не думать о смерти, отодвинуть ее как можно дальше, визуально деактуализировать. В беседе с Соломоном Волковым Бродский, в частности, говорил: «Сколько я себя помню, я всегда стремился отделяться от той или иной реальности, нежели пытаться удерживать что-либо» [Волков 1998, с. 224]. Это стремление «отделаться» – и в том море цветов, в котором лирический герой прячет гроб, восклицая:

Прошу отнести их к берегу,
вверить их небесам.
В реку их бросить, в реку,
она понесет к лесам.
К черным лесным протокам,
к темным лесным домам,
к мертвым полесским топам,
вдаль – к балтийским холмам³⁴.

Итак, по словам лирического героя, нужно поднять тела убитых со дна пруда, для того чтобы бросить их в реку (из воды – в воду!). В этом, казалось бы, нет никакого смысла.

Смысл, однако, есть, и немалый. Такое странноватое языческое погребение в движущейся воде выражает желание Бродского избавиться от пугающих мертвых тел, желание сделать их перцептивно «несуществующими» (разумеется, лишь для лирического героя). При этом дальнейшая «судьба» трупов осмысливается на сугубо символическом уровне, если полесские топи символизируют смерть (характерен параллелизм, «к черным лесным», «к темным лесным»³⁵, «к мертвым полесским»), то балтийские холмы³⁶,

³³ *Комаров Г.Ф.* От составителя // Бродский И.А. Соч.: В 4 т. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1992. С. 461.

³⁴ *Бродский И.А.* Соч.: В 7 т. Т. 1. С. 217.

³⁵ Говоря о стихах Роберта Фроста, Бродский указывал на «лес как источник смерти или синоним жизни. <...> Надо признать, что в известном смысле Фрост был конечно же ограниченным человеком, его интересовали определенные вещи, скажем, лес. И тот ужас, который источает лес, он ощущал как никто» [Волков 1998, с. 99].

³⁶ Надо сказать, что упоминаемые в тексте полесские топи и балтийские холмы указывают на место действия с достаточной степенью точности. Река, о которой говорится в тексте стихотворения, – это река Шара в Белоруссии (в современной Беларуси – Щара). Это единственная река,

напротив, символизируют жизнь («Жизнь – холмы, холмы»³⁷). Однако несмотря на то что на символическом уровне появляется иллюзия надежды на освобождение от власти смерти, перед нами всего лишь *символ* жизни, онтологически беспомощный и не оставляющий места для какого бы то ни было оптимизма.

Более того, для Бродского источник экзистенциального отчаяния – само течение времени, потому что время, как сказал поэт в интервью Белле Езерской, «в конечном счете уподобляет человека себе»³⁸. По словам Льва Лосева, «в мире Беккета и Бродского трагична сама телесность человека на ее неизбежном пути к смерти и разложению»³⁹. Отношение поэта к феномену пост-смерти весьма напоминает отношение к ней Альбера Камю, по мнению которого «все завершается смертью»⁴⁰.

Время страшит нас своей доказательностью, неумолимостью своих расчетов. На все прекрасные рассуждения о душе мы получали от него убедительные доказательства противоположного. В неподвижном теле, которое не отзывается даже на пощечину, души нет. <...> В мертвенном свете рока становится очевидной бесполезность любых усилий⁴¹.

Смерть, с точки зрения Бродского, бесчеловечна и непобедима, она воспринимается как причина абсурдности человеческого существования. И хоть как-то смягчить ее всеразрушающее воздействие может лишь слово, и в первую очередь – поэзия, которая, по Бродскому, есть «высший предел речи, т. е. биологическая цель человека как вида» [Бродский 1983, с. 365].

В стихотворении «...и при слове “грядущее” из русского языка...» (1976) поэт подчеркивал:

От всего человека остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи⁴².

текущая через Полесье в сторону Прибалтики. В ее верховье расположены равнинно-холмистые пространства Западно-Белорусской провинции, то есть те холмы, на которых происходит действие. Потом Шара течет через Полесье, поворачивает на север и впадает в Неман (Нямунас), который затем протекает через Литву.

³⁷ Бродский И.А. Соч.: В 7 т. Т. 1. С. 218.

³⁸ Езерская Б. Мастера: [В 2 кн.]. Кн. 1. Ann Arbor: Эрмитаж, 1982. С. 109.

³⁹ Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 282.

⁴⁰ Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 73.

⁴¹ Там же. С. 31.

⁴² Бродский И.А. Соч.: В 7 т. Т. 3. С. 143.

Таким образом, с точки зрения Бродского, лишь слово, лишь «часть речи», способная уцелеть даже после цивилизационных катастроф, может служить хотя бы некоторым психологическим противовесом разрушительному всевластию времени и смерти. Поэтому слово, в особенности поэтическое слово, оказывается единственным не полностью разрушаемым носителем если не жизни, то хотя бы частички памяти о ней.

* * *

Вопреки широко распространенным представлениям о том, что христианское восприятие мира принципиально не трагично, у современного христианского поэта Ольги Седаковой мы не наблюдаем подобного рода импликации. Большую часть написанного ею можно назвать стихами после Освенцима. Предстояние перед нечеловеческим опытом, пережитым в XX в., так или иначе окрашивает ее творчество. По словам Ксении Голубович,

Ольга Седакова хочет создать язык мучеников как язык тех, кто будет жить дальше, тех, в ком говорит сама наша жизнь, тот самый язык жизни, язык нового начала, начинающийся вновь в каждом своем слове, который столь необходим и который и является основой настоящей этики⁴³.

И даже когда Седакова в стихотворном цикле «Тристан и Изольда» (1978–1982) пишет о Средних веках, она, вовсе не «обличая» эту эпоху и многим в ней восхищаясь, настойчиво подчеркивает то ужасное, с которым сталкивались, в частности, и люди Средневековья. Причем в источниках того времени эти мотивы акцентированы куда менее. Опыт поэзии «после Освенцима» проникает и в образы прошлого, лишая нас иллюзий относительно «благостных времен» и «руссоистской гармоничности» средневековой жизни, воспринятой в романтическом модусе.

При этом острота спиритуальности в христианской поэзии Седаковой не меньшая, чем у Блока, который, тяготея к оккультно-гностической картине мира, видел проявление мистических сил даже в самых обычных предметах и событиях. Острота спиритуальности в восприятии окружающего мира, несколько по-иному окрашенная, характерна и для культуры Средневековья, но Седакова стремится не к реконструкции прошлого, а к его новому и актуальному осмыслению:

⁴³ Голубович К.О. Поэт и тьма. Политика художественной формы // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 105.

За новую тему христианского искусства – тему бесконечной ценности и благородства живого как живого (вне предвзятых различений «духовного» и «плотского», «смертного» и «вечного»), за новый пафос этого искусства – не отрешенности, а участия, захваченности общим бытием, за его новый аскетизм (который можно было бы описать как воздержание от омертвевшего и омертвляющего), за его новый свободный символизм, не рассекающий мир на «существенное» и «случайное», «значащее» и «незначащее», заплачено страшным опытом нашего века, банализацией смерти [Седакова 1998].

Так ситуация «после Освенцима» порождает новую эстетику и новую версию спиритуальности.

Цикл «Тристан и Изольда» открывается слегка переиначенной цитатой из романа Жозефа Бедье: «Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти?»⁴⁴ Этот роман, написанный известным французским ученым на рубеже XIX и XX вв., представляет собой попытку свести воедино различные версии популярного средневекового сюжета, и, как мы знаем, Седакова с большим увлечением читала эту книгу начиная со школьных лет [Седакова 2019, с. 299].

Первые строки создают иллюзию того, что сейчас начнется повествование о двух знаменитых героях, но стихи Седаковой скорее дополняют средневековый сюжет, чем излагают его, они написаны «на полях общеизвестного».

Значительная часть цикла посвящена восприятию смерти. Название предпоследнего стихотворения, «Мельница шумит», странным образом отсылает нас к любимому Седаковой вокальному циклу Ф. Шуберта «Прекрасная мельничиха» (1823), с его почти идиллической атмосферой, за которой таится скрытый трагизм, в полную силу проявляющий себя в «продолжении» этого вокального цикла – «Зимний путь» (1827; оба цикла – на стихи Вильгельма Мюллера). Одновременно с этим образ мельницы, перемалывающей зерно, отсылает и к словам Христа о зерне, которое должно умереть, чтобы принести «много плода» (Ин 12:24). Речь, таким образом, идет о важности и неизбежности крестной жертвы. У Седаковой же зерно, умирая на мельнице, «кричит, как птица, / в тяжелых жерновах»⁴⁵, еще острее выявляя трагическую оборотную сторону прекрасной шубертовской идиллии. Впрочем, погибшее таким образом зерно может «принести плод» и через

⁴⁴ Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде / Пер. с фр. А.А. Веселовского. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1978. С. 9.

⁴⁵ Седакова О.А. Четыре тома: В 4 т. Т. 1: Стихи. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. С. 173.

Евхаристию. Такого рода символически многозначное переплетение религиозно значимых образов важно для поэтического мира Ольги Седаковой.

Переход в смерть в стихотворении цикла «Мельница шумит» воспринимается героиней в виде нисходящих лестниц:

забытым и никчемным,
не нужным никому,
по лестницам огромным
спускаться в широкую тьму
и бросить жизнь, как шар золотой,
невидимый уму⁴⁶.

Эти огромные лестницы отнюдь не заповеданные христианам «узкие врата»: таким путем идут все. При этом о смерти Тристана и Изольды в финальном стихотворении цикла говорится, как о «пропасти конца»⁴⁷, она ужасна, мучительна, и в этом плане Седакова отчасти сближается с Бродским. Дальнейшее же, вопреки шаблонным представлениям о христианстве, оказывается еще более безотрадным:

мы здесь с котомкой бытия
у выхода медлим – и вижу я,
что всем ужасен путь⁴⁸.

Выходить из жизни в загробное бытие тяжело. Человеческие души оказываются нищими, лишенными земных тел, и к тому же герои очень плохо представляют, где они и есть ли хоть что-нибудь в этой тьме вокруг. Возникают даже сомнения в собственном существовании:

Быть может, нас и нет давно,
но, как вода вымывает дно,
так мы, говоря, говорим одно:
послушайте живых!⁴⁹

То есть, несмотря на то что мы, возможно, давно не существуем, мы живы и нас стоит слушать! Из этого противоречия на уровне существования/несуществования вроде бы нет выхода, поскольку

⁴⁶ Там же. С. 174.

⁴⁷ Там же. С. 176.

⁴⁸ Там же. С. 146.

⁴⁹ Там же.

свершить что бы то ни было, не имея тела, уже невозможно. Похожая ситуация описана во многом близким Седаковой поэтом-мета-реалистом Иваном Ждановым в стихотворении «Такую ночь не выбирают...»:

Мы только помним, мы не видим,
мы и святого не обидим,
нас только тени здесь поймут.

В нас только прошлое осталось,
ты не со мною целовалась.
Тебе страшней – и ты легка.
Твои слова тебя жалеют.
И не во тьме, во мне белеют
твое лицо, твоя рука⁵⁰.

У мертвых есть воспоминания – и больше ничего. У Жданова это естественным образом порождает состояние безысходности. Но в мире «Тристана и Изольды» выход тем не менее есть:

Когда я начинаю речь,
мне кажется, я ловлю
одежды уходящий край,
и кажется, я говорю: Прощай,
не узнавай меня, но знай,
что я, как все, люблю⁵¹.

Ситуация отсылает нас к евангельскому эпизоду, когда женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, сказала себе, что исцелится, если коснется одежды Христа. Это и происходит (см.: Лк 8:43–48). Здесь же эту одежду воображает лирическая героиня, Изольда. Ей кажется, что она ловит уходящий край одеяния Христа, когда он уже уходит. Изольда не просит Христа о спасении, она даже не просит как-либо выделить ее из огромной массы других людей, но просто говорит, что любит. «Как все».

И если дальше говорить,
глаза закрыть и слова забыть
и руки разжать в уме –

⁵⁰ Жданов И.Ф. Воздух и ветер: Сочинения и фотографии. М.: Русский Гулливер, 2005. С. 34.

⁵¹ Седакова О.А. Четыре тома: В 4 т. Т. 1. С. 146.

Жест теперь возможен для них лишь «в уме».

одежда будет говорить,
как кровь моя, во мне.

Живой телесной крови в героине больше нет, как нет и кровеносных сосудов, но одежда преображает ее. Христос, облеченный в свою одежду, входит в душу героини, очищая ее человеческое естество подобно тому, как кровь движется по сосудам, давая человеческому телу возможность жить дальше. В связи с этим надо учесть еще одно стихотворение Седаковой:

Преданья о подвижниках похожи
на платье внутреннее кожи.
И сердце слабое себя не узнаёт,
в огромных складках пропадая.
Но краска их – как кровь, родная,
одежда быстрая, простая,
в которой темнота идет,
пустую лестницу шатая...⁵²

Перед нами очень необычный взгляд на человеческое тело *изнутри*, из-под кожного пространства. Там тоже возникает образ одежды. В данном случае – это тело, и «сердце слабое себя не узнает, / в огромных складках пропадая», и в складках этой «внутренней одежды» *идет* темнота, которая для Седаковой фон, позволяющий видеть Фаворский свет. Так происходит в стихотворении «Сказка» («Так она лежит и говорит...»): «И задуй мне душу, как свечу, / при которой темноты не видно»⁵³. Седакова любит использовать деликатные эвфемизмы: вместо Бога говорится о звездах («Мельница шумит»), вместо Христа – о рыбаке («Смелый рыбак. Крестьянская песня»). Одежда для Изольды неслучайно «будет говорить». Она будет говорить словами Христа, облеченного в нее. Как и темнота, в которой «ходит свет» в исихастском стихотворении «Сказка», одежда оказывается подходящей «средой» для действий Бога.

Кроме того, в предпоследней части цикла «Мельница шумит» спасительной для героев становится светящаяся щель под дверью (имеются в виду слова Христа «Я есмь дверь»), причем подчеркивается, что эта «щель» светит всем, и в ситуации пост-смерти тоже.

Герои «Тристана и Изольды» проходят длинный путь, полный страданий как при жизни, так и после смерти. Более того, эта

⁵² Там же. С. 100.

⁵³ Там же. С. 137.

неисчерпаемая бездна страданий в поэзии Седаковой проникает и туда, где ее не ждуг. Особо показательно в этом плане стихотворение «Ангел Реймса»:

но все-таки,
в этом розовом искрошенном камне,
поднимая руку,
отбитую на мировой войне,
все-таки позволь мне напомнить:
ты готов?
к мору, гладу, трусу, пожару,
нашествию иноплеменных, движимому на ны гневу?
Все это, несомненно, важно, но я не об этом.
Нет, я не об этом обязан напомнить.
Не за этим меня послали.
Я говорю:
ты
готов
к невероятному счастью?⁵⁴

«Сумма страданий», о которых говорит улыбающийся ангел, порождает не абсурд, как это было в случае Бродского, а некий важный смысл, ведущий «вверх». Неожиданно вместо умножения мучений заходит речь о *невероятном счастье*. Не о большом, не о превосходящем ожидания, – речь идет о *превосхождении вероятного*. И разумеется, речь идет о рае. Но рай у Седаковой связывается не с забвением пережитого ужаса, а с трагическим состраданием. Рай здесь не сладкая традиционалистская «награда за примерное поведение», предполагающая измененное сознание и/или благочестивое отстранение от лежащих во зле⁵⁵, но высокое и горькое сострадание всем страждущим. Счастье и трагизм здесь оказываются совместимы.

⁵⁴ Там же. С. 414–415. В этом и в некоторых других стихотворениях Ольги Седаковой выравнивание строк по центру принципиально важно для автора.

⁵⁵ См.: *Иоанн Златоуст*. Творения: В 12 т. Т. 6, кн. 2. СПб.: Изд. С.-петерб. духовной академии, 1900. С. 583; *Григорий Двоеслов*. Беседы на Евангелия: В 2 кн. Т. 1/2. М.: Изд-во Моск. Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2009. С. 425–426; *Феофан Затворник*. О разных предметах веры и жизни: собр. писем. СПб.: Правило веры, 2007. С. 11–30; *Софроний (Сахаров), архим.* Преподобный Силуан Афонский. 3-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. С. 479–480.

Можно сказать, что перед нами весьма нетрадиционная разновидность идиллии. Говоря о стихах Филиппа Жакоте, Седакова отмечала, что в них, как и в ее собственных стихах, нет

...возвращения к идиллии, во всяком случае в том расхожем смысле, каком ее принято понимать. Если вы прочитаете стихи Жакоте о саде, и мои, то вы увидите, что безмятежной идиллии там нет, там есть огромное внутреннее напряжение⁵⁶.

У Седаковой на месте традиционной идиллии оказывается движение через безмерность страданий и мученичество к горько-трагической идилличности рая, наполненного сопереживанием чужой боли и невероятным счастьем. Сострадание не только не нарушает счастья, но и теснейшим образом связано с ним.

Стихотворение «Письмо» (1997) обращено к умершему за несколько месяцев до его написания британскому профессору Доналду Николлу, историку и католическому богослову, изучавшему, в частности, историю российской святости. В своей книге «Победы Духа в России» [Nicholl 1997] профессор Николл уделял особое внимание российским новомученикам, что было важно и для автора стихотворения.

Седакова обращается к человеку, который, так и не побывав в России, глубоко почувствовал лучшее, что дала российская христианская традиция, воплощенная не только и не столько в виде конкретно-исторической фактологии, сколько в той «небесной» сокровищнице, которую увидел в этой духовной традиции британский профессор:

Святая Русь, Вы говорили,
Китежский град,
где Преподобный делит хлеб с медведем,
где пасхальный Серафим
говорит: Здравствуй, радость моя!
и от его улыбки
загорается звёздами дневное небо,
где каторжные молятся за своих конвойных...

Теперь, быть может, они Вас встречают, Доналд:
Как же они не встретят того, кто так им поверил,

⁵⁶ Седакова О.А. Презентация изданий «В комнатах садов» Филиппа Жакоте и «Сад мироздания» Ольги Седаковой на Non/fiction. 2013. 29 дек. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.olgasedakova.com/Events/1531> (дата обращения 20 июля 2021).

Серафим и Преподобный и те, с Колымы и Магадана,
 чьи имена неизвестны и чьи лица,
 как Вы говорили,
 сложатся в лик Святого Духа⁵⁷.

При этом Седакова называет свою страну «невыносимой» и, описывая через притчу о сеятеле собственное восприятие высоких слов Николла о России, говорит о бесплодии этой «почвы» сегодня.

Доналд
 сердце моё жестоко,
 как земля, по которой прокатили тяжёлые танки,
 если что на такой взойдёт, то не скоро,
 лет через двести.

Ваши слова
 о том,
 что всё устремляется к неотвратимому миру,
 как река к океану,
 что всё
 изменится и простится,
 впадая в общую неизмеримую воду,
 в бездну милосердия
 о которой мы знаем, –

Ваши слова не проникнут в него глубоко.
 Убитой земле
 нечем принять и выхаживать семя⁵⁸.

В стихотворении с беспощадной горечью выявляются последствия воздействия идеологии геноцида на души подавляющего большинства россиян, причем автор по-ахматовски («я кровь от рук твоих отмою») или, что в этой проекции почти то же самое, по-шаламовски не исключает из числа душ, окаменевших под гусеницами подавляющих свободу советских танков, и собственную. Однако, как Шаламов, вопреки собственному убеждению в том, что лагерь необратимо портит человека и уничтожает в нем все гуманное и цивилизованное, смог после лагеря стать очень большим писателем, так и Седакова, говорящая о том, как жестоко и невосприимчиво ее сердце к словам своего умершего собеседника, глубоко проникается ими и посвящает Доналду Николлу трагически пронзительное письмо.

⁵⁷ Седакова О.А. Четыре тома: В 4 т. Т. 1. С. 403–404.

⁵⁸ Там же. С. 404.

Важно, что рай, где, по убеждению автора стихотворения, теперь пребывает Доналд Николл, открывается для него прежде всего теми, кто прошел мрак и ужас ГУЛАГа⁵⁹. В этой неклассической идиллии ужасы и счастье сливаются в трагическом единстве. Об этом же говорит отшельник в финальном стихотворении цикла Седаковой «Тристан и Изольда»:

Да сохранит тебя Господь,
читающий сердца,
в унынье, в безобразье
и в пропасти конца –
в недостижимом стекле
закрытого ларца.

Где, как ребенок, плачет
простое бытие,
да сохранит тебя Господь
как золото Свое!⁶⁰

Интертекстуальная отсылка к знаменитому стихотворению Б.Л. Пастернака «В больнице», говорящая о счастье рая, здесь неразрывно слита с воспоминанием о *пропасти конца*, причем опровергающее любые вероятности счастье пребывания с Богом, оказывается, может быть пронизано «плачем» простого бытия – состраданием и болью.

А в стихотворении «Нищие идут по дорогам» из цикла «Тристан и Изольда» благостным традиционалистским ожиданиям противопоставлен беспощадно жесткий мир реального:

Ты думаешь, стоит свеча,
и пост – как тихий сад?
Но если сад – то в сад войдут
и веры, может, не найдут,
и свечи счастья не спрядут
и жалобно висят.

И потому ты дверь закрой
и ясный ум в земле зарой –
он прорастет, когда живой,
а сам лежи и жди.
И кто зовет – с любимым иди,

⁵⁹ Именно из их имен должен сложиться лик Святого Духа.

⁶⁰ Седакова О.А. Четыре тома: В 4 т. Т. 1. С. 175–176.

любого в дом к себе введи,
не разбирай и не гляди:
они ужасны все,
как червь на колесе.

А вдруг убьют?
пускай убьют:
тогда лекарство подадут
в растворе голубом.
А дом сожгут?
пускай сожгут.
Не твой же это дом⁶¹.

Намерение христианского подвижника позвать в свой дом бездомного нищего цель столь же «безумная», сколь и самоубийственная. Автор нисколько не заблуждается относительно этих людей, претерпевших страшные муки и в то же время агрессивных и опасных. Но если позвавшего убьют, его ожидает «лекарство», странным образом связанное с именем Пушкина. В эссе «Заметки и воспоминания о разных стихотворениях, а также ПОХВАЛА ПОЭЗИИ» Седакова пишет:

В поэзии я люблю роковое – хотя Вы, может быть, удивитесь, какие стихи мне кажутся особенно роковыми. Например:

Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно, синяя, стелется широко,
Через его неведомые воды
Плывет рыбак...

Потому ли, что это уже небо, а не озеро; потому ли, что всего этого на свете нет и быть не может – и, тем не менее, только оно и есть; одним словом, неизвестно почему, от этих стихов в детстве у меня началась настоящая истерика, хотелось что-нибудь разбить, хотя бы ближайшую посуду: я видела, как с этим сине-зелено-золотым пейзажем неведомого на нас, как хищная птица, может, как орел к Ганимеду, спускается судьба «Софокла уже, не Шекспира» (как совсем по другому поводу сказала Ахматова). Роковыми мне кажутся вполне воплощенные стихи⁶².

⁶¹ Седакова О.А. Четыре тома: В 4 т. Т. 1. С. 154–155.

⁶² Там же. Т. 3: Poetica. С. 17–18.

В процитированном Седаковой стихотворении («...Вновь я посетил...», 1835) Пушкин вполне определенно говорит о предчувствии близкой смерти. Он ее предчувствовал, подобно тому как за 10 лет до того в стихотворении «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825) говорил о предчувствии своего освобождения из михайловской ссылки: «Запомните ж поэта предсказанье: / Промчится год, и с вами снова я»⁶³. Разумеется, Пушкин не мог знать, что совсем скоро, 1 декабря, умрет Александр I и что новый царь захочет вернуть опального поэта в Петербург. И тем не менее свое возвращение из ссылки Пушкин предчувствовал и оказался прав.

В интерпретации Седаковой явление рыбака в водах небесного озера, по всей вероятности, предполагает «зов сверху», возвышенный и роковой. Она видит здесь обращенный к поэту призыв покинуть земной мир. Впрочем, Седакова обнаруживает в этом стихотворении то, чего Пушкин скорее всего не предполагал. Синие воды озера превращают его, по Седаковой, в образ неба, властно вмешивающегося в судьбы людей.

Именно небо «в растворе голубом» оказывается тем райским «лекарством», которым встретят убитого подвижника, считавшего «свой» дом чужим и не имевшего ничего своего, за исключением небесного отечества.

Обостренная чувствительность к страданию и боли, возникающая «после Освенцима», актуальна для поэзии Седаковой в целом. Сострадание и счастье здесь неразрывно слиты в горько-идиллическом единстве.

* * *

Обращаясь к феномену пост-смерти, человек чаще всего связывает свои ожидания с системой представлений, выработанной той или иной культурной или религиозной традицией. Как известно, искусство и, в частности, художественная литература позволяет расширить обыденный горизонт ожидания, прорвавшись сквозь шаблонные импликации в глубокий и эстетически прекрасный мир возможного. Как отмечал Бродский, «смерть всегда служит лакмусовой бумажкой для этики поэта»⁶⁴. Версии Бродского и Седаковой, при всем их различии и онтологической несовместимости, трагичны и бесстрашно глубоки. Оба поэта осмеливаются говорить о невыразимом, будь то гипотетическая эпистемология пепла или трагическое счастье рая. Перед нами сопоставление двух поэтических

⁶³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 (19) т. Т. 2, кн. 1. 1994. С. 376.

⁶⁴ Бродский И.А. Соч.: в 7 т. Т. 5. С. 40. Впрочем, это касается не только поэтов.

ких онтологий. И, вникнув в них, мы видим, что по крайней мере здесь для спокойного и уравновешенного витгенштейновского молчания места больше не остается.

Литература

- Бродский 1983 – *Бродский И.А.* Послесловие к книге // Кублановский Ю.М. С последним солнцем. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 361–365.
- Бродский 2012 – *Бродский И.А.* Вектор в ничто (10 апр. 1980 г., Анн Арбор, Мичиган) // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: Сб. науч. трудов и материалов. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 425–439.
- Волков 1998 – *Волков С.М.* Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 1998. 327 с.
- Лосев 2001 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа; Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. 559 с.
- Мейер 1998 – *Мейер К.* Шостакович: Жизнь. Творчество. Время. СПб.: DSCH: Композитор, 1998. 558 с.
- Полухина 2006 – *Полухина В.П.* Иосиф Бродский глазами современников. СПб.: Звезда, 2006. Кн. 2. 542 с.
- Седакова 1998 – *Седакова О.А.* Немного о поэзии. О ее конце, начале и продолжении: Речь при вручении премии имени Владимира Соловьева. Ватикан. 1 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.poesis.ru/poeti-poezia/sedakova/frm2_poez.htm (дата обращения 20 июля 2021).
- Седакова 2019 – *Седакова О.А.* О чем Тристан и Изольда? // О семиотике языка и ее исследователе: Памяти Маргариты Ивановны Лекомцевой. Тарту, 2019. С. 295–303.
- Nicholl 1997 – *Nicholl D.* Triumphs of the Spirit in Russia. London: Darton, Longman and Todd, 1997. 256 p.

References

- Brodsky, J. (1983), “Afterword to the Book”, Kublanovsky, Yu. *S poslednim solntsem* [With a Last Sun], YMCA-press, Paris, France, pp. 361–365.
- Brodsky, J. (2012), “Vector to Nothing (April 10, 1980, Ann Arbor, Michigan)”, *Iosif Brodskii: problemy poetiki* [Joseph Brodsky: the Problems of Poetics. Coll. sci. works and materials], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 425–439.
- Losev, A.F. (2001), *Dialektika mifa. Dopolnenie k “Dialektike mifa”* [The Dialectics of Myth. Supplement to “The Dialectics of Myth”], Mysl', Moscow, Russia.
- Meyer, K. (1998), *Shostakovich. Zhizn'. Tvorchestvo. Vremya* [Shostakovich. Life. Works. Time], DSCH, Kompozitor, Saint Petersburg, Russia.
- Nicholl, D. (1997), *Triumphs of the Spirit in Russia*, Darton, Longman and Todd, London, UK.
- Polukhina, V.P. (2006), *Iosif Brodskii glazami sovremennikov* [Joseph Brodsky Through the Eyes of His Contemporaries], Book 2, Zvezda, Saint Petersburg, Russia.

- Sedakova, O.A. (1998), *Nemnogo o poezii. O ee kontse, nachale i prodolzhenii. Rech' pri vruchenii premii imeni Vladimira Solov'eva. Vatican. 1 iyulya 1998* [A Little About Poetry. About Its End, Beginning and Continuation. Vladimir Solovyov Prize's Award Speech. Vatican, July 1, 1998], available at: http://www.poesis.ru/poeti-poezia/sedakova/frm2_poez.htm (Accessed 20 July 2021).
- Sedakova, O.A. (2019), "What is Tristan and Iseult About?", *O semiotike yazyka i ee issledovatele. Pamyati Margarity Ivanovny Lekomtsevoi* [On Semiotic of the Language and Its Researcher. In Memoriam of Margarita Ivanovna Lekomtseva], Tartu, Estonia, pp. 295–303.
- Volkov, S.M. (1998), *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Conversations with Joseph Brodsky], Nezavisimaya gazeta, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Павел Е. Спиwakовский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; p.e.spiwakowsky@gmail.com

Information about the author

Pavel E. Spivakovskii, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; p.e.spiwakowsky@gmail.com

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Н.К. Егорова

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 25.08.2021.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1298

Издательский центр

Российского государственного

гуманитарного университета

125047, Москва, Миусская пл., 6

www.rsuh.ru